

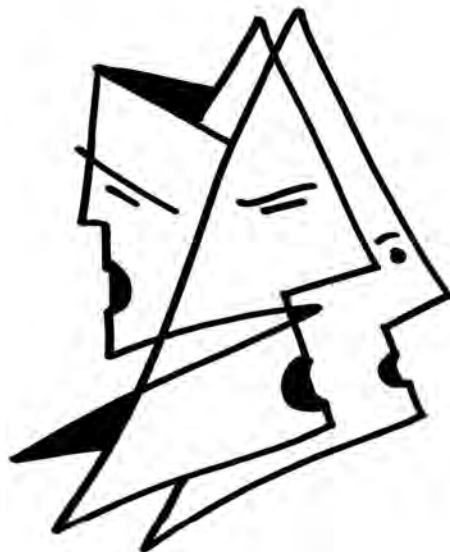
eISSN 2592-916X

ISSN 2592-9232

PALLADIUM

Brīvās Universitātes Žurnāls • Журнал Свободного
университета • Free University Journal # 16 (2025/4)

СКВЕРНОСЛОВИЕ В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МАСС-МЕДИА, КУЛЬТУРЕ И ПОЛИТИКЕ

freeuniversity.education • freeuniversity.press

PALLADIUM • ПАЛЛАДИУМ • ПАЛЛАΔΙΟΝ
#16 (2025/4)

СКВЕРНОСЛОВИЕ
В СОВРЕМЕННЫХ
РОССИЙСКИХ МАСС-МЕДИА,
КУЛЬТУРЕ И ПОЛИТИКЕ

Свободный университет работает
при поддержке Zimin Foundation
www.ziminfoundation.org

Palladium • Палладиум • Παλλάδιον

Brīvās Universitātes Žurnāls • Журнал Свободного университета •

Free University Journal

eISSN 2592-916X • ISSN 2592-9232 • DOI: 10.55167/82c438e14763

Все тексты настоящего издания публикуются на условиях лицензии Creative Commons Attribution License 4.0. Рисунок на обложке публикуется на условиях лицензии CCo 1.0 Universal Public Domain Dedication

#16 (2025/4) «Сквернословие в современных российских масс-медиа,
культуре и политике»

DOI: 10.55167/EEACDD475F7

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: ГАСАН ГУСЕЙНОВ

РИСУНОК НА ОБЛОЖКЕ: М. С.

ДИРЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА Владимир Харитонов

СВОБОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

freeuniversity.education

ИЗДАТЕЛЬСТВО СВОБОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА

freeuniversity.press

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ СВОБОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ:

Елена Лукьянова «Конституционные риски 2»; Елена Лукьянова, Илья Шаблинский «Авторитаризм и демократия» (2-е изд.); Ольга Крокинская «Жизненный мир за закрытой дверью: Университет на карантине и в дистанте»; Елена Лукьянова, Евгений Порошин (при участии Андроника Арутюнова, Сергея Шпилкина и Екатерины Звoryкиной) «Выборы строгого режима»; Elena Lukyanova, Evgeniy Poroshin with the participation of Sergey Shpilkin, Andronik Arutyunov, and Ekaterina Zvorykina «Maximum Security Elections»; Анатолий Кононов «Особое мнение судьи Кононова»; Михаил Минаков «Постсоветский человек и его время»

• А ТАКЖЕ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ НОМЕРОВ ЖУРНАЛА «PALLADIUM»:

#1 «Город как текст» #2 «Современные угрозы свободе» #3 «Социология войны» #4 «Ролан Барт и культура демократического общества» #5 «Мир и война. Двойная оптика» #6 «Государство и война» #7 «Наука и культура в эпоху катастрофы» #8 (2023/4) «Русский мир: история болезни» #9 (2024/1) «Язык и свобода» #10 (2024/2) «Патогенез суверенитета» #11 (2024/3) «Журналистика и образование во время войны» #12 (2024/4) «Язык и свобода II» #13 (2025/1) «Cor iuris» #14 (2025/2) «Нерусский мир» #15 (2025/3) «Право быть: животные в этике и праве»

Содержание

4	Кюлле Писпанен Предисловие к номеру декана Медиа-школы
7	ГАСАН ГУСЕЙНОВ Как складывался курс, посвященный сквернословию
	ОТ СТРАШНОГО К СМЕШНОМУ И ОБРАТНО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА (НАРУШЕНИЯ) РЕЧЕВЫХ ЗАПРЕТОВ
18	АЛЕКСЕЙ ПЛУЦЕР-САРНО «С хуем в голове»: Заметки лексикографа
35	Рудольф Вексниньш Филологический блуд, или какого хрена латыши прихватизировали русский мат?
45	Пирио Аалтонен От говна до мудака
	МАТ И ВОЙНА
52	ГАСАН ГУСЕЙНОВ Как украинцы посмели присвоить русский мат?
62	МИРРА МУХА-ГРИНЬЛАТ Мат в контексте релокации (опыты самоописания военной эмиграции)
	МАТ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ
80	РЕБЕККА ОЙФА «Быть или не быть» обсценной лексики в театре в России
98	ЕН ЙОВ ТЕН Эпоха фи́ги в кармане. Жаргонизмы на основе фамилий большевистских лидеров: от Бухарина и Рыкова — до Владимира Путина
106	МАКСИМ МАРШАК Голоса из-за стены: сквернословие в поэтике Александра Башлачёва и Егора Летова
115	МИТЯ КАФЕШКИН О роли нецензурной лексики в творчестве группы «Кровосток»
	АРХИВ
122	ЮРИЙ ЛЕВИН Об обсценных выражениях русского языка
136	ГАСАН ГУСЕЙНОВ Матерный пласт идеологического языка
	РЕЦЕНЗИИ
248	Толковый словарь государственного языка Российской Федерации
268	Не придумали еще такую науку, чтоб наш мат понимать

Предисловие к номеру декана Медиашколы

Кюлле Писпанен

Язык, на котором мы говорим сегодня, это и самое новое, что у нас есть (давно ли современный человек узнал слова «айфон», «селфи», «гугл-группа»?), но он же — и самое древнее, что у нас есть (например, большинство людей уже и не помнит, кого точно называют шурином, а кого деверем, или что такое «исполать»). Но есть совершенно особый пласт языка, в котором новое и старое переплетены в острой, иногда болезненной форме. Этот пласт — так называемое сквернословие, или запретный, матерный слой языка. Да, он — один из самых древних, но он же и постоянно обновляется. Какие задачи выполняет этот пласт языка? К какой бы теории происхождения языка мы ни прибегли, на этот вопрос нет однозначного ответа. Одни сразу скажут, что это — анти-язык, что это — анти-культура. Другие возразят, мол, отчего же он у нас на слуху? И — главное — почему мата так много и в соцсетях, и в массовой культуре, и в политике?

И почему, несмотря на вековые запреты, мы то и дело слышим не только чертыханья и обычную ругань, но именно суровую брань «в бога, душу, мать»? И ведь некоторым пользователям языка этот язык даже нравится. Во всяком случае, они смеются — кто тихонько, кто в голос — когда слышат особенно залихватское, меткое употребление запретных слов. Одни скажут, что возвышенная речь — от бога, а матерная — от черта. Другие заметят, что, может, не наше дело так делить язык, ведь для чего-то он создан (или сложился) таким, а не иным образом.

Курс «Сквернословие в масс-медиа, культуре и политике» Гасан Гусейнов разработал для Медиашколы Свободного в ответ на запрос самих студентов, но не только в попытке «задрать штаны, бежать за комсомолом», как сто лет назад иронизировал Сергей Есенин в балладе «Русь уходящая».

Отсутствие или недоступность академических исследований русского сквернословия и для тех наших студентов, что находятся в метрополии, и для тех, кто рассеялся по свету за годы войны, заставили нас по-новому подойти к формированию очередного номера «Палладиума»: мы надеемся, что очередной номер журнала войдет в силлабусы новых курсов и даст пищу для ума далеко не только студентам Медиашколы Свободного университета. В нем старые и новые научные исследования соседствуют с курсовыми работами нынешних студентов. Этот номер — конволют, раскрывая который, студенты Медиашколы (как, впрочем, и любой заинтересованный читатель) могут познакомиться и с хрестоматийной статьей рано умершего выдающегося математика и семиотика Ю. И. Левина «Об обценных выражениях русского языка», впервые опубликованной в американском славистическом журнале в середине 1980-х гг., и с написанной специально для нашего журнала работой едва ли не крупнейшего из живущих сейчас специалистов по русскому мату — Алексея Плущера-Сарно. Специально для этого номера написаны статьи Рудольфа Вискниньша и Пирио Аалтонен — коллег из Латвии (советизация которой была неразрывно связана с освоением носителями латышского языка русского мата) и Финляндии (где журналисты столкнулись с проблемой понимания русской коммуникации времен «перестройки», когда выяснилось, что преподаватели «русского как иностранного» из поколения в поколение транслировали лакированный казенный образ языка «Пушкина и Ленина»).

Израильтянка Мирра Муха-Гринблат в работе, также написанной специально для этого номера, сделала обзор сетевых самоописаний релокантов военного времени, показав, какое место в этой мозаике занимает мат как инструмент и характерная стилистическая помета времени.

Студенческие работы (в некоторых случаях подписанные псевдонимами) посвящены мату в рок-, поп- и театральной культуре последнего времени. Мы надеемся расширить круг студенческих публикаций, возникающих из выступлений на семинарах Медиашколы.

Мы исходим из того, что многие книги и статьи, выпущенные в 1980-е — 2000-е годы, в последнее время делаются

недоступными и в диаспоре, и в метрополии. Между тем, судя по отзывам студентов Медиашколы, для профессиональных журналистов, редакторов и вообще серьезных пользователей нужное издание хорошо иметь и в бумаге, и в цифре. Это касается и учебной, и исследовательской литературы, и публицистики. Вот почему в номере рецензируются и новейший «Толковый словарь государственного языка Российской Федерации» 2025 года, и вышедшая еще в 1983 году на немецком языке работа В. фон Тимрота, до русского читателя дошедшая с опозданием и на советскую власть, и на первые постсоветские десятилетия.

В архивном разделе номера публикуется, помимо уже упомянутой статьи Ю. И. Левина, глава из давно разошедшейся книги Г. Ч. Гусейнова о русском мате и советской идеологии. Наконец, между разделами номера, посвященного современному медийному языку, мы поместили, в качестве интерлюдий, живые отклики на бытование мата как особого инструмента военного времени — русского речевого оружия, применяемого украинцами против российских оккупантов.

DOI: 10.55167/ff78d89c6619

Как складывался курс, посвященный сквернословию

Гасан Гусейнов

Было ли это совпадением? В первые годы войны мы со студентами Свободного университета и Ковчега без границ — в возрасте от 18 до 78 лет — провели несколько семестровых и даже годовичных курсов под общим названием «Сквернословие (оно же — мат, оно же обценная речь) в масс-медиа, политике и культуре нашего времени». Конечно, для людей разного возраста это самое «наше время» приходится на разные годы ХХI и ХХ веков. Но во время войны, когда половина твоих студентов находится за пределами отечества, а половина продолжает жить у себя дома, ездить по старым маршрутам в электричках или автобусах, слушать всю ту же речь, что и прежде, межпоколенческие разрывы, бывает, стираются: потребность в обмене знаниями и мнениями возрастает у тех, кто не хочет потерять ориентацию во времени и пространстве.

Никому не приходилось искать, что общего оказалось в новом речевом опыте «уехавших» и «оставшихся»: и те, и другие отметили, что в их окружении слышнее, громче, разнообразнее стала звучать крепкая, забористая ругань. При этом собственно мат (базовая пятерка основ, называвшаяся нецензурной бранью, — хуй и его производные, пизда и ее производные, ебля и ее производные, муда и их производные, манда и ее производные) переплелась в обиходе с бранью просто площадной, т.е. не рекомендуемой для употребления, например, в открытой печати, но иногда туда попадавшей по той или иной нужде пишущего или говорящего.

Рубежной для выхода и матерного в узком смысле, и площадного в широком смысле, и блатного (тюремного) языка в политический и медийный обиход стала эпоха перестройки. Именно с середины 1980-х до начала 1990-х годов были опубликованы первые серьезные исследования сквернословия. От Баркова до Игоря Иртеньева восстанови-

лась связь времен. Разумеется, не обходилось без ханжеского укора: всех, кто пытался разобраться в том, почему мата так много в живой речи, обвиняли в жеребьячей безмозглости, в инфантильности, в желании извальяться в дерьме, как это делают собаки на прогулке. В предисловии к сборнику матерных частушек «Запевай, моя родная!», вышедших в Москве¹, давняя исследовательница этого языка, ныне проживающая на Ближнем Востоке, сжато разоблачила три советских мифа о мате:

«Миф номер один: матом нельзя при женщинах, потому что женщины матом не ругаются. Во время фольклорной практики большинство наших информанток были женщины. Чаще — средних лет. Но иногда и старухи наддавали.

Миф номер два: мат — это такое особое оружие русского языка, которого больше ни у кого нет. Брехня. Особенно у греков, среди которых и жила, и мата больше, и он побогохульнее нашего будет. Лексикографы Алексей Плущер-Сарно и Василий Буй выпустили словари матерного языка, а теоретик и историк сквернословия Гасан Гусейнов от книги об Аристофане до исследования советского языка показал, что с древнейших времен тут действуют одни и те же законы. Язык не дает соврать своим носителям. Как? Сначала — третий миф.

Итак, миф номер три: мат и интеллигентность несовместимы. Но тогда непонятно, чем вообще должна заниматься интеллигенция, если она не может внятно объяснить, почему и простой народ, и начальство, и люди творческого труда либо постоянно, либо время от времени используют непристойности в своей речи. Но этот миф разгромлен частушкой же:

*Тилигенция не любит,
Хто про еблю говорят:
Сами стоечкой ябуцца,
А нам лёжмя не велят.*

1. Запевай, моя родная! Непечатная антология в цветах / Проект и иллюстрации — Габи Диголь; пред. Мирра Муха-Гринблат. Б. г., 18+. ISBN 978-3-68959-861-7.

Согласно теории², матерная речь держится в языке на двух осях: страшное — смешное и низменное — высокое. Поскольку общество находится в движении, верх и низ то и дело меняются местами. Чтобы не кружилась голова, нужен стабилизатор. Особенно нужен человеку простого звания и скромного достатка. Петь долго и подписывать свою продукцию этот Архилох Нечерноземья не станет. А громко назвать вещи своими именами надо, очень хочется».

Мои студенты уже середины 2020-х годов захотели в поисках понимания того, отчего сквернословия стало так много в обыденной жизни, обратились за ответами к песенникам, песнярам, рок-певцам, звездам русского рока. К тем, чьи голоса до сих пор звучат в миллионах наушников.

Мне насрать на моё лицо (Егор Летов, 1987)
*В мокрой постели голое тело нашли — чёрный отдел
Хлопнули двери, гости куда-то ушли — я не хотел
Дохлые рыбы тихо осели на дно — и разбредись
Все вы могли бы, но перестали давно — и заебись
В это трудно поверить
Но надо признаться, что
Мне насрать на моё лицо
Ей насрать на моё лицо
Вам насрать на моё лицо
Всем вам насрать на моё лицо.*

Другая хрестоматийная уже вещь Егора Летова называется «В начале было слово» (1992):

*Как везли бревно на семи лошадях
Сквозь игольное ушко да за тридцать червивых земель
За снотворные туманы, за бродячие сухие леса
За дремучие селения, за кислые слепые дожди
За грибные водопады, за бездонные глухие поля
За рассыпчатые горы, за раззявые вонючие рты
По дощатому настилу, по тревожно суетливой листве
По подземным переходам, по зарёванным прыщавым щекам*

2. См. об этом подробнее: Гусейнов Г. Ч. Д.С.П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х гг. М.: Три квадрата, 2003. А именно в главе третьей, публикуемой в этом номере «Палладиума».

*В начале было слово.
Все слова — пиздёж.*

Нет, это не богохульство. Это — ответ на богохульство. И нас, участников семинаров 2022–2025 годов, интересовало именно то, как русский матерный использовался в последние десятилетия для описания и осмысления политической реальности.

Аннотация первой программы курса 2022 года гласила:

Сквернословие в масс-медиа и политике: методико-аналитический и культурно-исторический аспекты

Почему мы говорим об этом сегодня? Куда ни придешь, с кем ни поговоришь, все взрослые жалуются на одно и то же. Дома, говорят, наши мальчики и девочки не матерились, а тут, в этой вашей Европе, в Израиле, в СНГ, без мата просто ни шагу. Обычная речь, которую знающие люди называют нецензурщиной, матерщиной, обценной речью, сквернословием и так далее, цветет и пахнет. И вот, говорят нам взрослые, мы не понимаем, что с этим делать.

А вот в масс-медиа положение противоречивое. Большинство вернулось к цензуре 1980-х гг., которая плохо стыкуется с обильными матерными подтекстами в речах политиков. Западные практики от «политической корректности» до «вокизма» и «культуры отмены» вступили в странное взаимодействие с советскими цензурными практиками и постсоветской разнужданностью публичной речи, создав новую, никогда прежде не наблюдавшуюся в русском речевом мире ситуацию.

Настоящий курс предполагает подступы к описательной теории этого нового положения.

Культурная история сквернословия

В странах с возрожденными древними языками говорящая по-русски молодежь интегрируется по-разному. Там, где, как, например, в Греции, имеется своя богатая традиция сквернословия и богохульства, восходящая к комедиографу Аристофану, — этой традиции, стало быть, по меньшей мере две с половиной тысячи лет, там русское сквернословие немного меркнет. А вот в Израиле, рассказывают знающие люди, русский мат давно вошел в роли общепонятных междометий в речь менеджеров и преподавателей вузов, не знающих ни слова по-русски.

Общее у разношерстного опыта только одно: сквернословия в повседневной речи стало больше, держится оно на устах дольше, а главное — воспринимается молодыми носителями языка как некое облако виртуальных татуировок, по которым опознается свой брат — изгой, номад, мигрант, релокант, забывающий, откуда он пришел, и не очень еще понимающий, куда он идет.

Краткий обзор сквернословных практик в соцсетях и традиционных медиа

Как человек, много лет занимавшийся изучением этого пласта языка, я чем дальше, тем меньше вижу повод для моральных оценок его пользователей, а уж об осуждении людей, в речи которых сквернословие занимает столь значительное место, совсем смешно говорить.

Прежде чем выносить суждение, надо понять, о чем вообще мы говорим. Что оно такое — это самое сквернословие?

Почему сквернословием пугают? Кого сквернословие пугает?

Почему над сквернословием смеются? Кто смеется над сквернословием?

Что такое табу?

Аристотель, Ломоносов, Достоевский и русское сквернословие

Где обретается сквернословие? Где оно возникает, что описывает, ради чего оно дано людям? Первый ответ на этот вопрос дают теоретики риторики. Но их никто не слушает. Почему?

Исследования и теории матерной брани и матерной смазки, поэтического мата у известных художников слова.

От Ю. И. Левина до Василия Буя, от Алексея Плущера-Сарно до Илзе Эрмен, да и сам я от А. Д. Синявского и М. В. Розановой благословение на сей предмет получил тридцать лет назад.

Итак, начнем с простой теории, у истоков которой сам Федор Михайлович Достоевский в «Записках из мертвого дома». Ритуальная теория сквернословия (Б. А. Успенский). Сказки о волшебных свойствах сквернословия. Об особой силе, якобы содержащейся в мате. Почему из сложного сочетания страшного и смешного в фольклоре городской подросток или посевший уже господин на лицевой стороне замечает смешное, а страшную изнанку предпочитает не замечать? Почему учителям трудно говорить с школьниками о матерном языке? Как взаимодействуют политическая среда и мир образования — школьного и университетского?

Почему сквернословие называют «нецензурной речью»? Что такое цензура? Как она помогла матерному языку распространиться в обществе?

Попадая в мир, где родители и учителя стремительно утрачивают авторитетность, подростки раскрывают для себя сжатую эмоционально перегретую родную речь, параллельно осваивая для жизни язык чужого большинства. Для дела, для жизни нужен теперь чужой язык, а свое прежнее пространство согревает папироска матерка, так что ли? Вполне возможно, но это дело требует изучения без гнева и пристрастия, как велел римский историк.

Удовольствие от матерного языка vs. Отвращение к матерному языку

Как переводчики Катулла и Рабле обходили цензурные запреты? Невольное пробуждение удовольствия от матерного языка. Сквернословие в русской классической литературе от Пушкина до Чехова.

Как матерная речь и ее производные помогают философии языка?

Как так получилось, что матерные слова с опустошенным, обнуленным своим первичным значением, замещают в речи миллионов русскоязычных людей обыкновенные, никак не окрашенные слова?

Матерный язык и советская идеология

Советская идеология смертельно боялась всякой человеческой и социальной сложности, вообще живого человека. Поэтому в советской школе никогда не объясняли, например, происхождение анекдотов о Вовочке. Этот персонаж, восходящий к осточертевшему всем Володе Ульянову — будущему Ленину, воплощал в городском фольклоре и мечту о крутом мальчишке — грозе учителей и родителей, и страх перед вырастающим жлобом и мужланом. А учителя в этой серии анекдотов предстают беспомощными мнимыми авторитетами, пасующими перед грубой силой. Как вышло, что со своего законного места в низинах речевого опыта сквернословие поднялось в обывденную речь?

Сквернословие и ритуал

Существуют ли ритуальные приемы избежания сквернословия? Почему они помогают общению и обогащают его? Ритуальное запикивание в ютубе и бесцензурность телеграма: как социальные сети перерабатывают сквернословие? Почему это важно для масс-медиа будущего?

В вышедшем в 2025 году «Толковом словаре государственного языка Российской Федерации»³, список заветных, как говорили в старину, слов расширился.

НЕЦЕНЗУРНЫЙ, -ая, -ое; -рен, -рна, -рно. Неприличный, непристойный, оскорбительный. *Нецензурная брань. Нецензурный анекдот. Нецензурная песня.* Нецензурно. *Нецензурно выражаться.* Нецензурность. Для обеспечения соблюдения запрета, установленного п. 6 ст. 1 Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 №53-ФЗ под нецензурной бранью следует понимать использование слов, образованных от следующих корней: -бзд- (бздеть и производные), -бля- (блядь и производные), -ёб/еб- (и т. д.), -елд- (елда и производные); [что делать с героем хрестоматийного рассказа А. П. Чехова «Хамелеон» Елдыриным, явно производным от «елды», «Толковый словарь госязыка» не объясняет. — Г. Г.], говн-, жоп-, манд(а), муд, перд-, пизд-, сса-, сра-, -хуе-хуй-хуя-, шлюх (шлюха, шлюшка и производные)». (т. I, с. 770).

Чем больше этих слов реально входит в жизнь, тем усерднее государство, эту жизнь созидующее всеми своими силовыми органами, старается запретить своим гражданам не только говорить, но и хотя бы молча задумываться над тем, что видят и слышат носители языка, где бы они ни находились. Отношение к сквернословию образованных людей наших дней напоминает таковое у русской интеллигенции 1920-х годов. Автор уже процитированного предисловия к сборнику «Запевай, моя родная!», вышедшему в Москве в 2025 году, показывает, что деятели большевистской революции считали ответственным за тогдашнюю «матернизацию» языка «проклятый царизм». Читаем об этом у Троцкого:

Брань есть наследие рабства, приниженности, неуважения к человеческому достоинству, чужому и собственному, а наша российская брань — в особенности. Надо бы спросить у филологов, лингвистов, фольклористов, есть ли у других народов такая разнузданная, липкая и скверная брань, как у нас. Насколько знаю, нет, или почти нет. В российской брани снизу — отчаяние, ожесточение и прежде всего рабство без надежды,

3. См. рецензию в настоящем номере.

без исхода. Но та же самая брань сверху, через дворянское, исправническое горло, являлась выражением сословного превосходства, рабовладельческой чести, незыблемости основ... Два потока российской брани — барской, чиновничьей, полицейской, сытой, с жирком в горле, и другой — голодной, отчаянной, надорванной, — окрасили всю жизнь российскую омерзительным словесным узором. И наследство такое, в числе многого другого, получила революция⁴.

А интеллигенция антибольшевистская, наоборот, считала именно большевиков ответственными за падение речевого облика человека 1920-х гг. Читаем об этом у философа С. Н. Булгакова:

Мне часто думается теперь, что если уж искать корней революции в прошлом, то вот они налицо: большевизм родился из матерной ругани. (...) И жутко думать, какая темная туча нависла над Россией, вот она, смердяковщина-то народная⁵.

Вот и сейчас то и дело слышишь, что снижение речевого облика носителей языка, постоянные перебранки и срачи, скорее всего, лишь речевое выражение той войны, которую Российская Федерация затеяла с целью продвижения по миру вот этой вот своей национальной идеи, не имеющей другого выражения, кроме матерного.

Сейчас многие смотрят ролики на ютубе или в телеграме. Время от времени владельцы или дикторы каналов повторяют дежурные заклинания. Одно из них касается запрещенных изображений, другое — запрещенных звуков. Запрещенные изображения либо заблюривают, либо вовсе не воспроизводят в эфире. Запрещенные звуки запикивают, или заменяют характерными, узнаваемыми высокими звуками, напоминающими свисток резиновой груши или писк птицы.

Как правило, доля этих запикиваний соответствует градусу эмоционального возбуждения человека, которому принадлежит голос за кадром. Стоит немалого труда отыскать

4. Троцкий Л. Собр. соч. Т. XXI: Культура переходного периода. М., Л.: Госиздат, 1927. С. 17.

5. Булгаков С. Н. На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: Издательство МГУ, 1990. С. 116.

оригинал записи: без него иной раз никак невозможно понять, о чем вообще идет речь.

Да и как им не запикивать народный голос — прямой отклик на собственную циничную ложь? Никто же не возмущается, у всех в анамнезе — уверенность в том, что важные вещи нельзя произносить вслух. Обидно, что самое главное на твоём языке сегодня запикивается. Хорошо поступают те, кто старается преодолеть ханжескую цензуру. Ведь запикивать — значит обесмысливать — как бы для ясности. «В другое время!» — обещают нам. Вся беда в том, что другого времени осмыслить происходящее для этих людей никогда не наступит. Чтобы остаться немым, нужно стать глухим.

Хорошо, что есть студенты, которые требуют понимания, объяснения, чтобы самим принять потом свободное решение, как им говорить о том, что наворотило матерное поколение стариков.

DOI: 10.55167/9033bf45586d

**ОТ СТРАШНОГО К СМЕШНОМУ
И ОБРАТНО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
(НАРУШЕНИЯ) РЕЧЕВЫХ ЗАПРЕТОВ**

«С хуем в голове»: Заметки лексикографа

Алексей Плутцер-Сарно

Языковая модель мира говорит нам, что хуй у человека может быть практически где угодно. На это намекает известное выражение **обрасти хуями**, которое употребляется во множестве значений: 1) *стать жертвой проклятий*: «Нет в природе никакой экзотерики, мистики и кармы. Не работают проклятия и сглазы. Хуйня это все. Иначе бы вся эта шваль давно бы хуями обросла, как ежик иголками. С народных пожеланий»¹; «Ты гавно, хуйло и мудака, даже спорить с тобой не вижу смысла, просто иди в овраг и обрасти хуями»²; 2) *быть проклятым*: «До свидания, пидарасы! Вас не буду вспоминать. / Обрастите вы хуями! Ёб же вашу душу мать!»³; «Чтоб ты весь хуями оброс и ни один не встал!»⁴; «Да чтоб у тебя спина хуями обросла»⁵; 3) *мутировать; быть мутантом*: «Насколько распространены мутации у всяких хаоситов? Их получают только чемпионы или любой культист может обрасти хуями в любой момент?»⁶; «И будь я хоть 10/10, хоть обрасти я хуями из глаз и ушей, результат будет идентичен»⁷; «А вот если маги начнут срать по тихому, то жутких делов натворить могут. Чуму какую изобрести или горбатый триппер, водопровод отравить, чтоб аглицкие пидоране хуями обросли или просто крякнули. Можно невидимкой проскользнуть к королеве и насрать ей в утреннюю овсянку»⁸; «Ибануца, мошт он мутант какой, весь хуями оброс, а те ишо

1. URL: <https://www.yaplakal.com/forum1/st/575/...>

2. URL: <https://2ch.hk/b/arch/2021-06-14/...>

3. URL: <https://pesni.guru/text/ds-до-свидания-пидарасы>.

4. URL: <http://www.lbk.ru/archive/index.php/t-544-p-3.html>

5. URL: <https://otvet.mail.ru/question/73554308>

6. URL: <https://2ch.hk/wh/arch/2021-08-04/...>

7. URL: <https://m2ch.hk/rf/res/3835507.html>

8. URL: <http://arhivach.ng/thread/742317/>

и отростки каждый день»⁹; 4) *возненавидев, стать противником, врагом*: «Проебал ценную реликвию... Грубо нарушил внутренний устав... Единственный лоялист из предавшего/уничтоженного ордена... Падший... — Если хуями не обросли — то да. Предать Человечество им нет смысла, у них зуб на имперцев»¹⁰; 5) *быть обруганным матом*: «У меня однажды ближний погас средь дороги, время позднее, магазины не работают, до дома ближе чем до заправки или сервиса, пока ехал на дальнем (ну а куда деваться то), хуями оброс как ежик иголками»¹¹. То есть в языковой модели мира человек может быть практически полностью покрыт хуями как оборотень шерстью.

Человек может быть с хуем в кармане (в крайней бедности или без чего-л. желанного или без ожидаемых ранее достижений), с хуем в руке (лишившись чего-л. необходимого), с хуем в рту (в роли наречия: 1) *неразумно, нелогично и неувлекательно*; 2) *неубедительно, фальшиво, лживо*; 3) *невнятно, неотчетливо, неразборчиво*; 4) *отвратительно, убого и извращенно*), с хуем за щекой (со значением прилагательного: 1) *ничтожный, занимающий самое низкое положение в общественной иерархии*, 2) *всеми презираемый и оскорбляемый, униженный, опозоренный, осознавший свое ничтожество*, 3) *глупый, ничего не понимающий в чем-л.*), с хуем наголо (на перевес) (в роли наречия: 1) *в гневе, в разъяренном состоянии*; 2) *нагло, нахально*; 3) *решительно, смело*), ну и наконец, с хуем в жопе (со значением наречия: 1) *лишенный чего-л., утративший или не получивший какие-л. ценности*; 2) *пребывающий в нищете*; 3) *уступающий в соревновании,; проигрывающий*; 4) *опозорившийся*; 5) *оказавшийся в крайне неприятной ситуации*). В скобках заметим, что встречаются также выражения с хуем в глазах, в кулаке, в ладошке, в панамке, в рукаве, в сердце, в ушах, на губе, на голове, на лбу, на пятке, на спине, под мышкой, промеж глаз, да и много еще где, однако разбор этих идиом остается за рамками наших заметок.

Хуй у человека может быть и внутри головы, но изначально но здесь речь шла просто о человеке, который все время думает

9. URL: <https://litprom.ru/thread21376.html>

10. URL: <https://2ch.hk/wh/arch/2019-01-27/...>

11. URL: https://pikabu.ru/story/nemnogo_dichi_ot_taksistov...

о сексе, погружен в эротические мысли: «Люблю молодое поколение, слишком тупое чтобы что-то осознать. Кроме хуя в голове нечего нет. Даже интересно будит посмотреть на этих „Спортзмэнов“ лет в 40 когда пузо свиснет»¹².

Выражение это первоначально употреблялось во множестве прямых нефразеологических значений, то есть не как идиома, а просто как устойчивая языковая сочетаемость:

1. Ассоциации с мужским пенисом, возникающие при виде любого продолговатого предмета.

«— Но я догадаюсь с одного раза, Как партизаны называли такие посылки! — Залупой? Или елдой, может быть?... — Да, да и у меня такие же ассоциации. — Некогда им всякую хуйню было думать. — Елда с залупой. — Че-то я сомневаюсь, что у них, как у вас, одни хуи да пизды на уме были. — Их называли груз, а фантазии у тебя только вокруг хуя и вертятся... — О доме надо думать, о доме. — Вроде не очень молод а хуи в голове. Любой рюкзак так выглядит если лямки спрятать и сделан он так чтобы его 1 человек мог нести»¹³;

2.1. Мысли о сексе, желание секса.

«— Грубиянка! Ремня тебе нужно!... — Никита, жду субботу. — Молодец! Правильно меня поняла! — Никита, и тебя и твои эротические фантазии с ремнем!... — Одни хуи в голове у тебя! Вроде б не весеннее обострение»¹⁴; «...Люба с хуем в голове... Люблю эту женщину за ее: „жизнь — это про трахаться! Ебись пока ебется“»¹⁵; «— ...Иди ка ты лесом не пропуская не одного хуя. — Господи, не говори про себя в слух... У тебя вижу только хуи в голове, наверное муж не удовлетворяет, короче иди на хуй, уже заебала шмара тупая. — Ты кроме своего жира больше ничего видеть не можешь, у меня в голове хуи? И это мне говорит дешовая шлюха! Очень смешно»¹⁶; «Это пипец, это треш, это только в России влюбленные встречаются, проводят свидания в подъезде и возле помойки. Потому что в лю-

12. URL: https://pikabu.ru/story/a_kakaya_u_tebya_otmazka_1156374

13. URL: <https://www.yaplakal.com/forum3/topic1727537.html>

14. URL: https://vk.com/wall-643638_152400

15. URL: <http://realfaq.ru/discussion/12367/risunochnyy-test-vartegga>

16. URL: https://www.instagram.com/p/BbfP2QoF_Ju/

бой здравомыслящей стране, пригласила девочка мальчика, он приходит к ней домой, и нормально они сидят в своей комнате, никто им не мешает, и родители не стучатся. Вот это цивилизация. Что у нас: „Мам, можно я там мусор подмету на площадке?“. Берет веник, берет совок и идет встречаться с парнем. Потому что реакция примерно такая: „Опять ты, блядь! Какого хера ты с пацанами своими? Уроки иди лучше учи, гнида! Какого хера у тебя кроме хуёв в голове нет? На Таньку посмотри, отличницу!“ Но потом все равно все долбятся, но долбятся по синьке»¹⁷;

2.2. Гомосексуальные эротические мысли.

«Ну, ксенобляди, какого это осознавать, что ваш бог просто бездарный плагиатор и латентный пидор с хуями в голове»¹⁸;

3.1. Размышления о пенисе.

«— Блин, я всю жизнь думала, что член до эрекции — это никакой не показатель, типа большой может почти не увеличиться и наоборот. Пока, в общем, не активизируешь — не узнаешь. Как вы определяете? Или у меня неверная информация?) Я как лет в 14 такое вычитала, так с этим и живу. — ...Что вы делаете, теперь одни хуи в голове вместо работы»¹⁹;

3.2. Размышления о личной жизни, о мужчинах.

«...Про бабье. Ибо из моего опыта службы с бабами — специалисты из них обалденные тока в качестве начальников складов и в финслужбе. Учитывая нынешнюю молодежь, я бы не рискнул доверить свою жизнь укладчице, у которой „одни хуи в голове вертятся“»²⁰;

4. Матерные оскорбления.

«— Дожились! Американский посол в Украине поехал в Москву решать украинские вопросы. Прав Захарченко, объявив о создании Малоросии. Прогнившему режиму Хунты осталось немного посидеть у руля. Сегодня от Украины отвернулись даже прибалты. Так что Малороссия уже не за горами.

17. URL: <http://www.rulit.me/books/stati-read-344378-157.html>

18. URL: <https://2ch.hk/mov/arch/2017-03-26/res/1371442.html>

19. URL: <http://diary.ru/~justforus/p211838632.htm>

20. URL: http://forum.guns.ru/forum_light_message/47/456041.html

Вот интересно — что завоюют тогда кто поддерживал и продолжает поддерживать Хунту? Куда они побегут? — Ты — такой же пиздуняра, как и Захер. — Фашистскому ублюдку чемоданчик приготовил? — Я? А нахуя? А вот ты — хуй из своей сраки зря не вытащил. У тебя из-за этого хриплый голос. Попробуй переместить этот хуй себе в пасть. — Фашистскому ублюдку. А у тебя кроме хуёв в голове ещё что то имеется? — Значит — не вытащил! Бо — продолжаешь хрипеть. Повтори попытку»²¹; «— Видимо вас, недоумков, на этом сайте специально в одном разделе собрали, как в загоне, чтобы вы не гадили в других темах форума, а гнили тут со своими „хуями“ в голове, во рту и на языке. — За хуем в голову в раздел забрался? Здесь завсегда таких рады оприходовать! Заходи, нам без идиотов тоскливо!»²².

Эта нефразеологическая сочетаемость не нова, она употреблялась и ранее, на протяжении последней четверти XX века. Одновременно с этим во множестве контекстов это словосочетание демонстрировало переход во фразеологию, когда оба слова, составляющих выражение, стали приобретать единое лексическое значение, как это видно уже из первого значения следующей словарной статьи (с хуем в голове = *глупый*):

хуй в голове [с хуем в голове, одни хуй в голове, хуй в голове] (вертятся, и все шевелятся) (— медицина бессильна).

1.1. *Глупый, неспособный понимать.*

«Конченный даун, ты вообще что ли не отдуляешь? Уйти победителем = уйти на пике формы, блять, с победой сука, опустив всех остальных. Уйти непобежденным = уйти без поражений, сука, Вообще Без Поражений и это большая разница. А если ты, конч, не видишь этой разницы, то вскройся, потому что жить с хуем в голове... стремно»²³. «Меня одного удивляет, как люди с “хуем” в голове зарабатывают на лексусы и подобное, ведь дибил даже увидит на улице слякоть»²⁴.

21. URL: <https://www.o629.com.ua/news/I730444>

22. URL: <https://prankru.net/showthread.php?t=I6&page=I23>

23. URL: <https://prodota.ru/forum/index.php?showtopic=I79828...>

24. URL: <https://www.yaplakal.com/forumII/...>

1.2. Отсутствие мыслей, неспособность думать.

«И вот сидит тупой обезьян и фильтрует пазлы — это вроде как чей-то глаз, это какая-то поебень, а это ваще дрисня какая-то, вся поцарапанная и обгрызанная. И вот отфильтровав, кучу пазлов, у бибизяна в остатке несколько разноцветных, и никак не связанных друг с другом, кусочков картона. Всё, бля, процесс фильтрации закончен, а как был у бибизяна хуй в голове, так это хуй у него в голове и остался...»²⁵.

1.3. Бездарность, ограниченность.

«Я не люблю Эминема. Хуимхо, но тем не менее... Концепция альбома хотя и присутствует, но она мне не близка. От таблеток на обложке до раскладов в песнях... В 36 у умных людей идеи поинтереснее в голове. Раскрыл зонтик в девичьей пизде? Родился с хуем в голове? Спасибо, рад познакомиться. Грязновато, пошловато, порой за гранью допустимого»²⁶. «„Недалеко взаимодействия добровольческих отрядов с подразделениями ВСУ дали основания для начала процесса их вхождения в состав Вооруженных Сил, Национальной гвардии или превращения в специальные батальоны Министерства внутренних дел Украины“. Ольга Новикова. — Че за нах? А-а-а, Оленька опять с хуем в голове писала»²⁷.

1.4. Неспособность адекватно оценивать ситуацию, делать рациональные выводы и разумно действовать.

«Что дальше? Разуваться перед входом в метро? Рентген? Если кому-то нужно что-то с какой-то целью взорвать — цель найдёт способ. Нужно устранять причину, а не следствие. А пока хуй в голове — медицина бессильна. Только после драки кулаками-то и машем — взрыв — так всё, ебт, давайте драконовские меры безопасности. Дебилу последнему понятно — что всё, ебануло уже, второй раз не ебанёт — эффект достигнут. Так нет же, давайте прессанём школу, студентов, найдём какого-нибудь бородатого отщепенца и предъявим ему»²⁸. «Изволили построить времянку, а теперь хотите ее превратить в домен-

25. URL: <http://tzerkva.com/kur/1457/>

26. URL: <https://www.hip-hop.ru/forum/dj-quik-381...>

27. URL: <https://www.kharkovforum.com/archive...>

28. URL: <https://zloedobro.ru/metro-vzryvy-i-khuy-v-golove/>

ный цех? Нет проблем — сносим временку и строим цех. Через пять лет вам потребуется переделать цех в аэропорт? Это ваши трудности: хуй в голове — медицина бессильна»²⁹.

1.5. *Отсутствие способности думать о чем-л. кроме секса и брака.*

«Эта сука с кашей в роте и с хуем в голове „поёт“ не чули-пачули, а „грудью под пули“! Ханна, блять! Тупая пизда с ушами! Тока послушайте, как она рассказывает про создание клипа. Тупая, сука, пизда. Интересно, почему меня задевает, что нам навязывают в кумиры наших глаз и ушей тупых сука пёзд обоего пола. А потом мы удивляемся — Ах, Шурыгина! Ах, Рыбка! Кумиры молодежи! Вот поэтому и бонбит, что делают из сущеглупых детей мерзких сущеглупых холопов, у которых из морали — книга „Как заарканить олигарха“ на донышке»³⁰.

1.6. *Отсутствие необходимых знаний, идей, мыслей.*

«— Ты считаешь они должны сами искать истину и доносить до них что есть правда а что ложь не надо? — Еще раз, я не спорю с тезисом, что доносить надо. Но. В первую очередь это должны делать родители. Затем наставники в школе и только потом уже контролируемый доступ в Авгиевы конюшни интернета. Если ни родители, ни школа нихера не делают, то вырастает двуногое без перьев с хуем в голове»³¹.

1.7. *Чушь, бред, глупости.*

«— И запомни, русские хахлов не убивают. Русские защищают Россию. Если у тебя другое мнение, нахуй отсюда. — Это вы то русские? Вы самые настоящие чурки. У вас ни ума ни совести ни умения — одно гомно во рту и да хуй в голове. Еще пару лет и попы, фашня и новорусская мафия с её Фюрер-Амператором страну до полной ручки доведут. А потом кровью и помоями умоют. А кончится тем: и их подпевал, и тех дурачков, что за них встрянут, загонят туда откуда они повылазили. По шконкам, помойкам, да иммиграции. Кто доживет. После 1918 тоже ведь не всем повезло. Так что, господа дьгънъраты,

29. URL: <http://bibo.kz/aforizmi/128851-esli-khujj-v-golove...>

30. URL: <https://nogiminogi.livejournal.com/108568.html>

31. URL: <https://oper.ru/news/read.php?t=1051618574>

давитесь свой блевотиной сколько вам влезет»³². «Кошка насрала в тапки — Путин виноват! ...Блять, по такой логике можно что угодно натянуть на формулировку „рыба гниет с головы“. Типо Путин должен был проконтролировать нормальное состояние противопожарки в конкретно этом ТЦ Кемерово? ... Почему у людей хуи в голове вместо извилин? — Сначала ответь, почему у тебя вата в голове вместо извилин. — Вот потому, что у вас, долбоёбов, хуи в голове вы и не можете сложить 2 и 2 и въехать в причинно-следственные связи в государстве с „вертикалью власти“...»³³.

2. Вредоносная идеология.

«США и ЕС должны понять, что свободу жизни и народа никто на Донбассе не променяет на Бандеру и Шухевича. В США и в ЕС, видимо, не до конца понимают, какие люди тут живут. Это вам не россияки с бесполыми „тетатотами“ (патриот-лохами с хуем в голове)»³⁴. «...Набитые пендосовским говном в голову ни хуя не знающие свою историю и своих предков, короче предатели с хуем в голове...»³⁵.

3.1. Вызывающий отвращение тип мышления.

«За такое чмо, как ты, стыдно. Зашло, насрало в каждом посте, как будто твое мнение кому-то интересно. Да и от твоего мудацкого стиля тянет свининой, не так ли, свидомит. Это вы, с хуем в голове, любите совать свои носы туда, где вас не ждут»³⁶. «Ща твои пидарасы ломануться. А ты их в жопу попинывать станешь с броневишка. Ну, ладно, ты — ебанутое, отравленное инетом создание с хуем в голове. А эта то пидросня, что вокруг тебя вьётся, оно то, быдло безмозговое, куда прётся, на закляние?»³⁷.

32. URL: <https://reactioner-com.livejournal.com/88568.html>

33. URL: http://lurkmore.to/Обсуждение_портала:Ниасилили...

34. URL: https://vk.com/wall378901495_445]](https://vk.com/wall378901495_445)

35. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=L7SlyAHZcso>

36. URL: <https://rufilms.net/v-гарик-цыкачев...>

37. URL: https://www.sxnarod.com/otricalovo_120-t.html

3.2. *Опасный и вредоносный тип мышления.*

«Каждую минуту обсуждения вами хуя в голове депутата Худякова вы убиваете одного жителя Донбасса в минуту. — Ну если так, то я готов сутки напролет обсуждать хуй в голове депутата. Я даже свой хуй не пожалею ему в голову положить. Весь Домбас одним хуем истребим. — Почему обсуждения хуя в голове убивает одного жителя? Это что, пример из нового задачника по арифметики русского мира? — Как известно, обсуждение хуя в голове депутата Худякова убивает одного жителя Донбасса в минуту... Сколько жителей Донбасса убили Петечка и Манечка, обсуждая хуй в голове депутата Худякова в течение всего дня? — В частях Национальной Гвардии Украины и добровольческих батальонах прошли массовые обсуждения хуя в голове депутата Худякова. — Да блять! Если у этого хуя нихуя в голове кроме хуев, то как тогда быть? Ёпта, это я щас троих православных грохнул?»³⁸. «— Да нет, просто у таких как ты на генетическом уровне дурь и раболепие в крови. Почетное стадо рабов и послушных мулов. Армия и электорат в одном лице. Мясо на убой и мясо для экспериментов на выдержку и выносливость. Будут говном кормить и смотреть сколько жить будешь с улыбкой на лице. — О как пердак то полыхнул. Значит все правильно я сказал. — У вас только пердаки и хуи в голове и это конечно не удивительно, а только доказывает все выше мной написанное»³⁹.

Встречается также множество вариантов этого выражения, например, с хуем в мозгу: «Говорят, что говорят, / Что бабы очень глупые, / Что в мозгу у всех девчат / Одни хуй с залупами!»⁴⁰, но все эти варианты также остаются за рамками этого краткого обзора.

И вот в начале XXI века с этим, казалось бы, совершенно «репрессивно-патриархальным» выражением, представляющим собой прямо-таки квинтэссенцию попрания женских прав и свобод, произошло странное превращение. Идиома стала термином неформального феминистического дискурса.

38. URL: <https://potsreotizm.livejournal.com/4011906.html>

39. URL: <https://www.yaplakal.com/forum28/st/50/...>

40. URL: <https://v1.anekdot.ru/an/an0012/...>

В первом значении этого словосочетания мужчина, у которого **хуй в голове** (или **хуй в голове**, или **с хуем в голове**) — это человек *чрезмерно сфокусированный на своих репрессивно-патриархальных мыслях о сексе*:

«Я не против таких законов. Я бы просто в такой стране не родила бы, нахуй оно мне такое бесплатное удовольствие? Но когда, блядь, по законам у нас и декретный отпуск, и защита материнства, а в реале начальство с хуем в голове, это вымораживает. Но феминизм ни нужен, да, в канституции жи равноправие»⁴¹. «Знайти, мне кажется, Любаша не забитой девушке сопереживает, а завидует её убийцам. Ведь, сами посудите, забитая — это маткоголово-буфетная мама мальчика, надзирательница, царица с хуем в голове, гетераска. Короче, настоящая врагиня феминизма. По всем радфемским канонам их, шавок и ничтожеств, расстреливать надо. Ну или камнями забивать — какая разница?»⁴².

Второе значение демонстрирует интересный метафорический сдвиг, это уже *фаллоцентричность идеологии, сфокусированность на мужской культуре*:

«— ...По описанию могу сказать, что представление о „хуе в голове“ достаточно поверхностное. Идите в группу роста самосознания, там вы увидите насколько глубоко сидит хуй в женской голове, то есть определяет поведение, мысли, реакции и т. п., является основой личности — вся личность женщины построена вокруг М. — Jane, „Насколько глубоко сидит хуй в женской голове“ — очень глубоко сидит, даже у феминисток. По той причине, что если его вытащить из головы, то там будет пусто. Пока нет женской культуры, символического пространства своего, чтобы было поместить в голову взамен хуя, а с пустотой в голове жить невозможно. — Анна, это хорошо, если есть такие женщины, которые могут сформулировать и представить себе собственное Я и собственные желания (вне тени, отбрасываемой хуем в голове + вне сферы male gaze)... ... Есть текст „Любовь и социальная субординация женщин“... Там 4 части и в четвертой — практические упражнения в том

41. URL: <https://holywarsoo.net/viewtopic.php...>

42. URL: https://vk.com/wall-99795228_2058?offset=40

числе и по обнаружению хуя в голове»⁴³. «— Я щетаю, здесь нужен взгляд со стороны постоянный, желательно мужской, чтобы бабу не заносило. — Хуецентризм детектед... Если быть хуецентричкой с промытым мозгом..., то инфаркт, конечно. А если хуя в голове нет, то как-то плевать на чужие жопы, и уж тем более на чужие мнения о своей. — Поражаюсь иногда тому, как теме Лося некоторые выдают больше упоротости и хуецентризм, чем сам Лось. — Да, я ориентируюсь в вопросах внешности на мужской пол, и не вижу в этом ничего плохого абсолютно, если это не вредит здоровью и подходит лично мне. Для меня ебля по жизни сильно важнее права на дряблую жопу, простите»⁴⁴.

Целый ряд контекстов демонстрируют еще один сдвиг значения, тут речь идет о *бездумном, подчиненном, лишенном рациональности следовании мужским стереотипам*:

«Все косметические процедуры и украшения от лукавого — это усвоенные требования патриархата. ...Это не твои собственные предпочтения, это у тебя хуй в голове... Про сексуальные практики — там идет дикое смешение настоящих ужасов типа проституции и индивидуальных сексуальный предпочтений, которые тоже попадают в категорию навязанных патриархатом, а их носительницы в категорию неразумных мазохисток с хуем в голове»⁴⁵. «— Но ты ж, видимо, мимо мозга пропускаешь новости о насилии, издевательствах и убийствах, тебе важнее что „неадекватные нездоровые злобные токсичные истерички“ смеют возмущаться. ...Не знаю, где ты там таких нашла. Опять же, с хуем в голове если только приходила... — Ты не поймешь, что я до тебя хочу донести, увы, в голове у тебя пизда. Обмазывайся своими КННщицами сколько угодно, тот факт, что вы озлобленные на весь свет, ничто не изменит. Вам нравится кипеть в котле своей ненависти — кипите. — Ну да, я женщина и думаю о женщинах. Куда печальнее видеть женщин с хуем в голове. Не видела там озлобленных на весь свет,

43. URL: https://vk.com/wall-82396101_13687...

44. URL: <https://forum.baginya.org/index.php?threads/Лена-Миро-Шмарова...>

45. URL: <https://petra-alaup.livejournal.com/336056.html>

очень мило общаемся. И опять дурной приём с попыткой стыдить за адекватную реакцию»⁴⁶.

Еще один едва уловимый оттенок значения: *патриархальность мышления как подлежащий уничтожению объект*:

«Между прочим, участницы шоу „выживание в аду“ признают наличие у себя хуя в голове. ...Я помню, когда я еще не идентифицировала себе как феминистку, а тусовалась в группах чайлдфри, там был какой-то православный фрик, который все женские устремления, отличающиеся от киндер-кухе-кирхе объяснял, что им (цитирую) „жиды в голову какают“. У него еще был альбом, „Лохушечки с жидокакашечками в голове“ со всякими не по-православному одетыми девушками. Я эти жидокакашечки вспоминаю каждый раз, когда читаю про хуй в голове»⁴⁷. «Слишком уж хуй, сидящий у меня в голове был силен, что я „не заметила“, что он осматривает мои глаза без, блядь, врачебной маски... Очевидно же, что он хотел быть к моему лицу как можно ближе... Что же еще, ах да. Хуятина очень странно реагирует, когда ты надеваешь костюм для ответственных мероприятий. Брюки, пиджачок. Костюм выглядит неплохо так, и окружающее блядь, видимо думает, что это какая-то богатая шлюха идет, которую обязательно нужно брать... И вот одна такая блядь ко мне подходит. Хуй в голове у меня был, дорогие дамы. Да и сейчас трудно изживаем. Недаром с детства пихали. Редкостное уебище. Жирное, страшное, и главное, в полной убежденности в своей исключительности... И давай мне заливать: вместе преодолевать трудности, любовь, вся хуйня. Эх. Послать бы сейчас его нахуй. ...Вести себя с ним как с человеком, — не делайте, пожалуйста, этой ошибки»⁴⁸.

Следующий оттенок значения — это *состояние сознания, подверженное полной деформации под воздействием патриархального мышления, мужского взгляда на мир*:

«И вот когда вы встречаетесь с несколькими еще такими же женщинами, вы совершенно определенно замечаете ранее не ведомое вам, как женщине, чувство безопасности... Я пола-

46. URL: <http://www.diary.ru/~fandomnaya-pravda/...>

47. URL: https://vk.com/wall-99795228_4217

48. URL: https://vk.com/wall-51889526_1403888

гаю, это чувство происходит от того, что хуй в голове мужчины не присутствует незримо между вами и другими женщинами...»⁴⁹. «...Как мы умудрились, придя в феминизм, полностью забыть про психологию? Обвиняйте меня в деполитизации, я в курсе, что фокус на личном вместо политического — это деполитизация. Но вы посмотрите, в каком состоянии фемосфера. Это у нас есть „политика“? Мы, претендующие на представление интересов Всех Женщин Мира, огородились в своих пабликах (микроскопических по масштабам всего женского населения) и не желаем слушать тех, кого „спасаем“. Они нам говорят (если вообще нас замечают): „Феминистки, вы ебанутые“. А радфемки им: „А вы зомби с хуем в голове“. Политизация 80 левела»⁵⁰.

Как отдельное значение можно классифицировать хуй в голове как вообще *ненависть к мужчинам, к мужскому миру*:

«Раньше разжевывала всем, да. Но и не сказать, что мужиков люто ненавидела тогда, года 4 назад. Много интересного было. Сейчас видно, что не только мужиков ненавидит, но и женщин, „кто не с нами“. Сплошные хуй в голове, хуюнити, блядский цирк. Да пишет мало теперь, может восстание женщин готовит где-то в подполье»⁵¹.

Еще одно значение можно определить как *мужской репрессивно-патриархальный сексизм и шовинизм*:

«— ...Пока ты будешь считать нормой, что тебе с какого-то хуя кто-то должен все делать — к тебе не будет лучшего отношения... Ты упрекаешь кого-то в придуманной тобой меркантильности и тут же пишешь, что „мне не могут заработать денег“, лол, ты уж определись, будешь ли ты на одной стороне или на двух своих хуях в голове сразу. Антон, поразительный упадок интеллекта до уровня моллюска. Да и тот умнее, уверена. — С тупой пиздой, думающей что она центр вселенной спорить нет смысла, только время терять. — Антон, это гендерные стереотипы, ум не зависит от пола никоим образом. Ты можешь быть куда тупее многих женщин, желаешь ты это признавать

49. URL: <https://feminism.livejournal.com/511205...>

50. URL: <https://fem-happy-alone.dreamwidth.org/119498.html>

51. URL: <https://holywarsoo.net/viewtopic.php...>

или нет — всем похуй. ...Ты долбоеб, если считаешь нормальным применять силу к тому, кто физически заведомо тебя слабее. Желаю отхватить дичайших пиздюлей за углом ночью в подворотне, чтобы ты потом переосмыслил свои слова про „заслуженно“ и про „еблет“. Ты ахуел, что ли? Куда ни плюнь, неплатеж алиментов, женщина содержит ребенка одна и ничего, а отец еще мандит, что ему чо-то там от ребенка надо кучу лет спустя, хотя ему могло быть на дитятку пох долгое время...»⁵².

Далее следует поражающий воображение тектонический разлом в семантике и появляется значение, которое предположительно (не все приводимые цитаты точно поддерживают определения значений, они даны предположительно) можно определить как *матерные оскорбления на основе разногласий в феминистических позициях*:

«У меня нет слов, если честно. Я все больше шокируюсь тем количеством агрессии, которое продуцируется со стороны определенной группы феминисток в адрес Тоже феминисток, да что там, даже это в данном случае не важно — в адрес Женщин. Мне искренне непонятно, каким образом можно не замечать этого всего, потоком льющегося только с одной стороны — оскорблений, названий в мужском роде несогласных, переходов на личности, „хуев в голове“, наречений „сральниками“, составлений „досок позора“, пожеланий „сосать“ — не замечать и с чистой душой продолжать считать себя феминисткой — т. е. той, кто в любом случае должна стоять на стороне женщины и хотя бы не подбавлять ненависти, которую каждая из нас и так постоянно испытывает в свой адрес. Но в данном случае противоречий не возникает, потому что, как я поняла из текста, неугодных женщин можно легко назвать „внутренним врагом“ и радостно топтаться по нему, и это тоже будет „во благо феминизма“!»⁵³.

Как вы уже наверняка заметили, в словарных статьях дается максимально дробное деление на значения, оттенки значений и оттенки употребления. Это принцип данного словарного проекта, поскольку, строго говоря, это черновые сло-

52. URL: https://vk.com/wall-19334776_2669448...

53. URL: <https://nedomedik.livejournal.com/379080.html>

варные материалы. Только на их основе и возможно в дальнейшем структурировать академический словарь в узком смысле этого слова. Данный словарный проект также позиционируется как речевой портрет современной России, поэтому в нем даются расширенные иллюстративные материалы (т. е. контексты употребления — цитаты из интернета). Это, конечно, тоже раздвигает строгие границы академической лексикографии, но зато дает исследователями богатый, к примеру, этнографический, антропологический и социологический материал.

Итак, как видим из приведенных примеров, выражение **с хуем в голове** можно охарактеризовать как неформальный термин феминистического дискурса. Оно обладает целым рядом характерных терминологических признаков. Исключительная семантическая сложность употребления термина явно отделяет его от обыденной матерной брани. Суммируя все эти «терминологические» значения, можно сказать, что понятие «с хуем в голове» обозначает некий отрыв от так называемой «реальности», пусть даже и символической, и уход в сторону оторванного от этой реальности репрессивно-патриархального воображаемого. Хотя само определение хуя как комплекса ложных (по отношению к реальному) идей вполне правдоподобно, но все же, конечно, мы имеем тут дело с войной двух «воображаемых», каждое из которых безумно по-своему. Ведь человеческое тело может быть вместилищем только для воображаемого хуя (даже если он реально присутствует, мы всегда его воображаем), где бы он ни был расположен (или, в данном случае, отрицаемого хуя, который в свою очередь можно рассматривать как некую пустотность или, можно в данном контексте сказать, — пизду /метафизическую/, но это уже тема пиздоголовости, которая уводит нас от нашей хуеголовой темы). Человек любит и другого, и себя — как воображаемое тело (о реальном теле мы почти ничего не знаем), а метафорически — как неопознанный хуй. Хотя тот факт, что в феминистическом дискурсе воображаемый хуй структурирован как языковая иллюзия — представление весьма глубокое, выводящее русский мат на уровень языка философии и преобразующее хуй (например, как симптом) в объект бессознательного порядка. Конечно, само нахождение этого «безумия» внутри

человеческой головы весьма дискуссионно, как, впрочем, и все иные модели головы как вместилища идей. В таком воинственном феминистическом контексте комплекс скупрулезно сгруппированных словарных статей тоже можно рассматривать как своего рода окно в глубины русской патриархальной души (и, в частности, как автопортрет автора). Или в глубины бессознательного. Или как зеркало всеобщего безумия. (Кому интересны дальнейшие философские экзерсисы на тему хуя и пизды — I том предваряет статья «Философия Хуя», а второй — «Философия Пизды»). В общем, тут действительно конфронтация мужского и женского выводится на философский уровень, как его, этот Хуй ни крути. Впрочем, «крутить хуй» и «крутить на хую» — это уже тема другой лексикографической заметки.

Итак, наш великий и могучий русский мат движется в ногу со временем, порождая новые неожиданные и непредсказуемые формы. Мы являемся свидетелями эпохи, характеризующейся стремительным «ростом» русской общенной культуры. И не случайно первый том моего словаря в промо-версии 1997 года (опубликованной в 2000-м) включал в себя всего около 100 страниц словарных статей, эксплицирующих идиоматику слова **хуй** (базирующихся на записях устной речи и литературных источниках). В последней же версии 2024 года — уже более полутора тысяч страниц матерщины, или 1221 «хуёвая» словарная статья (базирующаяся уже на интернет-источниках, от записей устной речи пришлось отказаться, ибо российское академическое сообщество упорно критиковало словарь, как выдуманный автором, дескать, таких выражений не существует, а наличие многих тысяч интернет-источников полностью дезавуирует эту критику). Итак, объем итогового материала — это не только следствие кропотливой лексикографической работы, которую я продолжаю уже полвека, но также и результат появления значительного количества совершенно нового материала, новых выражений. Значительную часть этой новой общенной идиоматики я не встречал, к примеру, в 1980-х годах. Сейчас словарь — это три 5–7-килограммовых фолианта, отпечатанные полууставом на бумаге образца XVIII века с водяными знаками (точно на такой бумаге делались рукописные

списки сочинений Ивана Баркова, хранящиеся в рукописных отделах нашей «доисторической» Родины), прошитый вручную и переплетенный в кожу ручной выделки (опять же аналогично изданиям XVIII века). Первый том — в красную («красен хуй»), второй — в черную («черна пизда»), 3-й том в серую, так как глагольное гнездо «ебать» слишком загадочно, а белая кожа слишком пачкучая. Это я к тому, что тираж быстро разойдется, ибо издан в одном единственном экземпляре.

DOI: 10.55167/a63aace1cb38

Филологический блуд, или какого хрена латыши прихватизировали русский мат?

Рудольф Виксниньш (Rūdolfs Viksniņš), журналист

Pereat mundus, sed sit obscoena lingua!

Прежде чем попытаться ответить на этот сакраментальный вопрос, нужно напомнить, что балтийские и славянские языки, по мнению лингвистов, восходят к общему языку-предку. В соответствии с одной из современных теорий изначально существовало три ветви протобалтийского: западная, восточная (литовский, латышский, латгальский) и южная, из которой, возможно, впоследствии вырос праславянский язык¹. Неслучайно филологи говорят, что без баллистики невозможна индоевропейская филология², в том числе и изучение такой архаичной лексики, как матерная. Такое, например, слово как *хуй*

1. Двое русских ученых (В. Н. Топоров и Вяч. Вс. Иванов) предложили свое уточненное видение этнических и языковых балто-славянских отношений, бывших объектом многочисленных дискуссий. Рамки этого вопроса можно очертить следующим образом: а) славянский протоязык образовался из периферийных диалектов балтийского типа; б) славянский языковой тип сформировался позже из структурной модели балтийских языков; в) структурная модель славянских языков является результатом трансформации структурной модели балтийских языков. Эта точка зрения нисколько не противоречит традиционному тезису о том, что балтийский и славянский протоязыки еще долго сосуществовали после того, как они уже сформировались (гипотеза Я.Эндзелина. — *P. B.*) Благодаря наблюдениям цитируемых ученых, протоязык в период между XX и V вв. до н. э. может считаться континуумом говоров протобалтийского языка, еще точнее, периферийного кольца протобалтийского. См.: *Pietro U. Dini Le lingue baltiche*. Milan: La Nuova Italia, 1997.

2. *Algirdas Sabaliauskas*, Gimtasis žodis, 2002. Книга переведена на латышский язык: *Algirds Sabaļausks. Mēs — balti*. Latviešu valodas aģentūra, Rīga, 2014. Альгирдас Сабаляускас — выдающийся литовский лин-

восходит к праиндоевропейскому *sku-* (латышск. *skuja* — хвоя), праславянскому *хиъ* — *шип*, колючка³.

Стоит еще иметь в виду, что прежде балтийских этносов было больше, и они занимали гораздо более обширные территории⁴. Но к XXI веку на исторической сцене остались только литовский, латышский и латгальский (как юридически признанный вариант латышского), и все три всегда оставались северными соседями славянских языков. Неудивительно поэтому, что латыши и латгальцы с незапамятных времен интимно знакомы с матерной лексикой. Скажем, такой краеугольный камень матерных конструкций, как слово *пизда*, не так давно было обнаружено учеными на новгородской берестяной грамоте⁵. Незаменимый для энергичного, качественного мата глагол *ебать* зафиксирован на берестяных грамотах из Старой Руссы. Ну а в церковно-

гвист, автор фундаментальной «Истории исследований литовского языка».

3. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>.

4. О балтских гидронимах на нынешних славянских территориях и длительном сопротивлении балтских племен славянской колонизации можно почитать в книге всемирно известного археолога и этнографа, члена Американской академии наук Марии Гимбутас. *Marija Gimbutas. The Balts*. 1963. Книга переведена на русский язык: *Мария Гимбутас. Балты*. Москва: Центрполиграф, 2004.

5. Берестяная грамота № 955, найденная в 2005 году в Новгороде, замечательна тем, что это один из самых древних письменных источников на древнерусском языке с прямым упоминанием женского полового органа. Документ датируется XII веком и содержит рисунок и текст, включающий в себя ненормативное изречение, являвшееся частью народного свадебного ритуала. Текст от руки украшен буквицами в подражание рукописям: Ɑ МилУшѣ къ Марѣнѣ. Коси вѣликее пѣхати бѣ ей за Сновида. Маренко! пей пизда и сѣкыле! Рѣкла ти! такъ Милушѣ: вѣдаи 2 гривене вѣцѣрашенеи. Перевод текста: «От Милуши к Марене. Большой Косе — пойди бы ей замуж за Сновида. Маренка! Пусть же напьются пизда и клитор!» Как отмечает А. А. Зализняк, «эта формула ('пусть пьёт vulva') в буквальном виде неоднократно отмечена в фольклорных записях XIX–XX веков. Она явно связана со «срамными» песнями, составляющими важную часть народного свадебного ритуала, исконная функция которых состоит в том, чтобы магическим путем способствовать плодородию, продолжению рода». Цит. по «Википедии».

славянских и богослужебных текстах мы с некоторым удивлением находим классическое *блядь*, которое века назад, конечно же, воспринималось по-иному⁶. Это уж позже церковноначалие расхаживало и заменило его эвфемизмом *блудница*.

Примерно та же ситуация в латышском: когда пастор Эрнст Глюк⁷ в XVII веке по заказу короля Швеции Карла XI переводил Священное Писание, он тоже без особых колебаний использовал сочные древнелатышские лексемы. В соцсетях пишут, что простонародное слово *mauka* вернулось и в свежий перевод Библии, стремящийся наиболее точно передать смысл древнего текста⁸.

Понятно, что русская бранная лексика широко распространена и в Беларуси, не только граничащей с Латгалией,

6. Например, Андрей Кураев пишет: «Напомню, что слово *блядь* не матерное, а церковно-славянское, присутствующее и в богослужебных текстах (в т. ч. в чине Торжества Православия), и в церковно-славянском переводе Писания.» (<https://diak-kuraev.livejournal.com/3033241.html?thread=554807193#t554807193>). Выходящий с 1974 года «Этимологический словарь славянских языков (под ред. О. Н. Трубачева): «Праславянский лексический фонд» включает в себя статьи на некоторые слова, исключённые из русского Фасмера, например, в вып. 2 (М., 1975) на с. 114–115: «*bl dь: ст.-слав. бл дь» (с указанием современного значения и с отсылкой к Далю).

7. Лютеранский священник Эрнст Глюк (Johann Ernst Glück) жил в Мариенбурге (нынешнем Алуksне) и завершил полный перевод Библии с языка оригинала на латышский язык в 1689 году. Перевод был посвящён королю Швеции Карлу XI (отцу знаменитого Карла XII) и состоял из 2500 страниц, тираж — 1500 экземпляров. Латышская Библия была отпечатана в Риге, оригинал хранится в Стокгольме. Падчерица Эрнста Глюка, сирота Марта Скавронская, в 1704 году вместе с самим пастором захваченная в плен войсками Российской империи, со временем стала супругой Петра I, а позже и российской императрицей Екатериной I. В Алуksне есть музей Библии, в котором собраны различные издания Священного Писания и в том числе первое, изданное на латышском языке. См.: *Helmut Glück, Ineta Polanska. Johann Ernst Glück (1654–1705): Pastor, Philologe, Volksaufklärer im Baltikum und in Russland. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 2005. S. 9. ISBN 3447051736.*

8. URL: <https://www.apollo.lv/5834977/jaunakaja-bibeles-tulkojumata-griezas-vards-mauka>.

но и во времена Российской Империи, даже входившей с нею в одну Витебскую губернию. Вдобавок, с 1864 года до 1904 года в Латгалии (как и в соседней Литве) были ликвидированы латгальские школы и запрещено пользоваться латиницей⁹ (писать разрешалось только кириллицей). Поэтому детей грамоте приходилось обучать по букварям, переписанным от руки. А на латинице книги печатали в Восточной Пруссии (нынешней Калининградской области), и возникло прежде нигде не виданное движение подпольщиков-книгонош. Контрабандист, пойманный с книгой, отпечатанной латиницей, отправлялся в Сибирь. В одном только 1903 году на границе было конфисковано больше 23 тысячи изданий на литовском и латгальском языках. «На земле» политику царского правительства железной рукой проводил небезызвестный граф Муравьев-Виленский (Вешатель)¹⁰. Ну, а с конца 19 века Российская империя и вовсе при-

9. Запрет на латиницу в Витебской губернии и Литве — политика, введённая царским правительством России. Запрет распространялся на печать и распространение любого текста латинскими буквами, то есть в антикве. Основная цель состояла в том, чтобы уменьшить польское влияние в северо-западной части Российской империи после восстания 1863 года. Запрет был одновременно и конфессиональным (большинство латгальцев — католики). См.: *Salceviča, Ilona. Cīņa pret drukas aizliegumu. Latvijas Vēstnesis*, 2004; *Buševica, Anda. 1865. gada latīņu drukas aizliegums Latgalē* (2020); *Alģirds Sabaļausks. Mēs — balti. Rīga: Latviešu valodas aģentūra*, 2014.

10. Муравьев-Виленский, Михаил Николаевич (1796–1866). Русский государственный, общественный и военный деятель эпох Николая I и Александра II. Генерал от инфантерии. Вице-председатель Императорского Русского географического общества, почётный член Петербургской академии наук. После отставки получил графский титул и почётную приставку к фамилии — Виленский. Прославился решительным подавлением польских восстаний в Северо-Западном крае, прежде всего восстания 1863 года. В кругах либералов и народников его называли «Муравьев-вешатель». В консервативных кругах он был почитаем как выдающийся государственный. 18 октября 2023 года Российская газета сообщила, что в Калининграде установлен памятник умиротворителю польского восстания. См.: *Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае во второй половине 1850–1870-х годов. М., 2003; Шикман А. П. Муравьев-Виленский Михаил Николаевич // Деятели отечественной истории. Биографический словарь-справочник. М.: АСТ, 1997. ISBN 5150000892; Замостьянов А.*

ступила к фронтальной русификации своих балтийских провинций, и латыши, что называется, попали в серьезный замес¹¹.

Интересно, что после инкорпорации Латвийской республики в сталинский СССР коммунистическая власть продолжила ту же линию. Несмотря на юридический статус латышского, считавшегося официальным языком ЛССР, в таких сферах, как деловая переписка, производственные инструкции, документы администрации или правящей партии, пользоваться латышским было не принято. И само собой, русский все должны были изучать в школах.

Стоит добавить, что в крупнейших городах Латвии к концу 80-х число мигрантов начало догонять население коренное¹². Понятно, что из пушкиноязычной среды матерщиной сифонило будь здоров, и это привело к глубокому проникновению русского мата в райнисоязычную среду. Конечно, национальная интеллигенция всегда воспринимала мат как некую бессмысленную хрюканину и вообще днище, но в целом поколение постарше в той или иной степени до сих пор владеет широким набором сильных выражений.

Но существует ли собственная нецензурная лексика в латышском языке?

Как только мы перемещаемся в латышскоязычное культурное пространство, многое обретает довольно неожиданный для русского уха оборот. Например, на территории Латвии

Контртеррористическая операция. К 150-летию польских событий 1863 года // Литературная газета. 2013. № 36; *Лебедев С. В.* «Я не из тех Муравьевых, которых вешают...» Михаил Николаевич Муравьев-Виленский // Военно-исторический журнал. 2004. № 1.

11. Russification in the Baltic Provinces and Finland 1855–1914. Princeton, 1981.

12. Последняя перепись населения Латвии в составе Союза проходила в 1989 году. Общее число жителей ЛССР к 1989 году достигло 2 680 029 человек. Более 70% населения жило в городах. Удельный вес коренного населения республики к этому времени упал до 52%. Русские составляли 34%, белорусы и украинцы (тогда, как правило, русскоговорящие) соответственно 4,5 и 3,5%. См.: 1989. gada tautas skaitīšanas rezultāti Latvijā. Rīga: Latvijas Republikas Valsts statistikas komiteja, 1992.

сложновато использовать сам термин «нецензурная лексика», ибо 100-я статья Конституции прямо и недвусмысленно запрещает цензуру¹³. Заметим попутно, что использование бранных слов на негосударственных языках (в том числе русском) законодательства не нарушает. Ну, запузрылил индивид в пространство некую ажурную конструкцию на негосударственном — и что с того?

Итак, в юридическом смысле нецензурных слов в Латвии нет, но есть ли слова ругательные? О, всеконечно! Скажем, в словарики ругательной лексики профессора Зариньша¹⁴, если не изменяет память, до полутысячи отборных ругательств, но в принципе их количество учету не поддается.

Читателю наверняка не терпится познакомиться хотя бы с некоторыми из крепких латышских словечек. Приведу те, которые содержат какой-нибудь генитальный корень (т. е. напоминают мат) и хоть как-то поддаются переводу: *maukdirsa* (бляздожопа), *peteņkoferis* (пиздокофер), *maukustallis* (блядостойло), *pīmpausis* (хуеух), *šķībā pipele* (кривохуев) и т. д. Увы, большая часть просто непереводима.

Ну хорошо, а есть ли в латышском даже не ругательства, а просто слова, обозначающие гениталии и сам процесс вос-

13. Поскольку цензура в Латвийской Республике запрещена Конституцией, юристов Латвии давно беспокоило противоречие между этой конституционной нормой и термином «нецензурная лексика», фигурировавшим, например, в статье уголовного закона о мелком хулиганстве. Юристы полагали, что нужно либо законодательно утвердить список неразрешенных к употреблению слов (что практически неосуществимо, как объяснили филологи), либо изменить формулировку соответствующей статьи Административного кодекса. Между правоведами и профессиональными лингвистами завязалась интересная дискуссия. В конце концов термин «нецензурные высказывания» был изъят из текста соответствующей статьи и заменен более общим понятием «нарушение порядка», то есть любое неприличное поведение — будь то жесты, словесные оскорбления или безобразные действия. См.: Žurnāls «Juristu Vārds». 2011, augusts. Nr. 33.

14. Первый словарь латышских ругательств был издан сравнительно небольшим тиражом в 2000-м году профессором Павилсом Зариньшем (Pāvils Zariņš). В нем содержалось 469 слов. URL: <https://nra.lv/vakara-zinas/376056-vakara-zinas-vai-latviesiem-ir-lamu-vardi.htm>.

произведения потомства? Разумеется, как в каждом языке, в латышском множество синонимов (часто весьма архаичных) для обозначения интимных частей тела или описания соития как такового. Порой их так и именуют — *pistvārdi* (еб-слова), и появились они задолго до того, как в наш регион пришло христианство.

Когда знаменитый ученый-фольклорист Кришьянис Баронс (*Krišjānis Barons*) собирал дайны¹⁵, он не сортировал их по степени непристойности. Однако царская цензура не дремала, и «неприличные» тексты пришлось исключить из издания. Не стоит думать, что это была какая-то специальная антилатышская акция: точно так же цензура отнеслась к «Русским заветным сказкам», собранным известнейшим этнологом А. Н. Афанасьевым (их пришлось издавать в Женеве), или «Русским заветным пословицам и поговоркам», собранным Далем и изданным во Франции.

В каком-то смысле царских цензоров можно понять: трудно представить себе какую-нибудь сексуальную практику, которая не была бы так или иначе отражена в дайнах. Тут оральный и групповой секс, взаимная мастурбация и элементы зоофилии, разные виды гомосексуализма и вуайеризма, не говоря уж об описаниях разнообразных совокуплений и даже древних контрацептивных практик.

Само собой, линию православной цензуры подхватила и продолжила цензура советская. Видимо, авторитарные системы в любом изводе инстинктивно стремятся подавить вся-

15. Кришьянис Барон (*Krišjānis Barons*), 1835–1923 — выдающийся фольклорист, собиратель, исследователь и систематизатор латышских народных песен, дайн. Письма Барону (отцу Дайн) шли из всех уголков Латвии. Всего Кр. Барон собрал и хранил 217 996 текстов в знаменитом «Шкафу Дайн», копию которого можно увидеть в музее, посвященном жизни Кр. Барона. Дайны передавались из уст в уста на протяжении веков. Они отражают историю, обычаи, верования и самые разные стороны повседневной жизни латышей. Немецкие пасторы жаловались, что латыши уважают дайны больше, чем Священное Писание. Вероятно, ни у какого другого народа народные песни не имели такого большого значения в формировании литературного языка, как у латышей.

ческие проявления эротизма как некоей неконтролируемой, не подвластной им природной силы.

Неудивительно, что в широком доступе эти фольклорные тексты, содержащие уж слишком сочные лексемы, появились только после восстановления независимости Латвии в 1991 году и были мгновенно раскуплены¹⁶.

Кстати, русскоязычному читателю дайн может показаться необычным, что мужской половой член в латышском именуется словами как мужского, так и женского рода. И то же самое с гениталиями женскими. Иными словами, грамматический род вовсе не обязательно совпадает с гендером.

Итак, в латышском все нужные слова есть и были всегда, а вот мата в русском смысле (когда из 4–5 основных, с сексом связанных корней создаются тысячи сильно эмоционально окрашенных производных) в латышском языке нет. И это, пожалуй, удивительно, поскольку латышский, как и русский — язык флективный и синтетический, а падежей в нем сохранилось даже больше, чем в русском. То есть грамматические возможности для пышного расцвета «материнской лексики» налицо, а особой психологической потребности в сверхкрепких выражениях, по-видимому, не было. И теперь уже не появится, ибо функцию вербализации предельного эмоционального состояния, радикального нарушения приличий или мощной словесной агрессии в латышском взвалил на свои плечи великий и могучий русский мат.

Ведь по какой-то загадочной причине на латышском невозможно кого-то послать *petenē, šužā* или *mendžā* (в пизду). Также в языковую стилистику не вписывается отчего-то и послание *uz pimpi, pipeli* или *daiktu* (на хуй) — несмотря на то, что имеются десятки синонимов, обозначающих соответствующую часть тела. Получается, что еб-слова в латышском не заточены на то, чтобы кого-то хорошенько словесно откувалдить, унижить, поставить на место, продемонстрировать свое превосходство или как-то особо грубо и демонстративно проломить покров благопристойности. Они просто обозначают то, что обозначают.

16. URL: <https://satori.lv/article/agnes-es-krivades-skandalozais-dzejolis-otdzejots-19-dazadas-valodas>.

Не очень-то приспособлены они и для того, чтобы выразить крайнюю степень удивления, отвращения или восторга. Поэтому вместо того, чтобы сказать я *опизденел*, латыш воскликнет *jomaļo* или *johaidi*, или даже *johanštraus*. Максимум, что доводилось слышать — и это сравнительно новое явление — использование по русскому матерному шаблону глагола *pist* (ебать). Например: *Pist pāri robežai* (ебашить через границу), *ne sieva pista, ne cūka barota* (ни жена не трахана, ни свинья не кормлена), *ej kur gājis, pis ko pisis!* (иди куда шел, еби что еб! — то есть занимайся своим делом, не лезь в чужие дела). А намеренно довелось даже в одной лавке видеть шапочку с надписью «Atpisies!», то есть «Отъебись!» — и ее мгновенно расхватали.

Надо еще принять во внимание, что латышский язык, так же как в свое время немецкими, а ныне в основном английскими, охотно обогатил нелитературную часть своего словаря массой русских жаргонных слов и даже некоторых фундаментальных понятий типа *zeks*, *žlobs*, *paraša*, *pritons*, *ments*, *alkašs*, *krutka*, *haļava*. Этим же слоем нелитературного латышского абсорбирована и матерная лексика. Поэтому в электронном тезаурусе латышского языка или, например, в словаре латышского сленга читатель найдет и *pohujisms*, и *zģecs* (*pizģecs*), и *pizdohens*. Ведь эти красочные словечки дают возможность латышу добавить к привычным средствам выражения дополнительные тона.

Не случайно элементы русской матерной лексики используют в своем творчестве и мастера слова. Так, несколько лет назад разразился громкий скандал, когда стало известно, что учительница литературы на уроке разбирала с учениками стихотворение Агнессы Криваде (*Agnese Krivade*) «*ō*», в котором содержалось слово *blaģ*. Развернулась широкая дискуссия о свободе творчества, допустимости грубой лексики в общественном пространстве и в литературе, и в результате стихотворение стало настолько популярным, что было переведено на два десятка языков.

Но отчего все же в латышском не развился матерный лексический куст? Мне кажется, основных причин две. Во-первых, латышская ментальность в принципе не склонна к экстремальным эмоциональным выплескам. И во-вторых, исторически так сложилось, что под рукой оказался готовый к употреблению

превосходный инструмент. Инструмент тем более удобный, что, используя русские матерные выражения, латыш как бы и достигает цели, и не вполне нарушает приличия.

Не будем, однако, обольщаться: знание русского мата в современной латышской среде довольно поверхностно. От латыша вы вряд ли дождетесь интересной конструкции типа «твою мать через семь ворот с присвистом». Вдобавок, нерусский обычно понятия не имеет о более редких лексемах вроде «елда», «лярва» или «еть», не говоря уж о таких языковых изысках, как «запендюрить чахлика» или, скажем, «отолигофренить». Все же чтобы изматериться витиевато, укрючливо, надо быть постоянно погруженным в стихию языка.

К тому же нерусскоговорящая публика в массе своей не в силах ощутить степень стилистического перепада, создаваемого материнским словом. Многие и в интернете обильно и вполне беспечно используют тяжелые словечки, несколько не ощущая залегающих в их недрах физиологических истоков. Большинству совершенно неочевидна интимная связь слова *spizģiķ* (слямзить) или, скажем, *ņe pizdi* (в смысле «не ври») с женскими гениталиями. Правда, и сами носители языка вряд ли внятно объяснят, по какой загадочной ассоциации, скажем, душевное состояние, описываемое словом «охуел», связано с мужским половым членом. И уж тем более непонятно, если «в ахуе» оказывается представительница прекрасного пола. Но это несколько не мешает носителю латышского языка использовать прилагательные *zajebis* или *ohujennijs* для обозначения чего-то совершенно замечательного или духоподъемного.

В общем, матерная лексика — это своего рода золотой запас языка, потому что при постоянном использовании только она и не теряет смысла. Но коли так, давайте же, дамы и господа, что на русском, что на латышском, расходовать его как можно экономнее, ибо всем давно известно: кто ругается матом — тот хуево воспитан!

DOI: 10.55167/814905a025eb

От говна до мудака

Пирио Аалтонен (Хельсинки)

Тем, которые изучали русский язык и русскую литературу в Хельсинкском университете в шестидесятых и семидесятых прошлого века, не говорили о русском мате, о ненормативной лексике, хотя она была бы очень нужна такому человеку, который хотел понимать русских людей и русскую литературу. Даже писатель и мыслитель Александр Солженицын пишет об этом в романе «В круге первом».

«Наделашин был человеком исключительным не только среди тюремщиков (или как их теперь называли — тюремных работников), но и вообще среди своих единоплеменников. В стране, где водка почти и видом слова не отличается от воды, Наделашин и при простуде не глотал её. В стране, где каждый второй прошёл лагерную или фронтовую академию ругани, где матерные ругательства запросто употребляются не только пьяными в окружении детей (а детьми — в младенческих играх), не только при посадке на загородный автобус, но и в задушевных беседах, Наделашин не умел ни материться, ни даже употреблять такие слова, как «чёрт» и «сволочь».

Но, несмотря на отсутствие бранной лексики в университете, моё первое русское слово было «говно».

Мне было 16 лет, и был 1964 год. Я узнала, что в следующем семестре в школе мне предстоит изучение русского языка — по желанию нашего президента Урхо Кекконена. Он считал, что Финляндии были нужны люди, знающие русский язык.

Моя мама купила в букинистическом магазине старый финско-русский словарь, опубликованный в 1902 году по инициативе Общества Финской Литературы.

Я открыла словарь на случайной странице, и «paska» — по-русски «говно» — было первым словом, которое попало мне на глаза. С этого противоречивого слова я и начала свой путь к познанию русского языка.

Почему «противоречивого»? Его существование в языке не всегда было желанным. Мой профессор Хельсинского университета Игорь Вахрос рассказывал, как он хотел включить слово «говно» как эквивалент слову «paska» в финско-русский словарь, который он в 1970-е годы писал вместе с А. Щербак-овым по заказу Института языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР. Редколлегия не согласилась, и в финско-русском словаре 1975 года финское слово «paska» переведено только как «дерьмо» с пояснением, что это просторечие.

Первый финско-русский словарь после 1902 года, предназначенный для финской аудитории, вышел только в 2003 году. Его написали моя сокурсница Хелена Ниэмэнсиву и моя университетская преподавательница Екатерина Никкиля по заказу финского издательства Werner Söderström Osakeyhtiö. В нём уже дан перевод слова «paska» двумя словами: «дерьмо» и «говно», без пояснения о просторечии.

Почему я пишу так много о словарях? Причина простая: в доисторические времена до интернета словари были основными рабочими инструментами переводчиков. Три четверти моей рабочей карьеры прошли без интернета.

После этого первого знакомства с русским сквернословием я долгие годы жила спокойно без ненормативных русских слов. Какие-то слова, которые звучали неприлично, я встречала в русской художественной литературе, но тогда я всё ещё в основном читала русскую классику в финском переводе.

Я помню, что в романе «Доктор Живаго» были интересные выражения, которые казались бранными, но в конце концов такими не оказались. Замечательный писатель Борис Пастернак умел сквернословить без матерных слов:

«Проходи, проходи, покуда цел. Дух из тебя я вышибу, учить меня, собачье гузно! Тебя на шпалах делали, севрюжья кровь, у отца под самым носом. Мать твою, мокрохвостку, я во как знаю, кошку драную, трепаный подол!»

По-фински это звучит очень грубо.

Я работала на финском государственном телевидении переводчицей русских фильмов с 1972 по 2010. Прошли годы, и я не встречала ненормативной лексики — ни на работе,

ни в речи своих советских академических друзей. В советских фильмах люди не ругались — даже если эти фильмы рассказывали о военных или «ворах в законе».

Позже я узнала, что в реальной жизни и те и другие ругаются крепко.

Некоторые бранные слова я знала теоретически, потому что где-то купила английский словарь «Beyond the Russian Dictionary» (автор А. Флегон), изданный в 1973 году.

Несмотря на мой довольно узкий круг общения, я всё-таки узнала выражение «ёб твою мать». В 1982 году я даже решила им воспользоваться, когда была в Москве. Мы с подружкой из Владивостока договорились встретиться, но я долго её ждала, но она не прилетела. Наконец, я пошла на почту на улице Горького и написала телеграмму: «Твою мать, приедешь ли?» Потом я засомневалась и спросила у женщины за окошком, можно ли так писать. Она ответила, что это отлично написано.

Подруга, профессор английского языка Дальневосточного технического рыбохозяйственного университета, приехала, и мы роскошно жили в гостинице «Пекин» за счёт Союза писателей СССР. Я приехала в Москву по стипендии, которую советские писатели предоставили финским переводчикам, подруга приехала в командировку от своего университета.

Кроме титров для художественных фильмов, я переводила и дикторские тексты документальных — например, о Великой Отечественной войне в 20 частях. В советское время даже такой фильм про войну обходился без мата. Возможно, потому что он был озвучен только диктором, без «живых» солдат. Я уже не помню. Но мата в нем не было.

Медленно шли последние советские годы. Я переводила прекрасные советские фильмы от прекрасных авторов.

А потом наступил 1991 год, год путча. Один финский режиссёр телевизионных документов узнал о путче в понедельник, 19-го августа, и он сразу поехал в Москву снимать людей, которые вышли на улицу, чтобы противостоять хунте. Он не снимал ленту новостей, он хотел сделать настоящий документальный фильм. Он снимал кадры, вошедшие в историю страны: Ростропович с автоматом в руках и со своим спящим телохранителем в студии радиостанции Белого дома,

где Александр Политковский интервьюировал его, мертвых защитников демократии в машинах скорой помощи, молодых парней на танках, Евгения Евтушенко на балконе Белого дома, свержение памятника Дзержинскому.

Я должна была перевести фильм на слух очень быстро — показ фильма был назначен уже на четверг, 22 августа. В тот же день режиссёр ещё монтировал, а я уже переводила начало фильма. Потом я услышала в записи слова, которых не было в словарях. Мне помогла русская приятельница. Тогда я поняла, что надо расширять свой запас русских слов.

В середине девяностых я узнала о курсах русского языка, русской литературы и политики в Германии. На курсах были и преподаватели прямо из России, и старые, и новые русские эмигранты из Франции и Германии. Среди участников было много военных из США и Норвегии. Некоторые американцы работали прямо с русскими военными в рамках договоров о сокращении ядерных боеголовок, некоторые работали на прослушке радиопередач. У одного норвежского призывника я спросила, зачем им нужен русский язык. Он ответил, что язык нужен, если им приходится допрашивать русских военнопленных или перебежчиков.

Мне же нужен был мат — для перевода фильмов о русских военных и преступниках, появившихся в 90-е.

Преподаватели открыли нам всё богатство русской брани. Мы узнали, что заветные имена половых органов можно в русском употреблять всеми частями речи — существительными, глаголами и прилагательными, даже наречиями.

Нам рассказали, как кто-то написал на стену петербургского метро во время выборов: «Если хочешь жить хуёво, голосуй за Соловьёва!» Мы узнали, что русская армия матом не ругается — она матом говорит.

Финское телевидение в начале 2000-х показало сериал «Штрафбат». Коллега, переводивший его, удивлялся, как это вообще показали в России, где уже начались запреты на брань.

На курсах в Германии я выучила и прекрасное слово «мудак» — слово, которое произнёс Горбачёв, выходя из самолёта при возвращении в Москву после путча. Этим словом он уза-

конил ненормативную лексику, и Путину никогда не удастся изменить ситуацию.

Тем более, что его настоящее русско-украинское имя теперь — Хуйло.

DOI: 10.55167/014d7f772ce1

МАТ И ВОЙНА

Как украинцы посмели присвоить русский мат?

Гасан Гусейнов

Украинские военные опубликовали десятки телефонных разговоров российских военных, состоящих почти сплошь из сквернословия. Между тем сами украинцы с помощью двух-трех коротких матерных слов ухитряются наводить на цель свои ракеты и приводить в ярость российского главнокомандующего.

«Русская правда» — так назывался первый свод законов Киевской Руси, составленный на древнерусском языке — том общем корне, из которого выросли и современные русский и украинский языки. В этом документе, которому без малого тысяча лет, имеется довольно детальное описание тогдашних невольностей, а попросту говоря — рабства. Понятными большинству современных носителей русского и украинского языков остались лишь два-три слова от прежнего богатства описания рабов. Из всех этих рядовичей, закупов или вдачей понятны сегодня разве что смерд и холоп.

О языке этих простых людей осталось довольно мало сведений. Но законы о них писаны знатю. Две вещи, два представления тянутся из этой глубины веков до наших дней. Первое представление, что это невероятно развитое бесправие дошло до самого нашего времени, просто смерды на новом русском называются бюджетниками, закупы — контрактниками, а холопы вообще — гопниками. Второе представление касается языка. Считается, что идущая из этой глубины веков матерная брань (общая для русских и украинцев) — это речь низших слоев населения. Некоторые приписывают этой речи сакральные или кощунственные свойства. Особую силу этому языку, называемому матерным, придает, по мнению большинства, его запретность и почти тайность.

Но если бы этот язык был действительно тайным, то отчего же им так широко пользуются? А если им так широко поль-

зуются, как же общество соглашается терпеть запрет на него в публичной сфере?

Пушкин, который охотно пользуется при случае матерной речью, считал этот пласт языка субститутотом политической и гражданской свободы.

Достоевский испытал его в так называемой гуще народной жизни, среди товарищей по каторге. Достоевский считал матерный язык выражением низменной натуры человеческого существа. Для него мат — субститут двойной тюрьмы, на которую обрекает себя сквернословец.

Как только образуется хоть какое-то подобие гражданских свобод, это двойное принуждение — добровольное в речи и вынужденное в образе жизни — отпадет, и сквернословие обернется примерно тем, чем оно является у не знающих нашей духовной жизни иноземцев.

За советское время — особую и еще мало изученную эпоху в истории России — матерный язык развил то самое свое измерение, о котором с мрачным восхищением писал Достоевский: одно-единственное слово, например, обозначающее эрегированный член, может, при наличии приставок и суффиксов, описать любое явление, состояние и настроение.

Возникает только один вопрос: «Зачем пользователи языка это делают? Почему им не хватает обычных слов, которыми можно безбоязненно и спокойно обмениваться в диалоге?»

Но то-то и оно, что в советское время государство, школа, культурные учреждения, издатели и составители словарей навязали всем носителям языка договор, согласно которому оно, государство, может вертеть обычным языком по-своему, не допуская в него мат ни под каким видом.

Запрещенный к употреблению, матерный язык оказался хоть и очень грубым, но весьма действенным противоположным устройством. В советское время пользователь языка этим нехитрым способом маркировал искренность и истинность своего высказывания. Матерные слова превратились в междометия, не имеющие никакого самостоятельного значения, кроме сакрального.

Слово, обозначаемое эвфемизом «блин», в начале предложения — это как бы «воистину».

Последнее слово в предложении, ныне сокращенное до парламентской формы «нах», — это как бы «аминь».

К концу советской эпохи большинство бывших смердов, обельных холопов, рядовичей, закупов и прочих гопников вышло на свободу с полным осознанием того, что матерный язык не имеет в себе ничего скверного, что это — обычный язык, просто чуть-чуть более емкий и резкий, чем тот, что предлагали им школа и государство. Мат вышел на сцены театров и на киноэкраны, заполонил русские и мировые интернет-страницы в своей той самой противоположной функции, которую не только принес из недавнего прошлого, но и развил необычайно.

Когда к власти пришел Владимир Путин, контраст между казенной, государственной ложью и свободным волеизъявлением стал восприниматься все острее. Власти решили придушить это ужасное, но столь понятное всем гражданам явление. И в 2014 году — буквально одновременно с первым вторжением в Украину — Госдума приняла, а президент Путин подписал указ о запрете мата во всех учреждениях культуры. Годом ранее мат был запрещен в СМИ.

Решающим моментом оказалось тут соседство РосФедерации со свободной Украиной, где и своих президентов никогда не жаловали, а уж главу соседней агрессивной страны — России — назвали как раз одним общим русско-украинским словом. В дальнейшем оно вошло в словари современного русского языка в смягченной цензурной форме «Пуйло».

Несмотря на личную тягу к сквернословию и похабным шуткам, Владимир Путин с самого начала своего правления пытался запретить матерную речь. Всякий раз эти попытки привлекали внимание иностранных изданий, которые обращались к текущим русским писателям за разъяснениями. Так, в 2003 году «Нью-Йоркер» попросил об этом Виктора Ерофеева, который дал краткий, но, видимо, не вполне понятный иностранцам ответ: «Когда-то на мате говорили только на улице и в тюрьмах, он проник в оперу, литературу, интернет и поп-песни», — писал он. «В отличие от непристойностей в большинстве других языков, наш мат настолько многослоен, многофункционален и гибок, что это больше философия, чем язык».

В разгар первой атаки Российской Федерации на Донбасс британская газета «Гардиан» не заметила совпадения принятия очередных ограничений на мат именно с вторжением в Украину. В прекрасной, тем не менее, редакционной колонке 29 июня 2014 года газета, среди прочего, писала¹:

Достоевский за свою жизнь написал миллионы слов, но однажды сказал, что все, что может подумать или сказать русский, можно выразить одним словом. Это слово, «хвуй», являющееся основой для 500 других слов в одном словаре [Плущера-Сарно], с завтрашнего дня запрещено публично употреблять в соответствии с одним из пуританских указов Владимира Путина... Века гнета, отчаяния и изобретательного пьянства ушли в мат. Без него Россия остановилась бы без смазки бесчисленных трений повседневной жизни. И все же остановки не будет. Цель Путина состоит не столько в том, чтобы искоренить его, сколько в том, чтобы спрятать его от чужих глаз. Он выступает за новую Россию, построенную на репрессиях. Мы же поднимаем два пальца, чтобы отдать честь русскому мату.

Вот мы и подошли ко второму, после превращения в смазочное междометие, свойству матерного словаря. Матерные слова оказались необыкновенно продуктивными, причем от своего первичного значения — яркого запретного названия полового органа — новообразованным словам придается особая сила и резкость. Мало того, у матерного слова есть и своя аура, которая заставляет носителя языка подзаряжать от нее и самые невинно звучащие слова. Например, слово «звезда» (эпратив «звизда»), легко рифмующееся с одним из слов, запрещенных ныне к употреблению в российских СМИ. Не будет дразнить гусей и вообразим, что от этой «визды» вы образуете глагол «свиздить» в значении украсть. Зачем вообще носителям языка это слово? В студенческие годы, в начале 1970-х я так объяснял семантические тонкости иностранным сокурсникам и сокурсницам: «Понимаешь, если у тебя что-то «украли», «увели» и даже «спёрли», вещь еще можно найти. А если «свиздили», то это навсегда». И так — во всем.

1. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2014/jun/29/in-praise-of-swearing>

За прошедшие годы русский мат оказался и полезной оружейной смазкой для украинцев, и, если угодно, прицелом-усилителем. Избавившись от исторического холопства «Русской правды» тысячелетней давности и советского колхозного строя, украинцы не только дали самому Путину второе имя. В ходе войны, начавшейся 24 февраля 2022 года, опубликованы сотни перехваченных телефонных разговоров российских военных с членами их семей — женами, матерями, подругами. Что оказалось главным в этих разговорах? Сплошной мат. Точнее, как говорят обычно в таких случаях, «мат-перемат». Тот же самый, каким и украинцы часто сопровождают кадры, снятые ими в разрушенных войной городах и селах Украины. Но кроме общей для тех и других брани, украинцы еще и задают направление русскому кораблю под говорящим названием «Москва».

Известно, что руководство РФ и российских армии и флота суеверно. Так, флагман Черноморского флота крейсер «Москва» имел у себя на борту церковную реликвию — фрагмент деревянного креста, того самого креста, на котором, согласно христианской легенде, был распят Иисус. Каково же было разочарование верующих и прокуратуры, когда те узнали, что украинские ракеты «Нептун» потопили крейсер вскоре после того, как пограничник с острова «Змеиный» послал «русский корабль» по матушке, или по адресу, хорошо известному как русским, так и украинцам.

Как же вышло, что формула украинского солдата оказалась более эффективной, чем заклинания священнослужителя во время церемонии закрепления фрагмента креста на боевом корабле? Как получилось, что в устах украинцев эти матерные слова приобрели ту перформативность, которую утратили русские солдаты?

Российская армия может иметь перед украинской численный перевес. Но, подобно грекам в битве при Саламине с персами, украинцы отбиваются сейчас, как свободные люди от смердов, от обельных холопов русского царя. Как реинкарнацию Ксеркса украинцы заклеили этого царя публичным матерным словом. Сейчас, когда два сообщества, равноправно пользующиеся русским матом, столкнулись на поле боя, мы с полным правом можем вспомнить о временах Киевской

Руси и общем корне обоих языков, которые ныне разошлись дальше, чем когда бы то ни было в своей истории.

Экскурс в 1 июня 2014 года: *Что объединяет запрет на мат и запрет на курение*

Сегодня, первого июня 2014 года, в правовом поле России встретились два запрета.

Оба они — духовного свойства. По одному закону, отныне строго-настрого запрещено употреблять в СМИ несколько матерных слов. По другому закону, отныне строго-настрого запрещено курение в общественных местах.

Если бы эти законы вступали в силу в разное время, мы, может быть, и не задумались бы о сходстве обеих субстанций — того богатого духовного смысла, который вкладывают люди в курение табака и употребление крепких выражений.

Давайте вместе понюхаем этот дым. Что это за действия?

Главное, конечно, состоит в том, что эти действия — социальные. Иначе говоря, они нужны людям для общения. Покурить выходят, чтобы вместе попеть-потрындеть. Почему так вышло, мы сейчас разбирать не будем. Но это простой медицинский факт — даже для такого агрессивного противника курения, каким до сегодняшнего дня был ваш покорный слуга.

Второе сходство. Курение и употребление крепких выражений для описания действительности и разгребания ее очевидных нечистот затягивают, вызывают привыкание. И понятно, почему: государства, которые гребут миллиардами налоги с курильщиков, требуют писать на пачках сигарет странные угрозы (вроде какого-нибудь «Курящие кончают раком!»), хотя им следовало бы на государственных казначейских билетах печатать красными буквами — «Внимание! Купюра скоммунизжена и попадает к тебе, временный пользователь, уже немного обесцененной!»

Третье свойство. Оба действия — курение и сквернословие — мешают другим полезным начинаниям человека. Отвлекают от трезвого спокойного анализа обстановки, приостанавливают рабочие процессы, требуют для утоления желания все больше денег. Последствия курения, очевидно, легко сравнить с последствиями злоупотребления матерным языком. Глядь —

у тебя легкие черны, а там и до карачуна недалеко. Глядь — а у тебя эвфуизмы зашевелились. Еж мою мышь, ёлки-моталки, ёксель-моксель, ёшкин кот! Гидрит и ангидрит, как пел Владимир Высоцкий.

Субъективно полегчало, объективно похужело. Вопрос, однако, брошен так и не изученным. Ис 1 июня 2014 года — кто же нам теперь поможет разобраться, если мы не можем теперь друг другу публично пожаловаться да показаться?

Невидимая хвойная шишка политики говорит примерно так: «Граждане, да чешитесь вы конём!»

«Курите где хотите, лишь бы вас никто не видел!»

«Материтесь где хотите, лишь бы вас никто не слышал!»

Много лет назад, когда братья Стругацкие были страшно популярны примерно в тех же, с поправкой на время, кругах, что теперь читают Виктора Пелевина, я с этим своим временем был не в ладах, и почти никаких сочинений Стругацких осилить не мог: они мне казались схематичными, картина мира в них — упрощенной, диалоги — вымученными. По-русски это называется переснобировать. А сейчас вот читаю некоторые вещи с большим удовольствием, потому что они хорошо объясняют и то время, в которое уже не вернуться, и то, из которого пока еще не видно разумного выхода.

«Мы любим и ценим этих простых, грубых ребят, нашу серую боевую скотину. Они нам нужны, — говорит герой романа „Трудно быть богом“, засланный в Арканар, — ведь отныне простолюдин должен держать язык за зубами, если не хочет вывешивать его на виселице! Язык простолюдина должен знать свое место. Бог дал простолюдину язык вовсе не для разглагольствований, а для лизания сапог своего господина, каковой господин положен простолюдину от века... А если язык простолюдина лижет не тот сапог, — громко говорил герой Стругацких, — то язык этот надлежит удалить напрочь, ибо сказано: „Язык твой — враг мой“... Но брань под окнами продолжалась с прежней силой. До чего же могучий язык! Энтропия невероятная».

Как же так? Почему объективно разумные ограничения вызывают такое отторжение?

И даже объективные показатели сокращения, например, числа курильщиков, не вселяют особой радости даже тем, кто и сам не курит, и других уговаривает не курить?

Неужели потому, что сдает выдержка и выучка даже тех, кто прошёл солидную советскую подготовку? Давайте еще послушаем Стругацких: «На Земле мы здоровые, уверенные ребята, прошедшие психологическое кондиционирование и готовые ко всему. У нас отличные нервы: мы умеем не отворачиваться, когда избивают и казнят. У нас неслыханная выдержка: мы способны выдерживать излияния безнадежнейших кретинов. Мы забыли брезгливость, нас устраивает посуда, которую по обычаю дают вылизывать собакам и затем для красоты протирают грязным подолом. Мы великие имперсонаторы, даже во сне мы не говорим на языках Земли. У нас безотказное оружие — базисная теория феодализма, разработанная в тиши кабинетов и лабораторий, на пыльных раскопах, в солидных дискуссиях...»

Осени и зимы с 1969 до 1971 года я часто бывал в курилке Ленинской библиотеки, где читали тогда короткие и смачные лекции разные замечательные люди. Одну такую лекцию я вспоминаю до сих пор. Ее прочитал Александр Моисеевич Пятигорский. Официально это была, конечно, и не лекция вовсе, а просто длинный разговор, растянувшийся, наверное, на целую неделю. В нем участвовали разные замечательные люди. Виктор Камянов, Лев Антопольский, вставлявшие сквозь сигаретку словечко или два. А Пятигорский говорил о Максиме Горьком. Матерных слов, кстати, не употреблял вовсе. Но классика советской литературы все-таки обижал. Пятигорский объявил Горького воплощением дьявола в русской культуре. Вот, говорит, в XIX веке были всякие — и попы, и безбожники, но ненавистников рода человеческого было совсем мало. А тут, говорит, появился. И в романе «Жизнь Клима Самгина» подвёл жирную черту под всем бесхребетным гуманизмом русской литературы. Даже Достоевского переплюнул «историей пустой души». И Карла Шмитта переплюнул с его теорией врага. Потому что Максим Горький прямо продиктовал тогда основную линию: «Если враг не сдается, его уничтожают». Смешно, что под этим писательским лозунгом и работала вся советская карательно-воспитательная машина.

Рассказ Пятигорского о Горьком я вспомнил и сегодня, когда прочитал у Стругацких: «Колодцы гуманизма в наших душах, казавшиеся на земле бездонными, иссякают с пугающей быстротой».

Древние ближневосточные цивилизации, на неудобной северной окраине которых мы живем, требовали от своих граждан строго по расписанию дважды в году — весной и осенью — забывать о рутине, спускать с чердаков громадные изображения мужского полового члена, огромной толстой хвойной шишки, и носить их по улицам, выпрашивая у богов хорошего урожая или благодаря богов за уже оказанную поддержку. Возжигались факелы, пелись скабрёзные частушки, которые в этот день приобретали буквальное значение.

“Дай нам фруктус с борозды,
борозды-зды-зды!
Вот он, фруктус с борозды,
— за труды!”

Оказалось, что у людей не получается договориться. Они не соблюдают договоренностей, курят что попало и где попало, матерятся при детях, друг дружке житья не дают.

Как же с ним договариваться, с обществом этим? Таким хамоватым, таким вонючим, таким не построенным? Как бы приостановить его неотвратимое разложение?

И тогда хорошая, субъективно добрая и мечтательно-умная, прямо-таки елдовая, как сказал бы Чехов, шишка принимает мудрое, здоровое решение. А не придать ли нам духовной жизни наших подданных морально здоровое и политически правильное направление? Не закрыть ли нам задним числом курилку Ленинской библиотеки?

Чтобы здоровье физическое соединилось, наконец, с чеканным пунктом из советской характеристики: «Политически грамотен, морально устойчив».

И тогда братья Стругацкие, может быть, не поехали бы в 1963 году в Донецк, Луганск или Славянск.

«Эта неотвратимость чувствовалась по всем. И в том, что штурмовики, которые еще совсем недавно трусливо жались к казармам, теперь с топорами наголо свободно разгуливают прямо посередине улиц, где раньше разрешалось ходить

только благородным донам. И в том, что исчезли из города уличные певцы, рассказчики, плясуны, акробаты. И в том, что горожане перестали распевать куплеты политического содержания, стали очень серьезными и совершенно точно знали, что необходимо для блага государства. И в том, что внезапно и необъяснимо был закрыт порт. И в том, что были разгромлены и сожжены „возмущенным народом“ все лавочки, торгующие раритетами, — единственные места в королевстве, где можно было купить или взять на время книги и рукописи на всех языках Империи и на древних, ныне мертвых, языках аборигенов Запроливья. И в том, что украшение города, сверкающая башня астрологической обсерватории, торчала теперь в синем небе черным гнилым зубом, спаленная „случайным пожаром“...

...У причалов поигрывали ржавыми мясницкими топорами серые штурмовики — поплеывали, нагло и злорадно поглядывая на толпу. На арестованных кораблях группами по пять-шесть человек сидели на корточках ширококостные, меднокожие люди в шкурах шерстью наружу и медных колпаках — наемники-варвары, никудышные в рукопашном бою, но страшные вот так, на расстоянии, своими длиннющими духовыми трубками, стреляющими отравленной колючкой. А за лесом мачт, на открытом рейде чернели в мертвом штиле длинные боевые галеры королевского флота. Время от времени они выпускали красные огненно-дымные струи, воспламеняющие море, — жгли нефть для устрашения...»

Очень, очень нужно Арканару новое, не курящее и не матерящееся племя. Вот почему 1 июня 2014 года, в Международный день защиты детей, и в России вступил в силу закон, запрещающий курильщикам сплевывать в прямом эфире или в записи, приговаривать по привычке «пшёл в пах» или «носи пелотку без звезды, отдав правления бразды».

Вот все эти ужасы, чтобы не заставляли наше славное вертикальное кайло омрачать свое хвойное чело.

А кому захотелось затянуться, воскурите фимиам.

1.6.2014
гчг

DOI: 10.55167/9cb65boe5dcd

Мат в контексте релокации (опыты самоописания военной эмиграции)

Мирра Муха-Гринблат

После 24 февраля 2022 года, помимо самого события войны со всеми ее ужасами и преступлениями, произошел исход десятков тысяч россиян из РФ в разные страны Европы, Азии и Америки. Социокультурное своеобразие этой эмиграции (или релокации) состояло в том, что в состав этой когорты вошло множество активно пишущих и выступающих людей. Кроме того, через социальные сети уехавшие продолжали существовать в тесном контакте с большинством людей, которые никуда не уезжали.

К этой когорте следует прибавить и другую, гораздо более многочисленную — говорящих как на первом, так и на втором родном языке граждан Украины. Об этой когорте следует сказать особо. Истории и географии распространения языка не подчиняются административным и государственным границам.

За первое постсоветское десятилетие сложились новые жанры развернутой публичной речи. О них написаны уже статьи и книги — от Максима Кронгауза и Ирины Левонтиной до Ингунн Лунде и Эллен Руттен (если говорить только о Северной Европе). Эти новые жанры складывались на пересечении письменного текста, изображения и устной речи. Сначала это были стационарные интернет-ресурсы, потом появились более динамичные форумы и, наконец, возникла блогосфера, известная нам теперь под названием «социальные сети».

До определенного момента пребывание в социальных сетях не было сопряжено для русских с внешними, офлайн-угрозами. Но примерно с 2014 года, или с первого нападения РФ на Украину, аннексии Крыма и начала войны на Донбассе, российское государство приступило к активным репрессивным мероприятиям в соцсетях. К этому времени был почти завер-

шен разгром независимых интернет-изданий, но социальные сети по-прежнему оставались свободным пространством.

После начала войны 24 февраля 2022 года стало ясно, что прежняя сетевая вольница будет закрыта. Одновременно с преследованием отдельных людей, которых и раньше подвергали репрессиям за слишком откровенные высказывания, предстояли и репрессии против сетевых изданий. И тут, даже если человек только работает в таком проекте, вырастает риск столкнуться уже не с личным, а со структурным преследованием со стороны государства. Государство же само немедленно объявило о своих намерениях, разделив все общество на горстку иноагентов и верные народные массы. В среде иноагентов выделили еще одно меньшинство — настоящих врагов под названием «нежелательных», «экстремистов», «одобряющих терроризм», «финансирующих терроризм» и т. д.

Вы спросите, какое это имеет отношение к языку?

Ответ: когда любое высказывание может стать источником опасности, это значит, что обществу предложено отказаться от двух из четырех ножек того стола, который построил Иван Сергеевич Тургенев. В своем знаменитом, им самим названном «старческим», стихотворении в прозе Тургенев назвал русский язык «великим и могучим, правдивым и свободным». В России и до массивного подавления свободы слова помнили только о первой части формулы, которая стала штампом — «великий и могучий русский язык».

Но стол языка на двух ножках очень неустойчив. Когда носителю языка приходится отказываться разом от «правды» и «свободы», этот носитель может захотеть убежать куда-то и от «силы и могущества». Именно так объясняли свое бегство из РФ после начала войны ровно три года назад тысячи людей. Особенно заметны в этом потоке люди, которым пришлось делать выбор: подчиниться новым правилам речи или сохранить привычную свободу высказывания. Из-за быстро утрачиваемой эфемерной свободы высказывания многие люди предпочли рискнуть прежним благополучием ради туманных перспектив в эмиграции.

Разумеется, большинство людей не может себе позволить отъезд: больные и те, на чьем попечении или иждивении

находятся старики; люди, не имеющие денег, чтобы доехать до вокзала или аэропорта, люди, едва сводящие концы с концами, живущие на нищенскую пенсию или зарплату, могут сокрушаться о потере свободы слова. Но сдвинуться с места они не могут.

Какую бы малую долю от оставшихся ни составляли уехавшие, все же есть какой-то общий язык самоописания, и несколько слов из этого словаря нам придется разобрать.

Итак, подавляющее большинство называется в этой схеме «понаостававшиеся», а исчезающе малое меньшинство уехавших называется «понауехавшими».

Слово *понаостававшиеся* отсылает нас к позднесоветскому узусу.

В 1960-х-1980-х о выехавшем за границу и не вернувшемся говорили, что тот «остался».

В 1990-х, когда появилась свобода выезда из бывшего СССР, «оставшимися» стали называть тех, кто никуда не уехал. А об уехавших стали говорить, что они там (обычно в Европе) «зацепились».

Почему *понаостававшиеся*? Потому что в позднесоветском ксенофобском жаргоне в ходу было слово «понаехавшие» — о лимитчиках, приехавших на заработки в столицы, в 1970-х, о мигрантах из бывших республик СССР.

«Понауехавшими» иронически называют себя и сами уехавшие из страны и бывшие «понаехавшие». В словари слово попало сначала в значении «покинувшие Россию граждане РФ, живущие за рубежом (но не эмигранты)»¹. Те, кто своим потом и кровью пробился и занял место в столицах, описывают таким образом тех, кто все это бросил.

Весьма ценно в этом закрепившемся термине — обценный пароним, который вскрывает подтекст: «Ах вы уехали? Так и идите на это самое ху!»

Главная группа-носительница и воспроизводительница языка культуры — это студенты и школьники, а также те, кто

1. Наталья Островская, Максим Кронгауз: «Интернет прожил самую приятную — хулиганскую — пору детства» // Комсомольская правда. 20.12.2011.

уже работает журналистом, учителем, исследователем, работником музея, искусствоведем, переводчиком. К гражданским репрессиям 2010-х гг. прибавляется реальная угроза быть отправленным на войну (с марта и особенно с сентября 2022 года).

За первые полтора-два года сложилось несколько пересекающихся общественных групп, пользующихся несколькими враждующими нарративами.

Изучение языка самоописания этих сообществ и полемическое описание «других», «своих» и «чужих» извне и изнутри осложнено тем, что один и тот же человек нередко меняет свой статус в течение короткого времени. А это приводит к смене рефлексивных реквизитов. Релоканты, эмигранты, антипутинская/антивоенная оппозиция, оставанцы и отъезжанты, проукраинские русские, «донатящие на ВСУ», иноагенты и экстремисты, ватники и зетники, нормализаторы и лоялисты и др.

Люди в этих виртуально-реальных сообществах общаются в социальных сетях и в реале, пользуясь новыми для себя жанрами, работа с которыми пожирает у ее участников массу времени, душевной и интеллектуальной энергии.

Ежемесячные, еженедельные и даже ежедневные обзоры новейших коммуникативных жанров слишком разнообразны и многочисленны, чтобы их могла проанализировать систематически даже целая исследовательская группа.

Можно выделить наиболее влиятельные «группы говорения», или видеоблогерские проекты: они еще не стали международно признанными СМИ, но уже перестали быть «уютными бложиками» (вспомним мем «уютная жежешечка» начала нулевых гг.). Выявлением динамики влияния таких групп занимаются журналист Дмитрий Колезев, писательница и лексикограф Марина Вишневецкая, филолог Елена Иваницкая.

За последние три года они сопоставляют и даже выстраивают рейтинги популярности источников, распространяющих через соцсети (тик-ток, твиттер/X, инстаграме, телеграме, фейсбук) новые способы публичной речи. Пока ясно, что это первые интуитивные шаги к будущему систематическому описанию текущей русской общественно-политической риторики.

Сегодня я хочу показать три свежих примера эмигрантского (или релокантского) дискурса: жанровый, лексический и стилистический.

1. Жанр первый — сжатая ироническая формула восприятия эмиграции в религиозном ключе.

Автор — социолог **Виктор Вахштайн** (1 февраля 2025):

Обсуждение судеб эмигрантов в российском фейсбуке — предмет антропологического интереса.

1) Если хорошему человеку после отъезда стало хорошо — это «воздаяние».

2) Если хорошему человеку после отъезда стало плохо — это «испытание».

3) Если плохому человеку после отъезда стало плохо — это «воздаяние».

4) Если плохому человеку после отъезда стало хорошо — это «мир несправедлив... пока приличные люди страдают... да как он смеет... а еще, говорят, демократия... какой же он непотопляемый... ничего, и до него доберутся...».

Забавляет здесь даже не асимметрия между вторым и четвертым пунктом. А склонность людей отождествлять эмиграцию со Страшным судом, который все расставляет по своим местам и каждому воздает по заслугам.

2. Жанр второй — сжатый каталог перемены судьбы.

Автор — **Аркадий Майофис** (10 января 2025):

Приехал в Израиль музыкантом, маркетологом, журналистом, театроведом, критиком...

...и продолжил зарабатывать тем же, чем и в стране исхода.

Возможно ли такое?

Короткий ответ — нет.

Длинный: некоторым удаётся и есть очень даже успешные примеры.

Но большая часть либо со временем (после долгих безуспешных попыток и напрасно потраченного драгоценного времени) меняет профессию, сферу деятельности, либо начинает совмещать: в первой части дня человек работает там, где платят, во второй — для души.

Часто деньги, полученные в первой половине дня, тратятся на занятия во второй.

Почему так происходит? Ответы на поверхности — другой язык, другой рынок, другие потребности, всё другое.

Недавно я увидел пост у Нелли Воскобойник на эту тему, там приведены примеры как раз такого совмещения, когда человек не бросает свое призвание, но научается чему-то еще. Многие под постом добавили свои примеры. Я собрал все вместе, дополнил еще несколько.

Это, как вы понимаете, совершенно незначительная часть. Если посмотреть, например, на художников, то там практически все зарабатывают себе на жизнь чем-то ещё.

Сама автор поста Нелли Воскобойник — писатель / медицинский физик

Елена Минкина-Тайчер — писатель / врач

Виктория Райхер — писатель / клинический психолог

Вит Гуткин — музыкант / химик

Эли Бар-Ялом — поэт, писатель / преподаватель математики и логики

Александр Иличевский — писатель / медицинский физик

Светлана Менделева — музыкант / программист

Александр Менделев — музыкант / программист

Дмитрий Брикман — фотограф, телеведущий / программист

Михаил Король — поэт, историк / гид

Михаил Туваль — ученый / гид

Вики Петров — писатель / логопед

Рахель Торпусман — переводчик / чиновник министерства

БорМор (Петр Мордкович) — писатель / ювелир

Илья Лиснянский — историк / лор-врач

Михаил Лисман — художник / специалист по лифтам

Михаил Фельдман — бард / инженер-мостостроитель

Илья Симановский — писатель / физик

Саша Виндичанская — музыкант, актриса / занимается бизнесом

Евгений Финкель — поэт, писатель / редактор

Юрий Липманович — бард / программист

Эдуард Маркович — фотограф, поэт / программист

Tanya Bogoodlove — писатель / акушерка

Ури Супоницкий — писатель / анестезиолог

Геннадий Добрушин — писатель / инженер

Валерий Айзенштейн — писатель, актер / инженер»

3. Жанр третий: рождественская сказка о потерянном на родине и вновь обретенном в изгнании.

Автор: философ и журналист **Кирилл Мартынов** (29 января 2025)

Тема разрастания и потери библиотек в результате ареста, эмиграции или развода, давно беспокоит меня как бывшего профессионального книгопокупателя, друга всех книгопродавцев России. (...)

Первая библиотека открылась, когда я поступал на философский факультет: мой научный руководитель ходил по городу с туристическим рюкзаком, набитым книгами по анархизму, мотивируя это тем, что никогда не знаешь, какая цитата понадобится. Я начал брать с него пример, постепенно превращая каждую поверхность в квартирах, которые я снимал, в книгохранилище, это было, разумеется, еще до массового интернета. Затем книги перестали быть носителями информации и превратились в эстетические артефакты, имеющие текстуру, цвет и запах, проводники в другую перспективу на мир; то есть фактически в разновидность запрещенных веществ.

Я совершенно определенно думал, что в феврале 2022 года это закончилось, потому что теперь довольно трудно себе представить место, которое может быть домом в смысле установки в этом доме книжных полок. С удивлением я смотрю на экспертов, которые теперь выходят в эфиры на фоне своих библиотек. Однажды я жаловался своим друзьям в Риге, что чувствую себя лишенным почвы из-за невозможности полистать что-то из «Философского наследия» издательства «Мысль», как я делал до этого почти четверть века.

— Мы учились по этим книгам, — сказали друзья. — На латышском ничего не было, в оригинале, естественно, тоже, поэтому все «Философское наследие» лежит у нас в гараже, мы не решились его выбросить. Что ты хочешь, мы можем выдать тебе все! Так я получил первый том Юма, чтобы помнить об иллюзорной природе каузальности. Началась третья библиотека.

4. Жанр четвертый — языковой самоотчет на фоне требований к многоязычию.

Автор: филолог, библеист и переводчик **Андрей Десницкий** 20 января 2025

Задумался о том, какие языки я в жизни учил. То есть не просто нахватался из воздуха фраз или посмотрел наискосок грамматику, а так, чтобы серьезно, с учебником и с учителем (или самостоятельно, но серьезно, минимум полгода постоянных занятий).

Список в хронологическом порядке, если отмечать только первые периоды обучения, выглядит довольно безумно, но уж что есть.

Русский не считаем, он родной.

Детство:

Английский.

Латышский.

Французский.

Университет и вокруг:

Древнегреческий.

Латинский.

Немецкий.

Санскрит.

Финский.

Древнееврейский.

Новогреческий.

Нидерландский.

Взрослая жизнь:

Сербский (хорватский, черногорский, боснийский).

Итальянский.

Азербайджанский.

Современный иврит.

Литовский.

Теперь на части языков из списка я разве что поздороваться могу. Рабочий из них только английский.

Есть языки, на которые я заглядывался, облизывался и даже пробовал начинать, но, но, но... не для чего было. И не пошло.

Классический сирийский (арамейский).

Классический арабский.

Даже алфавитов уже толком не помню, как, впрочем, и деванагари.

5. Жанр пятый: притча. Это же — пример поиска возвышенного слова-термина для обозначения происходящего.

Автор: Кирилл Мартынов (18 января 2025)

Отглаголенная страна

Парный концепт, родившийся за три года, связан с отглаголенными прилагательными уехавшие и оставшиеся. Между этими двумя сущностями, как предполагается, ведется экзистенциальная борьба, пропасть расширяется, нет ни общих слов, ни общих ценностей. Уехавшие и оставшиеся — пожалуй, самый странный кентавр, возникший для описания распавшейся реальности, замечать которую — значит совершать преступление против государства РФ. В том числе за счет закрепившейся лексической формы, в которой действие или бездействие становится субстанциальным признаком и источником идентичности.

Концепт — следствие лжи, навязанной государством руинам довоенного общества. Группа эмигрантов несопоставима по своему объему с жителями страны, среди эмигрантов есть люди разных взглядов, как и среди жителей страны. Так же как фейковая идентичность «иноагента» возникает в результате государственного иллюзионизма (Вячеслав Володин как Амаяк Акопян), идентичность пассивного глагола «оставаться» не указывает ни на какое реальное явление. Пропаганда продала людям пустышку, из которой теперь следует анализ-уроборос («они уехали и презирают нас», «они остались и на все согласились»). Эту страну отглаголили.

Сначала были убиты те, кто действовал свободно. Затем сочувствие свободным и помощь было объявлено преступлением (адвокаты-экстремисты, журналисты-дискредитаторы). Это было обозначено как новые правила игры: солидарность преступна, коллективные действия граждан есть терроризм, каждый умирает в одиночку. Из общества, где социальные связи умирают на границах нуклеарной семьи, слеплена машина для совершения военных преступлений. Маргиналов, не нашедших себя в жизни, отправят убивать за миллион, здоровые силы продолжают свой ежедневный труд и в нужный момент отвернутся. Группой, которая подлежит легальному осуждению, станут отглаголенные эмигранты. Мы приятно поспорим с вами в социальных сетях о том, как они уехали и очерняют, чтобы не говорить о войне.

Но режимы молчания разнообразны. Можно молчать так, что молчание звучит приговором для государства. Многие молчат уже три года, они стали уехавшими в молчание. Однажды приговор будет оглашен.

Эмигранты, бьющиеся в истерику открытой доступной речи, которая вызывает все больше раздражения у тех, кто предпочитает говорить о чем угодно, кроме запрещенного контента, который иногда виден прямо из окон в виде горящих НПЗ, слишком малочисленны. Из всего отглаженного лучше выбрать термин «обреченные» — мы разделим судьбу страны, которую убили об стену 24 февраля. Кто-то успеет стать иностранцем или найти для себя частное будущее — уже без страны, даже если на ее территории.

6. Жанр шестой: инкрустация исторической аналогии в отчет о повседневности. Это же — пример обновления исторических формул сопротивления российскому самодержавию и имперству.

Автор: писательница **Наталья Громова** (17 января 2025)

Вот ведь удивительный текст из Герцена «С того берега». Много раз читанный. И каждый раз словно из сегодняшнего дня. Герцен надеялся, что разбуженное (разбудил на свою голову!) самосознание (а это точно самосознание, а не проснувшееся желание дикаря разрушить все до основания) сведет Россию с вечного круга повторения одного и того же.

Теперь видно, сойти с этого невозможно никак. Все падает туда же. Хороводы — неважно, скрепные или победоносные, языческое поклонение Перуну, или некто, кто его теперь замещает, разодетый в золотую парчу. Государство-монстр. Полное и безоговорочное уничтожение человеческой личности. Всеми вместе. Вечно. Всегда.

«В самые худшие времена европейской истории мы встречаем некоторое уважение к личности, некоторое признание независимости — некоторые права, уступаемые таланту, гению. Несмотря на всю гнусность тогдашних немецких правительств, Спинозу не послали на поселение, Лессинга не секли или не отдали в солдаты. В этом уважении не к одной материальной, но и к нравственной силе, в этом невольном признании личности — один из великих человеческих принципов европейской жизни.

В Европе никогда не считали преступником живущего за границей и изменником переселяющегося в Америку.

У нас нет ничего подобного. У нас лицо всегда было подавлено, поглощено, не стремилось даже выступить. Свободное слово

у нас всегда считалось за дерзость, самобытность — за крамолу; человек пропадал в государстве, распускался в общине. Переворот Петра I заменил устарелое, помещичье управление Русью — европейским канцелярским порядком; все, что можно было переписать из шведских и немецких законодательств, все, что можно было перенести из муниципально-свободной Голландии в страну общинно-самодержавную, все было перенесено; но неписанное, нравственно обуздывавшее власть, инстинктивное признание прав лица, прав мысли, истины не могло перейти и не перешло. Рабство у нас увеличилось с образованием; государство росло, улучшалось, но лицо не выигрывало; напротив, чем сильнее становилось государство, тем слабее лицо. Европейские формы администрации и суда, военного и гражданского устройства развились у нас в какой-то чудовищный, безвыходный деспотизм.

...Во всех действиях власти, во всех отношениях высших к низшим проглядывает нахальное бесстыдство, наглое хвастовство своей безответственностью, оскорбительное сознание, что лицо все вынесет: тройной набор, закон о заграничных видах, исправительные розги в инженерном институте. Так, как Малороссия вынесла крепостное состояние в XVIII веке; так, как вся Русь, наконец, поверила, что людей можно продавать и перепродавать, и никогда никто ее не спросил, на каком законном основании все это делается, — ни даже те, которых продавали. Власть у нас увереннее в себе, свободнее, нежели в Турции, нежели в Персии, ее ничего не останавливает, никакое прошедшее; от своего она отказалась, до европейского ей дела нет; народность она не уважает, общечеловеческой образованности не знает, с настоящим — она борется. Прежде, по крайней мере, правительство стыдилось соседей, училось у них, теперь оно считает себя призванным служить примером для всех притеснителей; теперь оно поучает.

Мы с вами видели самое страшное развитие императорства. Мы выросли под террором, под черными крыльями тайной полиции, в ее когтях; мы изуродовались под безнадежным гнетом и уцелели кой-как. Но не мало ли этого? не пора ли развязать себе руки и слово для действия, для примера, не пора ли разбудить дремлющее сознание народа? А разве можно будить, говоря шепотом, дальними намеками, когда крик и прямое слово едва слышны? Открытые, откровенные действия необходимы; 14-е декабря так сильно потрясло всю молодую

Русь оттого, что оно было на Исаакиевской площади. Теперь не токмо площадь, но книга, кафедра — все стало невозможно в России. Остается личный труд в тиши или личный протест издали».

7. Жанр седьмой: сжатая формулировка содержания предельной эмоции.

Автор: режиссер, телепродюсер, сценарист **Всеволод Лисовский** (6 января 2025):

Две вещи делают невозможным мою интеграцию как в германское, так и в любое другое общество: неспособность к конвенциональному обучению и неконтролируемая ярость, когда мне говорят, что мне делать.

8. Жанр восьмой: отчет об интеграции релоканта в новой стране.

Автор: экономический и финансовый аналитик **Vadim Novikov** (2 января 2025):

2024: год, когда пустил корни

Январь и март: Пережил два землетрясения. Теперь знаю: настоящее родство с городом приходит не через штампы в документах, а через общие испытания.

Март: Простился с длинными волосами, перешёл на ультракороткую стрижку. Барбер гордо называет это «Цезарем», хотя мне ближе аскетичный Катон. Друзья же смеются — вышел типичный «доцент», по фильму и по должности. Что ж, обновление так обновление.

Май: Купил квартиру. Больше не «в гостях» — теперь свой дом в предгорьях Алатау.

Июль: Участвовал в первой полудневной постановке «Декамерона». Десять часов, прожитых в ритме искусства — мой небольшой вклад в культурную жизнь города.

Июль: Проплыл Осеантан на Капчагае. Важное напоминание себе: если справился с этой дистанцией — справлюсь со всем остальным.

Август: Завел кошку. Говорят, кошки не признают границ, но моя определенно помогла превратить квартиру в дом.

Сентябрь: Поступил в докторантуру МУИТ по Data Science. Можно было защищаться в знакомых областях, но решил всё-таки в новую — love of learning в чистом виде. Начинаю почти

с нуля, навёрстывая магистерские курсы параллельно с докторскими. А подписка на Coursera от университета — отдельный подарок, залип.

Октябрь: Стал советником президента AlmaU. Захватывает драйв этой работы — быстрый цикл от идей до воплощения, от встреч до новых возможностей.

Октябрь: Получил грант Tech Orda на шестимесячное обучение ИИ. Мы, эмигранты, особенно ценим такие подарки от новой страны — поддержку именно там, где она нужнее всего.

Декабрь: Получил грант Babson College для преподавателей из Азии — как выяснилось, единственный на всю программу. Теперь и международное сообщество видит меня частью региона, а я вижу свой долг — возвращать эту поддержку студентам и стране. А семинары по пекинскому времени — в Алматы это 5:30 утра — помогли прочувствовать масштабы Азии.

Год получился про укоренение. Через дом, через преодоление, через новые роли, контакты и причастности. И неудач накопилось немало — но теперь все главные заботы уже здесь, в предгорьях. А в ежедневнике появился новый вопрос: «За что я сегодня благодарен?» Спасибо, Алматы.

Автор — финансовый и экономический эксперт **Максим Кваша** (31 декабря 2024):

Немного итогов года. Первого полного года в Израиле.

Главный итог — мы дома.

Самое удивительное ощущение года — летом в вечно праздничной Москве понять, что хочется домой.

Самая ожидаемая вещь — то, что жизнь пересобирается заново.

Язык — учится, работы — нашлись, климат — перестал пугать.

Фото — как раз нетипичное, если не сказать — редчайшее.

Пиджак — нынче примерно как маскарадный костюм.

Спонсор повода #курсВМС — да, я теперь могу быть и консультантом по машканте. Хотя это — совсем не основное. (По просьбе Alex Vodovoz ссылка на страницу курса тоже будет, в первом комментарии).

Автор: библеист и переводчик **Андрей Десницкий** (3 января 2025)

Когда я говорю о «неудачной эмиграции» или о «полном провале», что я имею в виду? Похоже, надо пояснить.

Нет, я не играю в любимую эмигрантскую игру «вам-то хорошо, а я...» По каждому из сотни значимых параметров можно

найти тех, кому намного лучше, чем мне, и тех, кому намного хуже. И что? Сравнить свою историю жизни с другими бессмысленно.

Я сравниваю свой опыт с теми сценариями, которые я так или иначе замыслил и пытался выстроить, и вижу, что все они провалились, и, скорее всего, уже окончательно.

Я оцениваю свою нынешнюю жизнь с точки зрения выборов, которые я когда-то делал, и остро понимаю, что многие главные выборы (о семье сейчас не говорю) я сегодняшний посовещал бы себе тогдашнему сделать совершенно иначе. В частности, эмигрировать еще в девяностые и, вы будете смеяться, выбрать другую специализацию (лингвистику или историю). Но и с этой гипотетической другой жизнью сравнивать мою нынешнюю бессмысленно, потому что я ничего о ней на самом деле не знаю.

Я прекрасно вижу, что очень многое из того, во что я вложил силы, время, знания и, в конце концов, средства, растерто в порошок и вряд ли будет восстановлено, по крайней мере для меня.

Ну и что? На Балканах строят дома от землетрясения до землетрясения. Сажают виноградники от лесного пожара до лесного пожара. Живут от нашествия османов до нашествия нацистов. И это тоже жизнь, полная смысла.

Со мной случились землетрясение, пожар и нашествие. Строить, как оказалось, надо было не там, сажать не то, жить не так. Я живу дальше и начинаю к этому привыкать, находить в этом смысл.

Может быть, это и называется словом «смирение».

Вышеприведенные примеры жанрового разнообразия и поисков лексической точности подводят нас к последнему примеру — примеру снижения стиля. На фоне интенсивного бичевания социальной среды происходит поиск ультимативных ресурсов для интеграции, в том числе — вербальных.

Пример интересен тем, что участники полемики — адвокат и политолог. В профессиональной жизни обоих приводимый лексический регистр едва ли представим. Но в условиях эмиграции/релокации бросается в глаза, что обе среды — внутренняя, или пузырь прежней социальной роли, и внешняя, или иноязычное окружение — заставляют диспутантов отказываться от условностей привычного профессионального языка.

Итак, спор адвоката и политолога:

Адвокат **Михаил Беньяш** (5 февраля 2025):

Вчера я предложил коллегам, ожидающим голодной смерти из-за проказ Трампа, пойти на биржу труда и найти работу. Кто-то расценил это как издевку, так что пришлось отдельно объяснять, нет. Это не издевка, а реалистичный способ выхода. И конечно же у меня спросили: а ты сам чего? Где сейчас работаешь?

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЁН, РАСПРОСТРАНЁН И(ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ БЕНЬЯШ МИХАИЛОМ МИХАЙЛОВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА БЕНЬЯШ МИХАИЛА МИХАЙЛОВИЧА/18+

И таки я отвечаю. Мои слова не расходятся с делом. Работаю. Но перед тем, как скажу, где, будет подводка.

Летом 2024 года, исключительно благодаря окончательному осознанию того, что такое фандрайзинг и тому, что он совместим со мной примерно, как чеснок с вампиром, я понял, что нужен другой выход. Нужна адаптация к Европе, а не вот этот вечный НКОшный онанизм.

Также я понял, что не хочу заниматься правом, правозащитой и политотой. Друзья сказали, что это профессиональное выгорание. Может быть. Просто даже от самой мысли о работе в правозащите меня мутило. И мутит до сих пор.

Могу отметить, что здесь я не одинок. От своей работы мутит множество моих знакомых журналистов и НКОшников.

Некоторые откровенно ненавидят то, чем занимаются, но не могут вырваться из этого замкнутого круга российской эмигрантской тусовочки. Другой работы нет.

На биржу труда я пошел за халявными курсами литовского. Курсов мне не дали до сих пор, но познакомили с их сайтом. Там я нашел множество курсов повышения квалификации с очень даже клевыми профессиями, которыми не прочь овладеть. Например, реставратором или монтажником объектов зеленой энергетики.

Но больше, конечно, сварщиков, электриков и водителей. Цена курсов от 600 до 5000 евро. Длительность от двух до девяти месяцев. Оплачивает служба занятости.

Я стал пробивать эти курсы и выяснилось, что без проблем. Приходите учиться. На литовском языке.

Тогда я подумал, что наверное неплохо совместить эти модульные курсы с курсами литовского языка. Вступил в переписку с десятком профшкол в шести городах. В Каунасе есть просто шикарные курсы для украинцев. Но чтобы договориться со школой нужна отмашка министерства. Мы пытались выйти на консула антивоенного комитета (отписка от неизвестной девочки), я передавал свои наработки разным известным правозащитникам. Везде игнор.

И тогда знаете, чуваки? Меня заебло опять биться о стену похуизма со своими идеями об общем благе.

Буду заботиться о своем. Работу себе я нашел дня за три. Одна из самых тяжелых, но охуенно оплачиваемых.

И вот теперь, я просыпаюсь в 06.30, сорок минут еду на автобусе, переодеваюсь в робу, напяливаю каску, беру в руки тяжеленный отбойный молоток и вышибаю дырки в перекрытиях вильнюсских пятиэтажек. Потом огромным ключом вырываю нахуй старые ржавые трубы и меняю их на новые, пластиковые.

Бабушки крестятся, когда мы заходим в их квартиру с кувалдой наперевес и крестят в спину, когда уходим.

Боже, если бы вы знали какой кайф я испытываю, когда свариваю полипропиленовые трубы и вижу, что до нас было говно и ржавчина, а после нас красиво и чисто (если не считать нескольких обломков стены).

Ну этой работе есть свои нюансы. Например, в бригаде лишь один человек говорит по-русски и у меня резко стал расти набор литовских слов. Значительно облегчает коммуникацию то, что на стройке говорят на международном языке строителей

Вот смотрите:

Вода — вандау

Хорошо — герей/ заебись

Все хорошо — вискас герей

Кувалда — кувалдас

Бей — хуярь

Плохо — пиздец

Электровеник — электровеникас

Адвокат Берман — долбоебас.

И самое главное. Теперь мне не нужно просить/искать денег.

Трудовой договор, белая зарплата и стабильность.

Послезавтра аванс, и мне не нужно врать про КРІ или воровать чужой, как принято в правозащитах.

Не нужен краудфандинг, фандрайзинг и вот это всё.
Когда я описал новости моей жизни своему другу, томящемуся далеко на севере, он ответил: я очень рад за тебя, мой друг. Это свобода.
Совершенно верно. Это, блядь, свобода!
И если ради свободы надо хуярить кувалдой и носить чугунные трубы на плече, то я готов.
Она того стоит.

Ответ политолога.

Автор: **Иван Преображенский** (7 февраля 2025)

Насчет известного поста бывшего адвоката.
Насколько лучше балерина Уланова выступала бы вечером в балете, если бы днем ебашила с перфоратором на стройке...
Ой, простите, кажется, это плагиат и в каком-то советском кино такую хуйню уже проповедовали. Правда, даже там не всерьез».

В комментариях к посту адвоката и политолога выступили в фейсбуке десятки, если не сотни людей. Палитра высказываний выходит далеко за рамки этого обзора, но требует от изучающих русский язык людей серьезной переподготовки.

Итак, мы рассмотрели девять микрожанров публичной речи меньшинства «понауехавших» в том сегменте соцсетей, который является пока что местом встречи этого меньшинства с большинством «понаостававшихся».

Мы увидели и богатую палитру стилистических и лексических средств эмигрантского дискурса. Отличается ли она от той, которой пользуются публичные ораторы в зоне действия цензуры и угроз со стороны террористического российского государства — вопрос пока открытый.

DOI: 10.55167/3693464bd94d

МАТ
В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ

«Быть или не быть» обценной лексике в театре в России

Ребекка Ойфа

Окончательную правду русскому человеку всегда сообщают мотом.

Виктор Пелевин. *«Бэтман Аполло»*

Споры о допустимости сквернословия в театре идут вечно: непристойности в драматургии Аристофана (в целом дионисийские празднества пристойными никак не назовешь), гистрионы, скоморохи, комедии дель арте... В пьесах Шекспира инвективная, то есть оскорбительная лексика — грубые шутки, ругательства обычное дело, например, в пьесе «Буря»: «Язва тебе в глотку, проклятый горлан! Подлый трус! Мы меньше боимся утонуть, чем ты, грязный ублюдок, наглая ты скотина! Горластый пес!». В пьесе «Перикл» один из героев именует другого «Привратником борделя». Фальстаф в «Генрихе IV» мастерски оскорбляет других героев: «бычий член», «заморыш», «детёныш карликов» и т. д., а в «Генрихе V» французского солдата обзывают «Проклятый и изнеженный козел». В «Укрощении строптивой»: «Скотина вислоухая! Дурак!», «нищенская рвань». Лорд Кент указывает Освальду, дворецкому Гонерильи: «Thou whoreson zed, thou unnecessary letter! (Ты, сукин сын, ты ненужная буква)». В 1927 г. английский поэт Роберт Бриджес в статье «О влиянии публики на драмы Шекспира» утверждал, что грубые шутки и скабрёзности в его пьесах оскорбляют эстетический вкус. А Лев Додин в Малом драматическом театре — Театре Европы специально использовал грубую лексику в «Короле Лире» (2006), потому что хотел «убить поэтичность», чтобы пробиться к поэзии, патетичных героев вернуть на грешную, грязную землю¹.

1. Соломонов А. Режиссер Лев Додин: «Я борюсь с тем, что я советский человек» // Известия. 17, 18, 19 марта 2006. №46 / 27087. С. 10.

Нецензурная лексика в русском театре была фактически под запретом до 1990-х годов. С появлением российской «новой драмы» (театрально-драматургическое движение конца XX — начала XXI века) драматурги не хотели использовать эвфемизмы, заменять нецензурную лексику реальных людей. Для новой драмы характерны: исследование человека, честное, без прикрас, замалчиваний, лакировки изображение действительности; естественность речи обычного человека; приоритет слова; пьесу не обязательно ставить на сцене, она может состояться как литературное произведение.

Обценная лексика в пьесах вызывала резкое неприятие как у театральной публики, так и у критиков: «Зачем играть на сцене то, что и так слышим и видим на улице?». В качестве примера — реакция зрительницы на постановку «Москва — Петушки» в СТИ (реж. С. Женовач): «Спектакль замечательный, но нельзя ли убрать мат и алкоголь?». Кстати, спектакль поставлен в 2012 г. и идет до сих пор с предупреждением: не для детей.

Предвидя такую реакцию зрителей, С. Женовач предварил спектакль словами: «Что касается мата, то это часть нашей жизни, истории, культуры, русского языка, и никуда мы от этого не денемся. Грязь возникает только тогда, когда матерные слова направлены на оскорбление, унижение чести и достоинства другого человека. Мир, который создал Ерофеев в поэме «Москва-Петушки», — это некая мистификация, тонкая и умная игра».

Пожелание зрителя убрать мат показывает нежелание видеть в реальности красоту. «Художники научили нас видеть эту красоту витальных слов, которые вмещают в себя многое из не поддающегося нормативной речи. Потому, конечно, новым русскоязычным пьесам мат к лицу, он там на месте, не кичится собой, но и не хочет сдавать позиций — потому что это часть жизни, которая требует рефлексии», — считает театровед Кристина Матвиенко.

Сценическая история «новой драмы», исследовавшей острые проблемы современности, началась спектаклем «Пластилин» по пьесе Василия Сигарева (ЦДР, режиссёр К. С. Серебренников, 2001). Главного героя, 14-летнего сироту Максима

из маленького городка с убогими пятиэтажками и обшарпанными подъездами, исключают из школы, унижают, избивают, насилюют. Для героя пластилин — единственное средство выразить себя, защититься. Пьеса начинается со сцены, в которой из окна дома автокраном вытаскивают гроб мальчика-самоубийцы Спиры, друга Максима, и заканчивается сценой, в которой главного героя выбрасывают из окна уголовники. «Пластилин» состоит из 33-х коротких эпизодов, в каждом — новое место действия, а целое напоминает киносценарий. В каждой сцене (в тексте они обозначены цифрами) — конфликт героя с Другими. Это конфликтное противостояние обозначено уже в афише пьесы: «Действующие лица. Максим — 14 лет. Она. И Другие...» В пьесе неестественно мало для подобной среды мата. Больше ругани: «марамойка» (грязный, опустившийся человек; ничтожество, распутная женщина); ландух — лох, простак; «Ты, браток, на измену-то не падай раньше времени. Присядь на диванчик, побалакаем. Чё ты, балабан, дуру-то включаешь?» Реплики «Ты че!», «Ни че!» — повторяются в пьесе более ста раз.

Чуть позже Серебренников поставил во МХТе им. А. П. Чехова пьесы братьев Пресняковых — сначала «Терроризм», потом — в 2004 — «Изображая жертву».

В черной комедии «Изображая жертву», отражающей абсурд и ужас жизни, молодой человек Валя (современный Гамлет), закончив университет, устраивается в милицию изображать жертв преступлений во время следственных экспериментов. «На должность сотрудника требуется инфантильный мизантроп, циничный до безразличия, с чувством юмора и развитым интеллектом. Желательно подонок. Любовь к японской попсе приветствуется. Кандидатов без психических расстройств просьба не беспокоить».

Основным предметом критики была ненормативная лексика, звучащая со сцены МХТ («Боже, что бы сказали Станиславский с Немировичем»). В ответ на замечания об обилии ругани драматурги братья Пресняковы отвечали, что монолог капитана милиции без мата будет недостоверным и неубедительным. «Капитан: Пульнул? Пульнул... не присосками же, пулями, как дети, мать вашу! Блядь, накупают себе всего, пидарасы!

А нам ходи всё это разгребай! Ебанат! Откуда у тебя пистолет?! Откуда у вас вообще всё?! Вы откуда, нахуй, прилетели сюда?! Я сколько жил, никак не думал, что в такое ебанатство попаду! Вы откуда все прилетели, вы же, я не знаю, в тех же школах учились, у тех же учителей, у тебя же, блядь, родители — почти мои ровесники, нахуй! Как ты-то получился, из чего?! Вы все?! Этот, блядь, трусы забывает, в бассейн идёт, этот пидарас пуляет, блядь, в соседа по парте... вам чё надо-то в жизни, нахуй?! Вы, вообще, как её прожить хотите?!»

Через восемь лет на смену мрачному Вале из «Изображая жертву» приходит новый не-герой — 26-летний «хипстер-лузер», раздолбай Гриша из пророческой пьесы Любви Стрижак «Кеды» (пьеса-баловство, она же Эпопея, в 3-х действиях и 30 картинках... точнее рисунках...). «ГРИША. Мы поколение страха. Я боюсь будущего. Глядя на наших родителей, я вижу, какое оно будет, и я его таким не хочу. А вдруг оно таким не будет — этого я тоже боюсь. И оттягиваю момент до последнего, все равно будет конец света, так я лучше повеселюсь. Я слишком нежен, чтоб терять, груб, чтобы удержать».

В репертуаре театра «Практика» спектакль «Кеды» реж. Руслана Маликова шел с 2012 по 21 год, а в 2018 г. реж. В. Панков поставил пьесу в Центре драматургии и режиссуры.

48 часов из жизни главного героя пьесы — Гриши, в очередной раз уволившегося с работы, и в итоге оказавшегося 31-го числа на площади Маяковского, потому что он «Саше нагнал пиздеца обидного». Ненормативной лексики немного, и она органична в разговорах молодых людей.

Герои пьесы А. Иванова «С училища» (2016) активно используют в своей речи как сниженную, так и откровенно нецензурную лексику. Трудно было представить, что кто-то решится поставить эту пьесу без исправления текста — «стильно-модно-молодежно, с инфографикой и смехуечками» (цитата из пьесы). Однако ее поставили во многих театрах России и зарубежья. «С училища» стала лауреатом чуть ли не всех отечественных драматургических конкурсов, а сам автор был номинирован на премию «Золотая маска» в 2018 году.

Ученица ПТУ Танька живет с отцом-алкоголиком, подрабатывает, торгуя рыбой, влюбляется в преподавателя философии

Сергея, а он спорит с друзьями, что выложит видео их интимных отношений в Фейсбук и за это получит МАС. Но из тюрьмы возвращается ее бывший парень Костя. Танька гордится своей девственностью и утверждает, что отдастся кому-то только по любви: «Да с вами со всеми так надо! Вы как коты подвальные, сука! Берешь вас, думаешь, что вы ласковые, хорошие, а потом смотришь — вы воняете, яйца себе лижете... Вас через силу надо любить! Пиздить и любить! И опять пиздить!»

В оригинале действие пьесы происходит в Беларуси. Главные герои говорят на русском, трасянке — смеси белорусского и русского языков и на белорусском: «Егор, отец Тани: Куда ты уже навастрелась, блядзина? С табой разговарываю! Танька! Ты чо, не слышишь? Насраць цябе на бацьку, да? Бацька расциу, бацька кармиу, и пиздуй, бацька! Сюда идзи, блядзина! Гнида! Дай пажраць! Слыш! Пажраць дай! Куда ты уже папиздавала? Сюда идзі!»

В Серовском театре драмы им. А. П. Чехова в спектакле «Сучилища» режиссёр Пётр Шерешевский перенес действие пьесы в условный средневековый мир. Для этой постановки из текста пьесы убрали всю нецензурную лексику, что кажется невозможным: что же тогда будет говорить отец Таньки, ведь это единственный язык, на котором он говорит? Его реплики заменили выдуманными зарифмованными словами, что создаст ощущение условности происходящего².

Белорусский драматург Павел Пряжко

С 2006 года с его пьесами — «Солдат», «Трусы», «Жизнь удалась», «Три дня в аду», «Пушечное мясо», «Запертая дверь», «Поле», «Сосед», «Урожай» и другие — работали такие режиссеры, как Михаил Угаров, Дмитрий Волкострелов, Иван Вырыпаев, Филипп Григорьян, Марат Гацалов. Спектакли по его пьесам шли в Театре.doc, Театре Post, «Практике», МХТ имени Чехова, Театре Наций, Театре на Таганке, а сами пьесы были представлены на фестивалях «Золотая маска», «Любимовка», «Территория» и «Новая драма».

2. URL: <https://tinyurl.com/28fa5a4f>.

Пьеса Павла Пряжко «Трусы» (2006) — почти средневековая мистерия, рассказанная парнями «с района». У главной героини, Нины, гиперфиксация на трусах, почти религиозная страсть: контраст грубой провинциальной действительности с нежной и возвышенной материей: красивыми трусами. Трусы здесь, конечно же, символ инакости. Из-за них соседи сжигают Нинку со свету, называют ее развратницей. А она продолжает копить деньги, мечтает о новом дорогом белье, непрерывно стирает и сушит свою коллекцию трусов, а их всё время крадут враждебно настроенные соседки, ненавидящие Нину за нездешность и непохожесть. И в итоге устраивают самосуд и сжигают ее на костре, как Жанну д'Арк. От сюжета веет средневековой жутью. Речитативы Пряжко читаются то как скоморошеские запевы, то как совмещение молитвенных песнопений и рэпа. Обилие нецензурных слов — проще сосчитать те фразы, где их нет.

В особо трагических местах герои переходят на стихи, например, в моменте диалога героини, отправляемой на костер, и близким хором «общественного мнения»:

1 женщина. Ты, блядина, не хотела жить, как все.

2 женщина. Вот за это мы тебя и спалим на костре.

3 женщина. Всё трусы хотела красные носить.

Мент и Василий раздувают костёр.

4 женщина. Я все стадии сфотографировать должна. Это обязательно (фотографирует Нину).

Нина. Вы меня не слышите сейчас. Не жалею, не зову, не плачу. Я привыкла оставлять всю сдачу. Вы меня не слышите сейчас. Не прошу я милости у вас. Не надейтесь вы на покаянье. Не увидите вы также слёз отчаянья. Это шоу не устрою я для вас. Между нами мозговые расстоянья. Вы меня не слышите сейчас. Воспарю и я, как воспарила Жанна. Слышу, слышу я небесный трубный глас. И крыла большие, снежно-алые, унесут меня от ваших фраз. Вы меня не слышите сейчас. Извините, что жила среди вас. Что родилась и росла не в своё время...

А потом, с чувством выполненного долга, палачи отправляются смотреть по телевизору очередной сериал.

В Питере в театре «На Литейном» пьесу поставил Иван Вырыпаев. Московскую постановку пьесы «Трусы» режиссера Елены Неvejeиной критик О. Зинцов назвал «Чайкой» Театра.doc.

Пьеса Павла Пряжко «Жизнь удалась» (поставлена в 2009 г. в Театре.doc Михаилом Угаровым и в «Практике» реж. Эдуардом Бояковым и Виктором Алферовым) практически от начала до конца, кроме ремарок, написана матом. «Пьеса Пряжко — обморок, молчание, пантомима. Это запись сегодняшней речевой ситуации, документ эпохи», — сказал режиссер спектакля Михаил Угаров³.

Жизнь героев, как и следует из названия, полна радостей: «А давайте типа жрать на остановке. Прикольно на остановке бухать и пожрать вообще». Или: «Поссал. Так пиздато вообще стало». Два брата, Алексей и Вадим, учителя физкультуры в школе, спят со своими ученицами Леной и Анжелой. Вечный сюжет соперничества братьев за избранницу по законам драматургии должен закончиться трагически: убийством и последующим наказанием за совершенное преступление, или хотя бы отъездом отвергнутого на чужбину. Но это не про наших героев. Несмотря на свадьбу (Лена. Пиздец. (фата упала на лицо) Блядь! (поднимает фату) Как она меня заебала!), измену в день свадьбы с братом жениха, о которой так и не узнал молодой муж, скорый развод, когда пропили все подаренные на свадьбу деньги, никто из героев даже не поссорился и все продолжают общаться, тусоваться. В финале Анжела подводит итог этой истории: «Скажем прямо, и правда, жизнь удалась».

В рецензии К. Матвиенко писала про героев пьесы: «Пряжко в ремарках переводит их действия и слова для читателя из другой культурной среды. Для автора мат — дискурс героев, их язык»⁴.

Пьеса Пряжко «Три дня в аду» (2012) — привычный бег по кругу, ритуал, бессмысленные ежедневно одинаковые действия, обезличивающие и в итоге убивающие людей: пятница, суббота и воскресенье, когда герой Дима отправляется в «ЛТП

3. Цит.по: *Годер Д.* Золотое прикосновение. «Жизнь удалась» теперь и в театре «Практика» // Стенгазета. 2009. 20 мая. URL: <https://stengazeta.net/?p=10006171>.

4. Матвиенко К. Счастливы, но не вместе// Петербургский театральный журнал. 2009. №3 [57] URL: <https://ptj.spb.ru/archive/57/prof-and-amateur-57/schastlivy-no-ne-vmeste/>

это лечебно-трудовой профилакторий расшифровывается. Это 5 брезентовых палаток в ста километрах от Минска, недалеко от деревни в лесу. В палатке 10 человек. Это все мужчины среднего возраста, пьяницы, тунеядцы, те, кого страна согреть не собирается. В палатках не отапливается и нет света. При температуре на улице минус 10 в палатке минус 10».

Структура пьесы выстроена как сплошная ремарка, комментарий автора. Только со слов драматурга мы узнаем, где и когда разворачивается действие, что чувствуют и как выглядят герои.

В Театре Наций в 2012 г. режиссер Дмитрий Волкострелов и сценограф Ксения Перетрухина создали «тотальную инсталляцию»: в зале установили три брезентовые палатки для зрителей, никто не знает, что слышат и видят в соседней палатке. Актеры не говорят, текст звучит в аудиозаписи под стук капель о потолок палатки. Диалоги, мысли, географические и бытовые подробности, и соответственно речь героев также достоверна, она естественна в этой среде.

Впоследствии Пряжко отказывается от обилия обсценной лексики. Уже в «Запертой двери» (2010) Петербургского «ON.Театра» (реж. Дмитрий Волкострелов) герой Валера всего один раз тихо произносит: «Ты или гей, блядь, или...». А в «Соседе» (2019) уже нет обсценной лексики.

Театральный критик Марина Давыдова писала, что «некоторые думают, что “новую драму” написать легко. Это сложно. Очень сложно. Нет, правда... Вам все время будет мешать ваш словарный запас. Прилагательные, причастия, деепричастные обороты и сложносочиненные предложения будут назойливо проситься на бумагу, и задача состоит в том, чтобы их туда не пустить. Самоограничение, жесткое самоограничение — вот главная заповедь автора “новой драмы”. Если вы не можете свести свой драматургический вокабуляр к ненормативной лексике и нескольким десяткам слов-связок, вам никогда не удастся написать правильную, то есть не пафосную и не отстойную, то есть СОВРЕМЕННУЮ пьесу»⁵.

5. Давыдова М. Из жизни одноклеточных // Известия. 2009. 12 марта. URL: https://smotr.ru/2008/2008_doc_zhizn.htm.

Пьеса «Язычники» (2010) стала последней работой Анны Яблонской, за которую она получила премию «Искусство кино». 24 января 2011 г. Анна прилетела в Москву на церемонию вручения, но погибла в момент теракта в аэропорту Домодедово: осколок попал в сердце, смерть наступила мгновенно. В 2012 г. по пьесе поставили спектакли в Театре.doc (реж. В. Суркова) и в театре Ермоловой (реж. Е. Каменькович).

В семью — папа, неудавшийся музыкант, мама-риелтор и дочь-студентка — возвращается свекровь-богомолка, от которой не было «пятнадцать лет ни слуху ни духу!». У бабушки на любую ситуацию две реакции: «бесы» и «креститься». «Бесы» — это в первую очередь внучка, православная старуха говорит про нее: «Ну, ебется она со всеми подряд... Ой! (крестится) прости Господи!». При этом учит невестку: «И-и-и, дочь моя. Не сквернословь, душу свою коптишь, грех великий». Невестке-риелтору богомолка находит клиента-священника, отца Владимира, который покупает склад под неакцизную водку и сигареты. Узнав о том, чем занимается священник, сын богомолки так реагирует на эту новость:

СВЯЩЕННИК. (берет ключи, сухо) Храни тебя господь, сын мой.
ОЛЕГ. Идите вы нахуй, отец Владимир!

Любящая бабушка, узнав, что внучка попыталась покончить с собой, сразу же ее похоронила:

НАТАЛЬЯ (бабушка богомолка). Всё. Таинство крещения приняла. Сейчас отец Владимир ее соборует и все...

ОЛЕГ (ее сын, отец девочки). Что — всё?

НАТАЛЬЯ (мягко улыбаясь). Ну, что всё?... Всё. Ей теперь смерть не страшна, крещенная, ее Христос в свои объятия принял...

ОЛЕГ. Да ты что?! Как это — принял?! Как это — смерть не страшна! Вы что — похоронили тут ее уже или что?!

НАТАЛЬЯ. В народе говорят: на Пасху умер — яичко в руку.

Закон 2014 года

Статья 6.26. Организация публичного исполнения произведения литературы, искусства или народного творчества, содержащего нецензурную брань, посредством проведения театрально-зрелищного, культурно-просветительного или зрелищно-развлекательного мероприятия

В 2014 году Владимир Путин подписал закон о запрете использования нецензурной лексики в произведениях литературы и искусства, в СМИ, во время концертов, в театральных постановках и в кино. Ввели штрафы за обсценную лексику, что не ново: во времена Екатерины II по Уставу благочиния (1782) за прилюдную брань штрафовали и в случае неуплаты сажали под стражу. При Николае I, согласно Уложению 1845 года, за высказывания, «оскорбительные для добрых нравов», предусматривались наказания в виде денежного взыскания от 1 до 100 рублей либо ареста на срок от одного до трёх дней.

«Малой кровью» обошлась «Мастерская Петра Наумовича Фоменко». Там нецензурное слово было только в спектакле «Летние осы кусают нас даже в ноябре» (2013) норвежского режиссера (ки) Сигриды Стрем Рейбо по абсурдистской пьесе Ивана Вырыпаева, состоящей из преувеличенно литературных, сложносочиненных монологов. Ненормативное междометие из уст Ксении Кутеповой снижало пафос, возвращало из абсурда в реальность. «Фоменки» практически не используют нецензурную лексику, только изредка любимые «мня» и «ёньтить» Петра Наумовича Фоменко.

В постановках классических произведений драматургии нецензурная лексика использовалась очень редко. Например, в спектакле режиссера Юрия Бутусова по пьесе Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина» в Санкт-Петербургском театре им. Ленсовета (2001) во время допроса проскакивает матерное слово.

После принятия закона режиссер В. Рыжаков, во избежание последствий, попросил драматурга И. Вырыпаева отцензурировать пьесу «Пьяные». Персонажи пьесы: банкир, менеджеры, директор кинофестиваля, модель, проститутка (Марта, Марк, Лаура, Густав, Карл, Габриэль, Лоуренс) разговорчивы и очень откровенны. Они говорят о Боге, любви, законах и свободах («И вся эта наша свобода, о которой мы все тут постоянно говорим, которой мы все тут все время добиваемся. Какая свобода? Хотите быть свободными? Свободными от чего, блядь?! От кого, блядь? В чем эта свобода? Какая, на хуй, может быть у нас свобода, если мы потеряли контакт, на хуй»), толерантности («И все наши законы, все наши требования, весь наш ебанный либерализм, вся наша ебаная толерантность, вся наша

тупая политика, все решения, которые мы принимаем, — все это происходит в отрыве от реальности, блядь»), о том, что все покупается и все продается: «Мне везде, блядь, было невыносимо, мои родители, блядь, никого не любят, мой парень просто тупой недоношенный ублюдок, ни в чем нет никакой жизни, все вокруг мертвое, все из какого-то пластилина или пластмассы, ни в ком нет жизни, никто ни хуя не чувствует, никто, блядь, не чувствует самого главного, никто не чувствует, что происходит, я думала, нахера мне вообще жить в этом, блядь, резиновом мире, с этими, блядь, пластиковыми людьми, которые только жрут, трахаются и спят?»

Из текста убрали ненормативную лексику, заменив ее на эвфемизмы и неологизмы (например, «наобманывают»). Хотя для драматурга Вырыпаева «слово — это бог», подменять или сокращать текст, подбирать безжизненные аналоги для него невозможно: это искажает замысел, который он вложил в данное слово.

«Выключатель» — спектакль Мастерской Дмитрия Брусникина, премьера состоялась 2 марта 2014 года в Школе-студии МХАТ. В основе постановки — семь коротких пьес Максима Курочкина. Из-за ненормативной лексики, откровенных разговоров спектакль сочли неуместным к дальнейшим показам на сцене Школы-студии и перенесли в Театр.doc. Одна из частей спектакля называлась «Водка, ебля, телевизор». Из этого трио 33-летнему Герою, «умеренному театральному деятелю, спокойному натуралу-краеведу», надо чем-то пожертвовать, «чтобы прожить в согласии со своим обостренным чувством прекрасного»: «Господа, не слушайте эту мокрошцелку. Мне предстоит сложный, отрезвляющий выбор. Но, бля, мамой клянусь — буду выбирать честно...».

Герой. Заткнись, пожалуйста. Я — человек практически без принципов. Но если поставить под сомнение мою честность — могу залупиться.

Ебля. Буду я молчать, буду я пиздеть как Путин — однохуиственно. От ебли добровольно не отказываются.

Телевизор. Я не согласен. Меня и так уже ни в хуй не ставят.

Герой. Неправда. Новости, Симпсоны, бокс, лига чемпионов...

Телевизор. По сравнению с прошлым годом, я в жопе.

Дискуссии о допустимости мата на сцене

У современного театра есть два варианта: либо оставаться консервативным театром-музеем — ставить классические пьесы, следовать традициям и играть десятилетиями, как было поставлено в день премьеры, не допускать никаких перемен и новых прочтений; либо развиваться как современное искусство, ставить спектакли на актуальные темы, говорить современным языком, реагировать на события.

Соответственно, деятели культуры по-разному отреагировали и на допустимость мата на сцене. В декабре 2020 г. министр культуры Ольга Любимова заявила, что использование мата вызывает только негативный социальный отклик, современные режиссеры пытаются просто провоцировать публику. Тогда как советские авторы умели показать волнующие события, испытания и переживания героев эстетично. Общество не хочет социальных проблем в театре⁶.

В 2005 г. театральный критик Г. Заславский считал абсурдом саму мысль о том, что «можно отгородиться от жизни забором, сказать „нет“ ненормативной лексике»⁷.

В 2014 году он недоумевал: почему театры оказываются самыми крайними в этой истории и предлагал начинать борьбу за чистоту русского языка с других сфер.

А в 2016 году, став ректором ГИТИСа, издал указ: в учебных спектаклях не должно быть нецензурной брани.

Театровед и шекспировед Алексей Вадимович Бартошевич полагал, что великому русскому театру отведена мессианская роль, и он попросту не способен существовать в отрыве от русской жизни — а значит, и от русского языка.

Режиссер Лев Додин в интервью сказал: «Искусство всю жизнь нарушало табу. Оно для этого и существует. Искусство все время отвоевывает запретные территории. Я готов слышать мат со сцены, если он действует в художественных целях... А вот когда матом хотят удивить, завлечь, меня это раздражает.

6. URL: <https://www.interfax.ru/culture/742392>.

7. Заславский Г. Про то, что пишут, про то, что ставят // Октябрь. 2005. № 12. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2005/12/pro-to-cto-pishut-pro-to-cto-stavyat.html>.

Меня раздражает все, что бессмысленно. Я бы понял закон о запрете нецензурных выражений в жизни — огромный штраф. Но почему же мы запрещаем отражение жизни? Мы не исправляем саму жизнь, а мы не хотим видеть этой жизни и запрещаем отражение! Вообще, когда начинают запрещать отражение жизни, что-то с самой жизнью очень неблагополучно»⁸. С его мнением соглашается и главред Петербургского театрального журнала М. Дмитриевская.

Большинство людей, занимающихся театральным искусством, считают, что достаточно предупредить зрителей о ненормативной лексике и указать возрастное ограничение «18+», потому что часто мат сложно заменить, особенно если он используется для эмоционального усиления. Сквернословия в современном театре стало меньше. Но это не мешает активным гражданам писать жалобы об оскорблении религиозных чувств верующих (УК РФ ст. 148), дискредитации семейных ценностей, обесценивании роли отца, пропаганде чайлдфри (Закон о запрете информации, пропагандирующей отказ от деторождения (поправки в ст. 6.21 КоАП РФ «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола»), пропаганде ЛГБТ, пропаганде терроризма (УК РФ ст. 205.2) — братья Пресняковы с трагифарсом «Терроризм» у бдительных граждан сразу попадут под статью, зачем разбираться в содержании, все вынесено в заглавие. Просто мы уже имеем печальный опыт с «Финистом ясный сокол» и делом Е. Беркович и С. Петрийчук. Поэтому проще такие спектакли даже не ставить.

Литература

Архив движения «Новая драма» (1990–2010е годы). URL: <https://tinyurl.com/zyk9yusa>.

Без купюр // Петербургский театральный журнал, 2008, № 2 (52). URL: <https://ptj.spb.ru/archive/52/new-reading-52/bez-kupyrur/>.

Давыдова М. Из жизни одноклеточных // Известия. 12.03.2009. URL: https://smotr.ru/2008/2008_doc_zhizn.htm.

8. URL: <https://newsomsk.ru/news/3157-lev-dodin-ya-by-ponyal-zakon-o-zaprete-netsenzurnykh-vyrazhenij-v-zhizni/>.

- Гремина Е., Угаров М. Пьесы и тексты. В 2 т. М.: НЛО, 2019. URL: <https://mybook.ru/author/mihail-ugarov/pesy-i-teksty-tom-1/read>.
- Иванов А. С училища. Пьеса.
- Любимовка. Независимый фестиваль драматургии. URL: <https://lubimovka.art/>.
- Матвиенко К. Счастливы, но не вместе // Петербургский театральный журнал. 2009. № 3 (57). URL: <https://tinyurl.com/26e8juac>.
- Матвиенко К. «Новая драма»: победа без триумфа // Искусство кино. 2014. № 3. URL: <https://tinyurl.com/24h7ws83>.
- Матвиенко К. «Новая драма» в России: краткий экскурс в недавнее прошлое и эскиз настоящего // Петербургский театральный журнал. 2008. № 2 (52). URL: <https://tinyurl.com/289682p9>.
- Новая драма: пьесы и статьи / Вступ. ст. Е. Ковальской. СПб.: Сеанс; Амфора, 2008.
- Новая драма. Пьесы. URL: <https://www.newdrama.ru/plays/>.
- Новая драма. Авторы. URL: <https://www.newdrama.ru/authors/>.
- Пьесы Максима Курочкина. URL: <https://theatre-library.ru/authors/k/kurochkin>.
- Руднев П. Драма памяти. Очерки истории российской драматургии. 1950–2010-е. М.: НЛО, 2024.
- Театр. Журнал «Нужны ли современному театру современные пьесы» № 48.
- Фролова Т. Дневник уборщицы // ПТЖ. 2012. № 3 (69). URL: <https://ptj.spb.ru/archive/69/theatre-and-reality-69/dnevnik-uborshhicy>.
- Экспериментальный словарь новейшей драматургии / Под ред. С. Лавлинского и Л. Минх. Poland: ELPIL Siedlce, 2019.
- Shakespearean Insults From A to Z. URL: <https://www.thoughtco.com/shakespearean-insults-741386>.

Приложение

Некоторые театры, в которых ставилась
«новая драма» в России и активно
использовалась ненормативная лексика:

- Санкт-Петербургский драматический театр «Особняк» (1989)
- Кемеровский театр «Ложа». (1991) Евгений Гришковец
- Центр современной культуры «Голосова, 20» в Тольятти Вадим Леванов
- «Центр Мейерхольда» Валерий Фокин (Москва 1991–2022)
- «Дебют-центр» при Центральном Доме актера им. А. А. Яблочковой (Москва 1996)

- «Центр драматургии и режиссуры» п/р А. Казанцева и М. Рощина (Москва, 1998)
- Екатеринбург: «Коляда-театр» (2001), конкурс «Евразия» (2003)
- «Teatr.doc», учрежден Еленой Греминой и Михаилом Угаровым на базе движения «Документальный театр» (Москва 2002)
- Белорусский «Свободный театр», основан в 2005 г., позиционируется как единственный подпольный театр
- «Практика» экспериментальный центр новой драмы создан режиссёром Эдуардом Бояковым (Москва 2005)
- «Пространство Внутри», основатель театра — московский архитектор Олег Карлсон (2021)

Основные драматургии

Елена Гремина (1956–2018) и Михаил Угаров (1956–2018) — идеологи движения «Новая драма», создатели и руководители первого в России негосударственного и полностью независимого театра документальной пьесы «Театр.doc», большая часть спектаклей которого создается в жанре «документального театра». Пьесы: «Газета „Русский инвалидЪ“ за 18 июля», «Голуби», «Зеленые щеки апреля», «Облом-off», «24+», «Двое в твоём доме», «1.18 («Час восемнадцать»)), «Сентябрь.doc», «150 причин не защищать Родину».

Иван Вырыпаев — российский и польский режиссёр театра и кино, драматург, сценарист, театральный педагог, продюсер и актёр. В 2013–2016 годах был художественным руководителем театра «Практика». Пьесы: «Валентинов день», «Город, где я», «Июль», «Кислород», «Летние осы кусают нас даже в ноябре», «Сны» (миниатюра), «Пьяные», «Интертеймент», «Единственные самые высокие деревья на Земле», «Закрытое исследование. New Constructive Ethics», «Варшава».

Тольяттинская школа современной драматургии

Вадим Леванов, Вячеслав и Михаил Дурненковы, Юрий Клавдиев. Их объединение произошло вокруг драматического цен-

тра «Голосова, 20» и ежегодного фестиваля «Майские чтения», позднее получившего название «Новая драма. Тольятти».

Вадим Леванов (1967–2011) — инициатор и организатор тольяттинского фестиваля и альманаха «Майские чтения». Автор пьес: «Ах, Йозеф Мадершпрегер — изобретатель швейной машинки», «Бильярд», «Вонь», «Выглядки», «Зрители», «Кровавые барыни Дарьи Салтыковой, московской столбовой дворянки, правдоподобное и елико возможно достоверное жизнеописание», «Любовь к русской лапте», «Муха», «Отель „Калифорния“», «Парк культуры им. Горького».

Братья Дурненковы: «Dunks» («Пьяные»), «Mutter», «Антикафе», «Аншлаг», «В чёрном-чёрном городе», «Вычитание земли», «Культурный слой».

Вячеслав Дурненков: «Пупочек», «Шкатулка», «Север», «Ремонт».

Михаил Дурненков: «(Самый) лёгкий способ бросить курить», «Братья», «Вещи», «Его жизнь в искусстве» (в постановке — «Вне системы», документальная пьеса для юбилея К. С. Станиславского, МХТ, 2012), «Война ещё не началась», «День Победы», «Солнце всходит» (документальная пьеса о жизни и творчестве Максима Горького, МХТ, 2018), «Как эстонские хиппи разрушили Советский Союз», «Синий слесарь», «Хозяйка Юлия», «Сны о войне», «Вечно живые» (документальная пьеса для театра «Современник» 2021).

Юрий Клавдиев: «Я — пулемётчик», «Собаки-якудза», «Когти в печень (никто не вечен)», «Медленный меч».

Екатеринбург

Ученики Николая Коляды

Олег Богаев: «Русская народная почта (Комната смеха для одинокого пенсионера)».

Полина Бородина: «Исход», «Варвары», «Настоящее неопределённое время», «Три четверти грусти» («Болотное дело»), «Здесь живёт Нина», «Рыба и шоколад», «СашБаш. Поезд Ленинград и назад» (в соавторстве с Я. Пулинович), «Подельники».

Ирина Васьковская: «Март», «Галатhea Собакина», «Девушки в любви», «Русская смерть», «Поминки», «1079», «Акула года».

Ярослава Пулинович: «Наташина мечта», «Победила я», «Земля Эльзы», «Жанна», «Завтра будет новый день», «Житие Федора Михайловича и Алевтины Павловны, или Жаркое ковидное лето».

Василий Сигарев: «Пластилин», «Чёрное молоко», «Агасфер», «Божьи коровки возвращаются на землю», «Детектор лжи», «Фантомные боли», «Волчок».

Ринат Ташимов: «Пещерные мамы», «Шайтан-озеро», «Первый хлеб», «Шпаликов».

Братья Олег и Владимир Пресняковы: «Изображая жертву», «Терроризм», «Половое покрытие», «Free time» и др.

Москва

Александр Родионов, один из организаторов Театра.doc. Автор перевода на русский язык пьес Марка Равенхилла «Шоппинг & Fucking» (1999) и «Четкие поляроидные снимки» (2002). Пьесы: «Война молдаван за картонную коробку», «Песни народов Москвы» (в соавторстве с Максимом Курочкиным). Сценарий «Все умрут, а я останусь» (с Ю. Клавдиевым).

Ольга Мухина: «Таня-Таня», «Любовь Карловны».

Ксения Драгунская (1965–2012): «Вверх тормашками», «Яблочный вор», «Рыжая пьеса», «Ощущение бороды», «Истребление», «Лунапарк имени Луначарского».

Дмитрий Данилов: «Человек из Подольска», «Серёжа очень тупой», «Свидетельские показания», «Что вы делали вчера вечером?», «Выбрать троих», «Стоики».

Наталья Лизоркина: «Мама, я улетаю в космос», «Ваня жив», «Святая Мария».

Петербург

Анастасия Букреева: «Черная пурга», «Ганди молчал по субботам», «Чужой», «Яблочный заяц», «Шиле».

Ася Волошина: «Человек из рыбы», «Мама», «Гибнет хор», «Пациенты», «Тело Гектора», «Антигона: редукция», «Crime».

Лидия Голованова: «Хор», «Плотник», «Дыры», «Непорочно», «Краткая танатология», «Мясо», «Молоко».

Мария Огнева: «Костик», «Спойлеры», «За белым кроликом», «Мой папа — Дед Мороз».

Украина

Максим Курочкин: «Бабло побеждает зло», «Водка, ебля, телевизор», «Аскольдов Дир», «Истребитель класса „Медведя“», «Травоядные», «Имаго», «В зрачке», «Трансфер», «Девять легких ста-рушек».

Наталья Ворожбит: «Девочка со спичками», «Демоны», «Саша, вынеси мусор». Сценарист сериала «Школа», работала совместно со сценаристами Вячеславом Дурненковым, Михаилом Угаровым, Юрием Клавдиевым, Вадимом Левановым.

Анна Яблонская (1981–2011): «Язычники», «Где-то и около», «Пустошь», «Семейные сцены», «Видеокамера».

Беларусь

Павел Пряжко: «Солдат», «Труссы», «Жизнь удалась», «Третья смена», «Лёгкое дыхание», «Миссионеры», «Запертая дверь», «Злая девушка», «Три дня в аду», «Печальный хоккеист», «Карина и Дрон», «Пушечное мясо», «Чёрная коробка», «Сосед», «Ленточки», «Шашлыки», «Горький аэропорт».

Константин Стешик: «Мужчина — Женщина — Пистолет», «Летели качели», «Ловушка для птиц», «Грязнуля», «Спички», «Друг мой», «Мороз», «Семантическое насыщение».

Николай Халезин: «День благодарения» (простая история в двух действиях), «Лига Лунного Света» (реквием по рас-судку), «Поколение Jeans. Диалогия. Поколение Jeans» (совместно с Натальей Колядой), «Ода новой генерации», «Поколение Jeans. Диалогия. Постигая любовь» (простая история; совместно с На-тальей Колядой), «Полуночная жертва» (трагикомедия в двух действиях), «Я пришёл» (притча).

DOI: 10.55167/9b5521575872

Эпоха фиги в кармане. Жаргонизмы на основе фамилий большевистских лидеров: от Бухарина и Рыкова — до Владимира Путина

Ен Йов Тен

Николай Бухарин

Бухарик - Граненый стакан
стеклянной фабрики им. Бухарина

Бухать – сильно пить,
бухарь, бухарик – сильно
пьющий человек

Лексика жаргона в любом обществе строится путём переосмысления и метафоризации привычных «литературных» слов. В русском же языке возможность с помощью суффикса преобразовывать звучание почти любого существительного в уменьшительно-ласкательном или даже издевательском ключе открывает широкий простор для экспериментов. А отсутствие возможности высказать гражданскую позицию и подчиненное на протяжении столетий положение общества по отношению к российскому государству приводили к иным относительно принятых в правовых государствах (пресса, партии, профсоюзы, суды) формам выражения альтернативных мнений. И даже в периоды относительных свобод, например, после реформ Александра II, воспользоваться свободой слова могли далеко не все. Чтобы написать даже в либеральную свободную газету колонку или письмо, для начала нужно было быть грамотным. А таких в Российской империи, по данным переписи

1897 г., было всего 27% населения. Да и из этих 27% везунчиков далеко не каждый имел возможности выразить свою позицию в письменном виде.

Такие вот сложности с ответом на произвол властей в публичном поле приводили к развитию иных форм: частушки (часто матерные), анекдоты (часто политические), жаргонизмы. И чем более жестокой к своему «народонаселению» была власть, тем изощреннее становились попытки людей хотя бы полупамятком показать свое к ней отношение. Особенно ожесточился режим к 1930-м, и тогда же «слепленный» из этносов бывшей Российской империи — новый Советский народ активизировал свои речевые эксперименты в языковом подполье.

Был и Эзопов язык в литературе, театре, официальной культуре. Интеллектуалы незаметно подмигивали друг другу: «Эко я их уколол. Видел?». Писатели и драматурги создавали образы и ситуации, которые можно было прочесть двояко. Иногда официальная цензура видела лишь благопристойную версию и пропускала эти произведения культуры в общество. И тогда внимательный читатель искал и находил иной смысл и так необходимую в условиях внутренней оппозиции тоталитарному режиму поддержку. Например, Борис Пильняк в 1926 году смог опубликовать свою «Повесть непогашенной Луны», где намекал на то, что легендарный командарм Фрунзе мог быть на самом деле убит как потенциальный конкурент Сталина. Намекали на абсурд советской бюрократии в своих произведениях и Ильф и Петров. Печатался до начала 1930-х и Михаил Зощенко. А вот гениальное «Собачье сердце» было напечатано в типографии только лишь в 1987 году, до того тайно распространялось в самиздате. Но охват подобного протеста был относительно размеров всего советского общества небольшим.

А вот политические анекдоты были распространены повсеместно во всех так называемых классах: и в среде простого народа, и в среде так называемой советской интеллигенции. Власть воспринимала их как серьезное оружие своих внутренних врагов и оппонентов. Так, по статье УК СССР 58-го («анти-советская агитация») в 1937–1953 гг., наиболее часто применяемой к «анекдотчикам», было осуждено порядка 900 000 человек.

Не все они были наказаны именно за анекдоты, но среди репрессированных — значительная часть рассказавших политические шутки. В некоторых случаях рассказ всего одного анекдота мог привести к расстрелу. Например, в протоколе допроса сотрудника Кавказской железной дороги Павла Решетникова, датированном 1938 годом, указано: обвиняемый признался в том, что рассказал один анекдот антисоветской тематики, и утверждает, что больше никакой антисоветской деятельностью не занимался. Приговор — расстрел. С тех кровавых времен к нашим, пока чуть менее кровавыми, уже современные авторы «перекинули мост»:

*Построил нам Роскомнадзор
Меж поколений мост.
Мой дед сидел за анекдот,
Я сяду за репост*

Еще одна интересная форма, которая, в отличие от анекдотов, остается в прошлых эпохах — частушки. Они были особенно распространены среди крестьянства и, выражаясь терминами тех лет, пролетариата, а также деклассированного элемента. Частушки высмеивали местные власти, колхозную систему или бюрократию, но маскировка под бытовой юмор и двусмысленность текстов обычно позволяли избегать прямых обвинений в антисоветской деятельности. Хотя исполнителей особенно дерзких частушек так же сурово наказывали. В 1931 году моя очень дальняя родственница спела частушку:

*Всю милицию — в рукавицу.
Красну армию — в карман.
Переделаем Советы
На турецкий барабан.*

Её арестовали, но отцу удалось как-то выручить дочь. Им повезло, в этом случае суровость наказания была компенсирована необязательностью его исполнения. В общем, удалось договориться.

Возможно, самой необычной формой сравнительно безопасно «оценить» результаты работы советских руководителей было использование кличек вместо официальных имен власть имущих и формирование особого рода жаргонизмов, сформирова-

рованных на основе фамилий советских партийных лидеров. Этот продукт специфического общественного уклада и морфологии русского языка может многое рассказать о нравах той эпохи и даже о партийных интригах того времени. Приведу примеры подобных жаргонизмов и объясню историю их происхождения.

«Бухать» в значении «пить спиртное» связывают с названием знаменитого граненого стеклянного стакана, производившегося на стекольной фабрике имени Н.И. Бухарина в 1920–1930-е годы. Стекольный завод в городе Гусь-Хрустальный носил имя этого партийного вождя с 1924 по 1937. Граненые стаканы авторства знаменитой Веры Мухиной миллионными тиражами отправлялись в учреждения общепита огромной страны и были прозваны в народе сперва «бухаринский стакан», а потом просто «бухарик». Со временем церемония распития спиртного из этих стаканов со всеми сопутствующими социокультурными атрибутами стала называться «бухать». А опала Николая Бухарина, его последующий расстрел и разоблачения в прессе «подлых преступлений против советского человека» только укрепили в народе эту негативную коннотацию. Бухать, бухой, бухарь и бухарик — пожалуй, самые крепко отпечатанные в русском языке жаргонизмы подобного типа, т.е. сформированные из фамилии советских руководителей.

Еще одним предателем в 1920-е стал когда-то второй в партии после Ленина по влиятельности человек — Лев Троцкий. Вместе с кампанией по его разоблачению и коллективному осуждению в народ вошло выражение «врешь как Троцкий», которое приобрело форму «троцкать», то есть врать. Но это слово не стало устойчивым выражением, и его использование быстро сошло на нет. Возможно, употреблять выражение опасались потому, что сам Лев Давыдович оставался главным врагом Сталина дольше других, ведь он сумел бежать из СССР и вел активную оппозиционную деятельность из-за рубежа, пока не был убит в Мексике подосланным из Москвы агентом «госбезопасности» ударом в затылок альпинистским ледорубом.

Осталось в истории и не используется сейчас и слово «рыковка», означающее низкокачественную водку. Хотя термин этот упоминал сам Михаил Булгаков. 20 декабря 1924 года

он записал в дневнике: *В Москве событие — выпустили тридцатиградусную водку, которую публика с полным основанием назвала «рыковкой» (по имени Алексея Ивановича Рыкова — председателя Совета Народных Комиссаров СССР). Отличается она от «царской» водки тем, что на 10 градусов слабее, хуже на вкус и в четыре раза её дороже. Бутылка стоит 1 р. 75 коп..* А 29 декабря Булгаков добавил в дневник: *Водку называют «Рыковка» и «Полурыковка». «Полурыковка» потому, что она в 30 градусов, а сам Рыков (горький пьяница) пьёт в 60 градусов.* Получается, Алексей Рыков удостоился чести получить свой именной жаргонизм от народа за то, что в должности фактически советского премьер-министра подписал постановление об отмене «сухого закона», и первая же поступившая в продажу водка была прозвана его именем. После «рыковкой» стали обозначать исключительно низкосортную водку, что стало синонимом «пойлу». Сам Рыков был также расстрелян в 1938 году, и водка тут не при чём.

Знаменитые «хрущёвки», и менее известные «брежневки» и «сталинки». Эти три слова возникли как разговорные ярлыки, отражающие связь эпохи с её типом жилья. «Хрущёвка» закрепилась в начале 1960-х сразу после начала массовой застройки советских городов панельными экономными пятиэтажками. И хотя эта программа позволила решить жилищные проблемы тем, кто ютился по коммуналкам и вряд ли бы без неё получил бы собственную квартиру, сами дома критиковались за низкое качество, потолки высотой всего 2,5 метра и маленькие комнатухи.

Термин «сталинки» появился в начале 1970-х как обозначение домов 1930-х — 1950-х годов постройки, то есть времен сталинской эпохи. Капитальные кирпичные здания, часто с лепниной, высокими потолками, просторными квартирами были, несомненно, престижнее «хрущёвок». Только вот строили нового жилья во времена правления Сталина относительно мало: с такими темпами удовлетворить потребность советских граждан в собственном жилье не получилось бы и через 100 лет. Соответственно, квартиры в «сталинках» получить могли только представители верхушки партийной и военной номенклатуры и узкая страта особенно привилегированных специалистов. Прозвать тип жилья именем вождя во времена самого Сталина по понятным причинам никто не решился.

Языковой ярлык «брежневка» зафиксирован еще в 1970-е, но получил широкое распространение уже в постсоветское время, когда сформировался рынок недвижимости и предприимчивое сообщество риэлторов для удобства работы начало активно классифицировать старый жилфонд. Панельные дома второй половины 1960-х — 1980-х годов постройки, как правило, девятиэтажные (в Москве, правда, «брежневки» — выше) — это «брежневки», которыми застраивали спальные районы советских городов в эпоху правления Брежнева.

Юрий Андропов, возглавлявший СССР с 1982 по 1984, сохранился в народной памяти не только как инициатор кампании по отлову на улицах советских городов прогульщиков работы, но и как 40-градусный напиток. «Андроповка» — так прозвали один конкретный сорт водки, который появился в продмагах в первый день осени 1983 года. От всех прочих эта водка отличалась тем, что не имела названия на этикетке. Но самое главное — бутылка стоила всего 4 рубля 70 копеек. Для сравнения: самая дешевая и популярная в то время водка под названием «Русская» продавалась за 5 рублей 30 копеек, а «Столичная», «Пшеничная» и «Московская особая» — по 6 рублей 20 копеек. С учётом современной моды на конспирологические теории о долгосрочном планировании чекистов, можно предположить, что это был продуманный пиар-ход по формированию позитивного образа нового генсека в наро-

де. По дате выхода 1 сентября «Андроповку» также прозвали «школьная водка» или «первоклассница».

Приведенные примеры показывают, что самый живой отклик в глубинах советского народа вызывали две темы: жилье, т.е. крыша над головой, и выпивка, т.е. возможность скрасить или на время забыть унылую советскую действительность. Человеческая потребность в самовыражении и сопротивлении находила обходные пути, создавая уникальные культурные феномены, которые были тонким инструментом критики, формировали уникальный язык сопротивления, в котором слово, песня и шутка становились оружием.

В той стране, где двуличие было всеобъемлющей нормой, где рядовой специалист не мог и мечтать о жилье комфортнее и уютнее «хрущёвки» или «брежневки», где люди от «безнадеги» начинали «бухать по-черному» — там, в «городе трех революций» (точнее: трех плюс одной, бандитской) родилось оно. Оно окрепло и распространилось в период относительной свободы, заменив собой государство и забрав любые свободы обратно. Оно — Хуйло. Путин — Хуйло. Хотя правильнее так: Путин — хуйло. Это прозвище, высмеивающее бессменного президента России, родилось в среде молодых русскоговорящих украинских патриотов с востока Украины во время конфликта с пророссийскими силами в марте — апреле 2014 года.

Впервые песня была исполнена 30 марта 2014 года болельщиками украинских футбольных клубов «Металлист» и «Шахтёр» на фоне российской аннексии Крыма.

И если допустить, что не все predetermined и роль личности в истории имеет место быть, то именно многотысячные толпы, скандирующие «Путин — хуйло» не оставили шансов на мир между двумя странами. Ведь если скандируют там, то придет время, начнут и здесь. Если изживают советскую ментальность там, то начнут и здесь. Если сменяются поколения и правящие классы там, то... Оно не могло этого допустить и теперь долбит жилые дома и гражданскую инфраструктуру Украины своими ракетами и дронами, пытаясь погрузить когда-то добрососедскую страну во мрак и хаос. Оно выпустило шесть пуль в Бориса Немцова прямо у Кремля примерно за то же, за слова «Он ебнутый, этот Владимир Путин», что символично, произнесенные на русско-украинском форуме. Оно стало расправляться и продолжает делать это со всеми, кто способен говорить или хотя бы думать «Путин — хуйло»: сперва с лидерами, затем с простыми людьми. Оно пытается остаться в истории не хуйлом. Получится ли?

Р. S. А что по водке? Водка «Путинка» тоже есть. И теперь это не просто жаргонизм. Это зарегистрированная товарная марка, доходы от которой поступают в «кошелёк» самого Владимира Путина. Такая вот капиталистическая надстройка на большевистский базис. Символично.

DOI: 10.55167/74c9380eadc5

Голоса из-за стены: сквернословие в поэтике Александра Башлачёва и Егора Летова

Максим Маршак (под редакцией Константина Сергеева)

Александр Николаевич Башлачёв (1960–1988) и Игорь Фёдорович Летов (1964–2008), более известный как Егор Летов, — ключевые фигуры позднесоветского андеграунда. Несмотря на различия в творческих траекториях, их поэтика имеет ряд общих черт: обращение к архаике, тяготение к символическому языку и использование сквернословия как выразительного средства. Рассмотрим функцию обценной лексики в их текстах и место этой лексики в поэтическом контексте.

Для обоих авторов использование обценной лексики не являлось самоцелью. В отличие от Юрия Хоя («Сектор газа»), где матерная речь становилась ключевым компонентом «народной» поэтики, у Башлачёва и Летова она выполняла подчинённую роль — акцентировала эмоциональные пики, усиливала образность, подчёркивала гротескность или катастрофичность происходящего и не использовалась повсеместно. Сквернословие не доминирует: его можно рассматривать как инструмент «взламывания» языка, выведения текстов и смыслов за пределы

привычной семантики. Во «Время колокольчиков» Башлачёв сам говорит о мате в своих стихах:

*Век жуем матюги с молитвами.
Век живем — хоть шары нам выколи.
Спим да пьем. Сутками и литрами.
Не поем. Петь уже отвыкли.
Долго ждем. Все ходили грязные.
Оттого сделались похожие,
А под Дождем оказались разные.
Большинство — честные, хорошие.*

Поэзия Башлачёва соединяет архаические мотивы, символизм и элементы фольклорной традиции. Его тексты балансируют между высокой аллегоричностью и бытовой грубостью. Сквернословие в его случае прорывается редкими вспышками, как правило, в кульминационные моменты. Оно противопоставляется образам зерна, земли, хлеба, огня — фундаментальным символам его творчества.

*Тесно, братцы, не могу терпеть!
Да неужели не умеем мы по-доброму?*

*...На щеках — роса рассветная,
Да чёрной гарью тянет по сырой земле.*

*Где зерно моё? Где мельница?
Сгорело к чёрту всё. И мыши греются в золе...*

Архаичная образность («Где зерно моё? Где мельница?») контрастирует с обценным вкраплением («Сгорело к чёрту всё»). Башлачёвская интонация тяготеет к пророческой речи, насыщенной аллюзиями, где матерное слово становится знаком «земного», «реального», прорывающегося сквозь символическое.

*Если б не терпели — по сей день бы пели.
А сидели тихо — разбудили Лихо.
Вьюга продувает белые палаты.
Головой кивает хуй из-под заплат.*

Поэзия Летова содержит больше «сквернословия». Здесь оно выполняет более разнообразные функции. Его текстовая практика ближе к постмодернистской деконструкции: обценная лексика разрушает привычные смысловые конструкции и становится частью поэтического ритма.

*Моя мёртвая мамка вчера ко мне пришла
Всё грозила кулаком, называла дураком
Предрассветный комар опустился в мой пожар
И захлебнулся кровью из моего виска*

*Ходит дурачок по лесу
Ищет дурачок глупее себя*

Летовская поэтика опирается на гротеск, сарказм и провокацию. Его язык радикален и сознательно анархичен. Обсценные формулы («Вот такая вот хуйня») превращаются в лейтмотивы, задающие ритмическую и смысловую структуру текста. Сочетания сквернословия и возвышенных почти мистических строк («Спят леса и селения...») создают напряжённый контраст между лирическим и обсценным пластами его творчества.

*Ветер в поле закружил
Ветер в поле закружил
Ветер в поле закружил
Ветер в поле закружил — лоботомия (припев 4 раза)*

*Поздний дождик напугал
Поздний дождик напугал
Поздний дождик напугал
Поздний дождик напугал — лоботомия (припев 4 раза)*

*Зацвела в саду сирень
Зацвела в саду сирень
Зацвела в саду сирень
Зацвела в саду сирень — лоботомия (припев 4 раза)*

*Вот такая вот хуйня
Вот такая вот хуйня
Вот такая вот хуйня
Вот такая вот хуйня — лоботомия (припев, много раз)*

Таким образом, в отличие от Башлачёва, для Летова обсценная лексика — это не эпизодический приём, а органическая часть его художественного языка.

*Возили меня на ярмарку
Когда я умер
Когда я умер
Весь мир ебанулся*

Хуйня здесь — это не столько обценная лексема, сколько обозначение смыслового поля, которое на другом уровне обсуждают уже не рок-поэты, а философы. Так, в 2008 году обсуждалось высказывание буддолога А. М. Пятигорского, которому посвятил развёрнутую запись в ЖЖ писатель Сергей Кузнецов:

Sergey Kuznetsov

Сентябрь 30, 2008

11:14 pm

Александр Пятигорский, Топ Яндекса и буддизм

Важнейшим событием сегодняшнего дня явилось для меня не совпадение двух мировых религиозных праздников — окончания Рамадана и начала Рош-а-Шана — и уж конечно не падение Доу-Джонса или не поднятие ММВБ.

Нет, главным событием дня стал выход в Топ Яндекса восьмидесятилетнего философа Александра Моисеевича Пятигорского с его афористичной фразой о России:

— Главная особенность России — не воровство, не коррупция, не глупость, не злоба... (переходя на еле слышное бормотание) не хамство, не тщеславие, не невежество. Главная особенность России (вдруг переходит на крик) — ЭТО ХУЙНЯ! ВСЯКАЯ ХУЙНЯ!!!

Люди, цитирующие эту фразу и расставляющие у себя ссылки на пост trilbyhat, ценят в ней, вероятно, остроумие и лексическую неожиданность. Они, возможно, даже считают её русофобской.

Между тем, меня эта фраза больше всего поразила своим глубоким смыслом, связанным с профессиональными занятиями Александра Моисеевича.

Ведь что делает Пятигорский? Он перечисляет все негативные особенности России, которые могут прийти на ум, а потом говорит, что главной особенностью являются не они, а нечто невыразимое — хуйня. И не просто хуйня — а «всякая хуйня». Но что такое «хуйня», о которой говорит в П.? Что мы знаем о «хуйне», тем более — о «всякой хуйне»?

Если честно, мы знаем только то, что это не коррупция, не воровство, не глупость, не злоба и прочее, и прочее, в том числе то, что Пятигорский пробормотал еле слышно и trilbyhat не слышал.

Иными словами, мы сталкиваемся с негативным определением хуйни: хуйня — это не что-либо, что можно называть особенностью России.

Иными словами, главная особенность России остаётся принципиально невыразимой.

Это, конечно, настоящий буддийский подход¹.

Важной чертой обоих авторов является их обращение к теме смерти и разрушения. Сквернословие в их поэтике связано с предельными состояниями: оно маркирует кризисные моменты, подчёркивает ощущение безысходности. Например, песня «Лоботомия» (слова приведены выше) из альбома «Гражданской обороны» 1989 года «Русское поле экспериментов» может отражать личный опыт применения к Егору Летову методов советской карательной психиатрии: с декабря 1985 по апрель 1986 он провёл в психиатрической больнице, где его пичкали большими дозами нейролептиков, что даже, как он рассказывал позднее в интервью, стало причиной временной слепоты.

А вот что говорил Александр Башлачёв в одном из интервью:

Любовь — она может быть сколь угодно грубой, сколь угодно ненавистью, жесточайшей даже ненавистью, но это не будет жестокостью. Жестокость только тогда, когда нет выхода. Ты сколько угодно можешь ткнуть человека лицом в ту грязь, в которой он находится, вымазать его в том дерьме, в котором он и сидит. Но потом ты должен вывернуть его голову вверх и показать выход, дать ему выход. И это зависит от тебя и от того, насколько он тебя поймёт.

Есть ещё уникальные совпадения. И Омск — родина Летова, и Череповец — родина Башлачёва — советские индустриальные центры. Металлургические производства, тянущиеся буквально на километры до горизонта, факелы газовых горелок, освещающие эти пейзажи как пожары днём и ночью, буро-оранжевая взвесь в воздухе в моменты, когда ветер дует со стороны «промки», — это та среда, где зародились эти таланты. И Летов, и Башлачёв до ухода в музыкальный андеграунд работали художниками на местных промпредприятиях: они рисовали плакаты, лозунги, портреты Ленина и все те выхолощенные и абсолютно бессмыс-

1. Подробнее см. по ссылке: <https://skuzn.livejournal.com/486698.html>.

ленные обещания скорого коммунистического рая, в которые не верил уже никто: ни сами художники, ни номенклатурные заказчики, ни зрители и прохожие².

«Надо добиться, чтобы душа смогла говорить со всеми, чтобы тебе было что-то дано. Надо показать, что у тебя чистые руки, чтоб тебе можно было что-то вложить... — говорил Башлачёв в другом интервью за два года до трагической смерти. — Душа тебя сначала научит вымыть эти руки, чтобы ты был готовым к тому, что она тебе должна дать. И только через страдание. Это же очень мучительно осознать вдруг, что вроде как я гитарист, у меня ансамбль, мы там играем, у нас название есть, и нам свистят, хлопают, а потом понять, что ты дерьмо в общем-то ещё. В принципе, понять — это не обидно. Это ни в коем случае не обидно. Это великая честь для человека — понять, что он дерьмо.

2. Для лучшего понимания связи мата и официальных лозунгов стоит сравнить две статьи Ю. И. Левина: Заметки о семиотике лозунгов // Wiener Slawistischer Almanach. 1988. Bd. 22. S. 69–85; Об обценных выражениях русского языка // Russian Linguistics. 1986. № 10. P. 61–72. (Последняя статья напечатана в этом номере «Палладиума». — Прим. ред.)

Общенная лексика в творчестве Александра Башлачёва и Егора Летова не является самоцелью, она выполняет функцию предельного высказывания, отражающего кризисное состояние общества и внутренние переживания авторов. В обоих случаях это соотносится с биографическим выбором: стремлениями к самоуничтожению, закончившимися трагически. У Летова есть такие стихи:

*Хмурили брови,
Менялись местами и планами,
Ворочали колёса, хоронили урожаи
В натруженных желудках и мозолистых умах
Деловито увязали в паутине междометий
Пышного многословия
Назойливой болтовни
Ходячие кладбища очевидных истин
Свежих новостей
Маринованных груздей
Горестных воспоминаний
Застенчиво рыдали на пятнистых подушках
Коротали время на бессонных раскладушках
Непрерывно задавались вечными вопросами
Велико ли расстояние
От Христа до глиста
От звезды до пизды
От сопли до земли
Далеко ли близко ли
От одной хуйни до другой хуйни*

В «новой» России в моменте скоротечной иллюзии о том, что «совок» в прошлом, память махин позднесоветского андеграунда увековечить как следует не успели. Власти Санкт-Петербурга не смогли выделить места для памятника Башлачёву, на который скульптор Мария Иванова-Очерет потратила больше пяти лет и в том числе и собственные деньги. В Омске же согласованный местными властями проект памятника подвергся критике даже со стороны вдовы Летова. Памятник по задумке представлял бы собой пьедестал с россыпью аудиокассет группы Летова «Гражданская оборона», и даже обсуждалась идея проигрывать из него песни группы.

А теперь представьте, отдыхает среднестатистический омич на «Зелёном острове», там у него детки, жены, пивасик омский, а тут памятник Летову, «алкашу и наркоману», как безусловно считает этот омич-обыватель. Да ещё и поются из памятника матерные непонятные песни, неприятные. Вот вам и «Бисер перед свиньями» (название одного из альбомов «Гражданской обороны». — *Прим. авт.*), можно других обложек и не показывать. Недолго, думаю, простоял бы такой монумент»,

— комментировала вдова Летова Наталья Чумакова идею подобного памятника. В итоге — в Череповце есть лишь мемориальная доска на доме Башлачёва. В Омске нет даже мемориальной доски Летову.

В 2018 году после Чемпионата мира по футболу в рамках проекта «Великие имена России» проходили интернет-голосования по выбору названий для построенных и реконструированных к ЧМ российских аэропортов. В Омске одним из популярных вариантов был «Аэропорт имени Егора Летова». Но в министерстве культуры России сняли этот вариант с повестки. Тогдашний министр Владимир Мединский заявил, что «называть аэропорты при жизни считаю дурным тоном». Это было через 10 лет после смерти поэта... Система не готова к тому, чтобы Омск покидали из аэропорта им. Летова. Да и вообще покидали. «Не пытайтесь покинуть Омск». Есть такой интернет-мем, символизирующий безнадёгу российской провинциальной жизни. Много картинок на тему, вот и с Летовым сделали.

Среда, где родились культурные феномены Башлачёва и Летова, не отпускает так просто. «Не пытайтесь покинуть Омск», не пытайтесь покинуть Череповец, не пытайтесь покинуть Тагил, не пытайтесь покинуть... Это не о географических

точках. Слышь! Не высывайся! В контексте тщетных попыток преодолеть вязкость среды следующие строки «сгоревшего» поэта Летова звучат особенно остро:

*Ходит дурачок по лесу
Ищет дурачок глупее себя*

DOI: 10.55167/81561ca3d2co

О роли нецензурной лексики в творчестве группы «Кровосток»

Митя Кафешкин

Группа «Кровосток» за более чем 20 лет своего существования выпустила 0 цензурных треков. Из 89 ее композиций (86 с семи альбомов и еще 3 сингла, вышедших позже) нет ни одной, в которой бы отсутствовал мат, не говоря уж о другой обцененной лексике.

Это не случайно. Участники «Кровостока» изначально создавали проект, который не должен был цитироваться на радио и по телевидению. Насытить свои тексты нецензурной лексикой — отличный способ добавить головной боли редакторам.

«У нас есть точная рамка, по которой нас можно узнать, — рассказывал в интервью один из основателей группы Дмитрий Файн. — Нет ни одной песни, которая радио или ТВ-френдли. Нет ни одного трека, который, даже если его забипать, будет приемлем для какого-нибудь эфира. И в этом смысле мы держим марку. То есть это может быть и лирика, это может быть и что-то такое протестное. Но в любом случае — это должно быть неформатное».

«Кровосток» создан московскими художниками Антоном Черняком (Шило) и Файном (Фельдман) в конце 2003 года. Черняк стал фронтменом и вокалистом, а Файн в соавторстве с другими участниками проекта занимается созданием текстов, но не появляется на сцене во время выступлений. Битмейкером группы в начале был Сергей Крылов (Полутруп), которого в 2007-м сменил Константин Рудчик (Фантомас 2000), ставший затем и бэк-вокалистом.

Первый альбом группы под названием «Река крови» вышел в 2004 году и, как показало время, оказался важным событием для российской музыкальной сцены. Песни криминальной тематики, исполненные от лица лирического героя монотонным речитативом, стали визитной карточкой группы. В начале 2022-го журнал «Афиша Daily» поставил «Реку крови»

на 43-е место в списке 100 лучших постсоветских музыкальных альбомов¹.

Черняк (1971 год рождения) и Файн (1970) вместе учились в московском художественном училище — МГАХУ памяти 1905 года. По словам Черняка, после этого они занимались «разнообразными художественными практиками».

В 1990-е они были частью нескольких арт-объединений, наиболее известным из которых было «ФенСо». Ее участники рисовали картины, создавали видеоарт, инсталляции, участвовали в перформансах.

В 2000 году творческое объединение «ПГ» выпускает провокационный по содержанию музыкальный альбом, где Черняк впервые читает рэп на композиции «Текстильщики». Фактически она стала прародителем фирменного стиля «Кровостока», который появится еще через несколько лет. Почему же художники вдруг занялись другим видом искусства?

«Есть такой термин трикстерство. Такая роль некоего провокатора, который вторгается в другие области. Собственно, нас это всегда интересовало. Мы и в искусстве как-то искали и провоцировали, и решили расширить этот эксперимент и залезли на совершенно несвойственное и непривычное нам поле, а именно музыкальное. Собственно, в этом и был прикол», — рассказывал Файн.

Основатели «Кровостока» отмечали, что группа является музыкальным проектом «постольку-поскольку». Однако она обновляет свой стиль с течением времени, сохраняя при этом фирменные черты.

«Заморачиваемся в том смысле, что мы хотим, чтобы у нас была качественная музыка. Но это не то, чем мы хорошо умеем заниматься. Мы не знаем нот, у нас нет музыкального образования», — говорил Черняк.

Общенная лексика играет у «Кровостока» важную роль, оставаясь неизменным элементом, который с течением времени не теряет своей значимости.

«Это просто очень мощное выразительное средство. Мякотка русского языка. А еще в текущей реальности, когда

1. URL: <https://tinyurl.com/2bcwctob>.

язык нормативный врет нам везде, тут есть элемент правдивой искренности. Что действительно так, потому что, когда люди говорят матом, они говорят как бы от души. Нам было это важно. Мы не хотим никого обманывать и вот как-то мы хотим так на искренней волне пообщаться», — говорил Файн в интервью группы Ксении Собчак в 2015 году.

Тогда же Черняк ответил на ее вопрос о том, кто матерится талантливо: «Как правило, это те, кто подсматривают наиболее удачные образцы народной ненормативной лексики. Например, Владимир Сорокин, всем известный, Владимир Нестеренко. Как и мы, они, как мне кажется, часто берут удачные фрагменты из услышанного. Их это видимо настолько потрясает, что они как-то хотят поделиться этим с другими».

Лирические герои песен «Кровостока» говорят на языке, который в их речи звучит органично и естественно, ведь общенная лексика является частью повседневного общения. Мат при этом не выделяется при исполнении песен, но группа использует весь потенциал общенной лексики.

«Как-то решили писать гангста-песни и исполнять их. Другими они быть не могут. Поэтому мы сделали их максимально такими, которыми мы представляем себе и какими, на наш взгляд, они должны быть <...> Если быть краткими, мы из окраинных районов, но при этом мы сами, конечно, не гопники. Не очень их любим. То есть любим, скорее, как явление жизни. Но сильно мне общаться прямо не приходилось. Так, скорее, по касательной», — рассказывал Черняк.

«Безусловно, мы совершенно не соответствуем образу, который мы создаем. Просто в силу определенных причин он создан убедительно — хороший текст, хорошая музыка, хорошая читка, наблюдательность. Хорошие ребята сделали хорошую вещь, и им повезло, что тоже важно», — говорил Файн.

«Кровосток» славится мастерским сторителлингом. Тексты песен очень кинематографичны. Мат в них часто переплетен с философскими афоризмами, а мрачные реалии перемежаются с иронией лирических героев.

Например, в популярном треке «Амфибия» гангстер после лирического описания заката попадает на курортную ве-

черинку («Ну, здрасьте-мордасти, курортнички хуевы») и расстреливает ее:

И будет фарш, и будет мясо, и будет закат
Не ищите виноватых — тут никто не виноват
Музыка смолкнет, с визгом порвется шёлк
Жемчуг по мрамору будет цок-цок-цок-цок
Цок-цок-цок-цок — выстрел, гильза, пол, отскок
Цок-цок — и фонтан из шей ебашит в потолок
Цок-цок — все напитки стали, как томатный сок
Цок-цок-цок — ползи-ползи-ползи наискосок
Нет, это суперзакрытая вечеринка не задалась
Темнота лежит на Ливадии, как на ранке мазь
Дохуища фотовспышек, а потом тела в мешки
Молодой ментовке будут ярко сниться кишки.

Затем оказывается, что герой — амфибия, ставший жертвой разборки в 90-е, и делится воспоминаниями.

Эх, парняги из Феодосии убили меня к хуям
К ногам аккумулятор, и сверху с обрыва прям
Я их умно прокинул на вагончик спирта «Royal»
Ну, а парни забрали жизнь и с кармана шмаль.

После этого происшествия он попал в некое морское царство, где обитают русалки и «другая морская хрень», прижившись там. Ему по нраву местная идиллическая жизнь, но все же потаенное беспокойство заставляет его иногда всплывать на поверхность.

Они здесь типа все хиппи: ебутся, поют и торчат
И в основном мне нравится их позитивный лад
Но иногда, бя, накатит гнев из утробных глубин
И вот тогда я всплываю, как сердитый дельфин.

Покидая морское царство, герой на время возвращается к прежнему роду занятий. Таким экстравагантным образом он гасит внутренний конфликт («Нервы я поправляю, чтоб с психикой было ок») и сохраняет хорошее настроение: «Я в тонусе, и я ебать прекрасен, я-я-я как заря». И это последняя строка в песне, начавшейся с захода солнца.

Герои песен «Кровостока» — не только бандиты, но и наркоторебители, различные маньяки, а также представители

вполне легальных профессий, связанных с «темной» стороной жизни. Например, есть треки, которые исполняются от имени снайпера или патологоанатома, а в 2023 году группа выпустила песню от имени исторической фигуры.

Трек «Ленин» — не первый в творчестве «Кровостока», который погружает слушателя в атмосферу масштабного социального катаклизма и/или гражданского противостояния. Подобное было в песнях «Беспорядки», «Москва — область» и частично в композиции «Сердце майора», но с безымянным героем.

Владимир Ильич Ульянов-Ленин известен тем, что в своих статьях и письмах часто ругался, прибегал к грубым и резким выражениям. В песне «Кровостока» мат в его словах усиливается еще и тем, что он сам отзывается о себе с некоторым сарказмом.

Я же нахуй Владимир Ленин
Я же Ленин Владимир Ильич
И вот я проявился из тени
Прям как на Пасху кулич
Что-то меня разбудило
Что-то сказало: «Подъём!
Вставай, Володя-чудило!
Вставай, Володя, пойдём!»

По тексту, Ленин восстает из мавзолея с качествами супергероя из комикса и совершает новую революцию.

А вы думали, что я мёртвый?
Какое же вы всё ж мудачё
Я наебнул Россию, я ж тёртый
Я лежал и ждал кулачё
А потом я встал, и я вышел
И увеличился в двести раз
И тело моё стало пламенем
И лазеры били из глаз
Я разебал их сраную армию
В купеческой ссаной Москве
Капитуляция, экзекуции
И моё воцаренье в Кремле

Герой рассказывает о цели правления («коммунизм без труда») и выразительно оценивает и характеризует себя: «Я же нахуй Владимир Ленин — главнейший я русский фрик». Заканчивает он текст своей песни словами «Я тот, кто умывает кипятком».

Возможно, «матерный Ленин» «Кровостока» — это просто развитие пост-фольклора вокруг 1970 года, когда в массовый обиход хлынули анекдоты и частушки по случаю столетия со дня рождения основателя советского государства.

Разрубил березу на поленья
Он одним движением руки...
Мужики спросили: «КТО ТЫ?» — «Ленин».
И опизденели мужики.
* * *

Я с утра пол-литру водки выпил,
Жажду организма утолил:
Полегчало так, как будто Ленин
В семь часов со мной поговорил².

Нецензурщина у «Кровостока» — не просто лексический прием, но важный элемент сложной и многогранной картины, нарисованной авторами. Несмотря на ее обилие, интересные художественные приемы позволяют «зацепить» и часть интеллигентной аудитории.

Авторы позволяют публике заглянуть за кулисы и посмотреть на неприглядные стороны жизни. Они щекочут нервы слушателя, но при этом показывают лишь нарисованное полотно, запечатлевая дух настоящего времени и свое видение текущего момента.

Цитаты взяты из интервью:

https://vk.com/video155093636_171329016

<https://www.youtube.com/watch?v=3hVXchduDJo>

<https://www.youtube.com/watch?v=tvnH0pe9mqA>

DOI: 10.55167/2cobeeb43f29

2. URL: <https://www.anekdot.ru/id/-2031718002/>.

АРХИВ

Об обценных выражениях русского языка ¹

Юрий Левин

о. ВВЕДЕНИЕ

о.1. Предметом этой работы являются русские обценные выражения (ОВ) в их семантическом и коммуникативном аспектах. Под ОВ я буду понимать законченные — хотя бы относительно, т. е., может быть, требующие синтаксического или коммуникативного (например, диалогического) «замыкания» — в смысловом и коммуникативном отношении речевые сегменты, содержащие хотя бы один обценный корень. Последние могут быть заданы списком. Ядро этого списка составляют три общеизвестных матерных корня, периферия же размыта, границы ее условны и, как мы видим на примере современной западной, зарубежной русской, да и советской печатной литературы, обусловлены не только достаточно устойчивыми социальными конвенциями, но и преходящими флуктуациями пермиссивности (так, В. Катаеву дозволено к печатному употреблению слово *жопы*). Очерчивание этих границ меня здесь не интересует, и я, например, отношу к обценным словам такое вполне в наше время печатное слово, как *сука*.

Оговорю сразу же, что терминологическое («техническое») употребление ОВ здесь не рассматривается.

о.2. Когда мы говорим: «N (смачно) выругался», — мы имеем в виду не только то, что N произнес определенные слова, т. е. совершил локутивный акт, но и то, что он совершил некоторое определенное действие, т. е. имел место иллокутивный акт. Недаром в просторечии (и анекдотах) слово «выражаться» приобрело самостоятельный статус, подобно слову «нарушать» (которое уж заведомо выражает некоторое действие). Ругательства близки перформативам: высказывание является одно-

1. Левин Ю. Об обценных выражениях русского языка // Russian Linguistics. 1986. № 10. 61–72. Перепечатано в кн.: Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. С. 809–819.

временно и поступком, действием. Ругательства естественно объединяются в определенный тип высказываний не только и не столько своими стилистическими признаками: свойство стилистической маркированности («груб.», «вульг.» и т. д., вплоть до невхождения в словари) они разделяют с другими вульгаризмами и арготизмами (*чувиха*, *шамать* и т. д.); общенный «стиль» является лишь поверхностным выражением более глубоких обстоятельств.

Сравнивая, например, выражения:

я не желаю иметь с тобой дела — пошел на хуй!

ничего ты не получишь — хуй тебе!

ты негодяй и подлец! — ах ты, сука ёбаная!

мы видим, что, имея общее пропозициональное содержание и (до некоторой степени) общую иллокутивную силу с «пристойными» выражениями, ругательства не только стилистически маркированы (и, может быть, обладают некоторыми дополнительными коннотациями); более существенно то, что употребляя их, я не только хочу выразить это грубо (что относится к стилистике), но и хочу, так сказать, «выразить грубость», совершить «акт грубости», т. е., если угодно, «бренный иллокутивный акт».

«Действенный» характер ругательств — прежде всего, общенных — связан с тем, что употребление ругательства представляет собой нарушение табу (и тем самым уже некоторое действие), как сложившегося исторически (о брани как магическом действии см. [1]), так и современного социального².

Таким образом, я постулирую существование специфической — бранной — иллокутивной силы и соответствующих иллокутивных актов. Их своеобразие в том, что они, как правило, сопряжены с другими иллокутивными актами (требованиями, клятвами и т. д.) и в чистом виде выступают, пожалуй,

2. В советском законодательстве употребление нецензурной брани в общественных местах квалифицируется как хулиганство («умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу») и влечет за собой административную (в случае «мелкого хулиганства») или уголовную (по ст. 206 УК РСФСР) ответственность.

только в бранных междометиях (см. ниже), являясь частным случаем экспрессивов.

Не следует смешивать бранность и обценность. Брань может быть не обценной (*пошел ты к черту!*), обценные выражения могут употребляться не в составе собственно ругательств (*хуй ты там заработаешь*). Обценность, вообще говоря, представляет собой стилистическую категорию, хотя и своеобразную, — поскольку она связана с нарушением табу. Категории бранности и обценности коррелируют: на некотором уровне снятия обценности ругательство перестает быть таковым (ср. ряд: *хуй* — *хрен* — *черт* — *фиг* — *бог с тобой*); с другой стороны, употребление обценных слов даже в нейтральных выражениях (*он хуй придет*), будучи нарушением социального табу, сообщает такому выражению некоторую степень бранной иллокутивной силы.

0.3. В обширном и разнородном множестве ОВ можно выделить два основных класса. Первый класс составляют **собственно ругательства**, т. е. выражения, употребление которых представляет собой самостоятельный речевой акт, определенным образом направленный и наделенный бранной иллокутивной силой (наряду, может быть, с другими). Во второй класс попадают **субститутивные ОВ**, не образующие самостоятельных речевых актов и, как правило, представляющие собой экспрессивные синонимы для «обычных» выражений или их частей. Разница между этими двумя классами может быть продемонстрирована на примере словосочетания *на хуй*. ОВ *пошел на хуй!* относится к классу I, *на хуй мне это нужно!* — к классу II. Во 2-м случае возможна синонимическая замена на нейтральное *зачем мне это нужно!*, в 1-м же случае любая замена (например, *пошел к черту!*) сохраняет бранную иллокутивность, хотя бы и в ослабленном виде.

I. КЛАСС I

1.0. Классификацию собственно ругательств удобно строить на основе двух пар дифференциальных признаков: наличие/отсутствие (1) прагматической цели и (2) направленности на собеседника:

Направленность/Цель	+	–
+	1 А. Посылки Б. Отказы В. Индифферентивы	2 Пейоративы
–	3 Божба	4 А. Междометия Б. Вставки

1.1. Подкласс 1

1.1.1. Посылки.

Это группа ОВ следующей структуры:

Глагол «движения от» в (семантическом) императиве	Местоимение	Обсценное обстоятельство места
<i>иди пошел катись шел бы...</i>	ты	<i>на хуй (хер, хрен) в пизду в жопу к ебене матери ...</i>

Необсценными эквивалентами перечисленных обстоятельств служат: *к черту, в болото* (эвфемизм, заменяющий предыдущее), *куда-нибудь подальше, на фиг* и т. д. Сюда же относятся выражения с «приобсценной» частью *а ну тебя... Пристойным эквивалентом служит, кроме указанных, выражение пропади ты пропадом**.

Семантическим ядром посылок является **отстранение** (адресата от адресанта).

Экспликация значения: я выражаю свое отрицательное отношение к тебе и свое желание не видеть, не слышать и т. д. тебя, не иметь с тобой дела (вообще или в данной ситуации); я выражаю требование, чтобы ты повел себя так, чтобы мое желание было выполнено; выбор способа выполнения предоставляется тебе; одновременно я хочу тебя оскорбить и делаю это.

Посылки являются, по Серлу, одновременно директивами и экспрессивами.

При обычном («прямом») употреблении адресат посылки совпадает с адресатом сообщения в целом, т. е. с собеседником. Возможно и «косвенное» употребление — по адресу 3-го лица. Семантика при этом в основном сохраняется, но иллокутивная сила резко ослабляется: прямой акт оскорбления (т. е. направленной грубости) заменяется бессильной попыткой оскорбить отсутствующего, превращаясь в своего рода жест «отмахивания», что влияет и на семантику: посылка в таком употреблении сближается с индифферентивом (см. ниже). То же происходит и при неэмфатическом употреблении по адресу 3-го лица. Ослабление директивной иллокутивности и сближение с индифферентивами наблюдается и в формах посылок с *шел бы ты...* и *а ну тебя...*

1.1.2. Отказы.

Сюда относятся выражения: *хуй (хер, хрен) тебе (в жопу)*, *(а) хуй (и т. д.) не хочешь?*, *(а) хуй видел?*, *хуй на!*, *хуюшки* и т. д. ОВ отказа, видимо, не имеют близких пристойных эквивалентов, кроме эвфемистических с корнем *фиг* (*фиг тебе!*, *фигушки* и т. д.).

Экспликация значения: я отказываю тебе в просимом, попутно желая оскорбить тебя.

Отказы не случайно строятся на основе корня *хуй*, что связано с наличием в семантическом спектре этого корня сильно выраженной семантемы отрицания (см. ниже).

ОВ отказа существенно конативны и почти непереводимы в 3-е лицо.

1.1.3. Индифферентивы.

Сюда относятся выражения: *хуй (хер, хрен) с тобой*; *ебись ты в рот (в жопу)* и т. д.

Пристойные синонимы: *черт (бог) с тобой*.

Семантический центр здесь, как и в посылках, отстранение, но скорее 1-го лица от 2-го, и притом «ментальное».

Семантика этих ОВ довольно расплывчата и гетероситуативна. Они могут выражать, в зависимости от ситуации, безразличие, самоотстранение, неохотное согласие.

Бранная иллокутивная сила здесь, в соответствии с семантикой, сравнительно слабо выражена, и поэтому эти ОВ легко переводимы в 3-е лицо.

1.2. Подкласс 2: Пейоративы

Это ОВ, направленные на адресата, но не имеющие непосредственной прагматической цели, а лишь экспрессивную (выразить свое отношение к адресату) и конативную (оскорбить) цель; они представляют собой «характеристики», причем пейоративные, т. е., если угодно, «ругательства в узком смысле слова».

Синтаксически пейоративы — это именные группы (N или N-Adj), могущие нанизываться в любом количестве и произвольно сочетаться, выполняющие роль приложения, обращения или именного сказуемого. Наиболее типичны контексты типа *ах, ты, ...!*

Пейоративы допускают, кроме «прямого» (ко 2-му лицу), применения к 3-му лицу, в том числе к неодушевленным предметам, и даже к 1-му лицу.

Можно выделить три группы пейоративов-существительных (границы между которыми, впрочем, нечетки):

(а) Оценивающие умственные качества или умения адресата. Это выражения, синонимичные таким необсценным ругательствам, как «дурак» или «растяпа» и т. д.: *мудак, мудила, жопа, распиздяй, долбоёб, пиздюк (?)* и т. д.

(б) Оценивающие нравственные качества (синонимичные таким словам, как *сволочь, гадина* и др.): *блядь (блядюга, блядища), сука (сучка, сукоедина), курва, говно (говнюк)* и т. д.; может быть, также *говноед, говноёб* и др.

(в) Без определенного смыслового наполнения: *пидарас, мандавошка, раззёбай, хуй, пизда* и др.

Эти пейоративы имеют тенденцию притягивать к себе прилагательные — обычно в постпозиции (а такие, как *хуй* и *пизда* почти никогда без определений не употребляются). Эти прилагательные сами могут быть обсценными (*ёбанный (в рот), сраный, засранный, хуев, блядский, сучий, говённый* и др.), просто оскорбительными (*вонючий, собачий, позорный* и др.) или более или менее нейтральными (*старый, близорукий* и т. д. — уточняющие «характеристику», или же «орнаментальные», вроде *моржовый, голландский* и т. д.). Сочетаемость N-Adj очень раз-

лична, от жесткой (последние 2 примера) до совсем свободной (*ёбанный* может сочетаться даже с *хуем* и *разъебаем*).

Пейоративы Nobсц.-Adj пересекаются с N-Adjобсц. где носителем обценности является именно прилагательное (из списка, приведенного выше), а N более или менее произвольно. Из перечисленных Adj первые четыре могут присоединять практически любое N (например, названия профессий: *ах, ты, лингвист ёбанный* (*сраный, засранный, хуев, в рот ёбанный, ёбанный в рот*), а следующие два тяготеют к некоторым специфическим N: *блядский* (*сучий*) *потрох, сучье вымя* и т. д. (Эти последние ОВ употребляются также как междометия и вставки.)

В применении к 3-му лицу (и, в особенности, к неодушевленным предметам) пейоративы в значительной степени утрачивают свою иллокутивную силу, смыкаясь с обценными «местоимениями» (см. ниже).

1.3. Подкласс 3: Божба

Сюда относятся ОВ, употребляемые в функции клятвы, уверения в истинности (комиссивы, по Серлу): *бля(дь) буду* (*блядью мне быть*), *сука буду*; (*сукой ...*), *курва буду** (*курвой...*), *ебать меня в рот* (*в нюх*) и т. д. (а также такие эвфемизмы, как *в рот мне три кило печени* и т. д.).

Семантическая экспликация фразы «Бля буду, А» (или «Бля буду, если не А»), где А — некоторое утверждение или обещание: если не А, то можешь считать меня (и я сам буду считать себя) дурным человеком.

Возможны как бы «обращенные» или «повернутые» употребления типа *сукой тебе быть, если ...; сукой он будет, если ...* и т. д.

Ближайшие необценные эквиваленты: *провалиться мне на этом месте, разрази меня гром, лопни мои глаза* (а также, конечно, более далекие *ей-богу, клянусь, честное слово* и т. д.). Любопытно, что ОВ этого подкласса предполагает «моральное наказание» за нарушение клятвы («пусть я буду плохой»), в то время как их пристойные эквиваленты — наказание «физическое» («пусть мне будет плохо»). Интересен и характер этого морального наказания, заключающийся в отождествлении именно с общедоступной и/или продажной женщиной (или, общее, связанный с пассивной ролью в половом акте).

1.4. Подкласс 4: Междометия и вставки

Целая группа ОВ: *ёб* (*ебит*(ь)) *твою мать*, *мать твою эти*, *ебёна мать*, *ебитская сила*, *бля(дь)*, *блядский род* (*потрох* и т. д.), *сука*, *сучий потрох* (*мир*, *вымя* и т. д.) и др. (и их эквиваленты — «квази-эвфемизмы»: *ё-моё*, *ёлки-палки*, *ёлки зелёные*, *ё-кэлэмэнэ*, *японский бог* и т. д.), а также необценные *черт*, *черт возьми* (*побери*) и др.) употребляются в двух до известной степени противоположных функциях.

(А) В чисто эмотивной функции, как выражение непосредственной эмоции — удивления, возмущения, восхищения, неудовольствия и т. д., ненаправленные и не имеющие прагматической цели. Такие обценные междометия часто сочетаются с каким-либо обычным междометием («*ах*», «*ах ты*» и т. д.).

(Б) Как семантически и даже экспрессивно пустые вводные обороты — вставки в связный текст. В этом случае им можно предположительно приписать (а) метаязыковую функцию: утверждение кода как «матерного»; (б) поэтическую функцию: украшение речи.

При всем различии, А и Б объединяет отсутствие референтной и конативной функций. При этом в реальном употреблении между А и Б нет резких границ: между чисто экспрессивным и чисто вставочным употреблением имеется непрерывная градация переходов. Ср., например, фразы типа *Во, бля, погодка!* — про очень плохую или очень хорошую погоду, — где *бля* близко к чисто экспрессивному, и *А он, бля, говорит, бля...*, где, в зависимости от отношения говорящего к предмету речи, *бля* может варьировать от экспрессивного до нейтрально-вставочного.

Можно предположить, что вставочное употребление, по крайней мере в принципе, выражает определенный (условно говоря, «матерный») «взгляд на жизнь» и/или является сигналом соответствующего отношения к предмету сообщения.

2. КЛАСС II

2.0. Субститутивное употребление обценных слов и словосочетаний не порождает самостоятельных речевых актов. Соответствующие речевые сегменты являются обценными сино-

ними обычных, нетабуированных слов и фразеологизмов. При этом нужно различать (1) чисто субститутивное — местоименное и местоглагольное употребление ОВ и (2) употребление с определенной семантикой.

2.1. Местоимения и местоглаголия

Вопрос о местоименном и местоглагольном употреблении ОВ подробно освещен в статье (2) (с которой мне удалось познакомиться после написания первоначального варианта этой работы), так что я ограничусь здесь лишь несколькими замечаниями.

Обценные слова могут выступать в местоименной (в широком смысле слова) функции, замещая собой почти любые именные и глагольные значения. В качестве собственно местоимения выступает слово *хуй*, могущее замещать практически любое одушевленное существительное мужского рода (что было замечено еще Бодуэном де Куртене); неодушевленные существительные (любого рода) замещаются словом *хувина* (а также *херовина* и *хреновина*), восполняющим отсутствие русского эквивалента французского *chose* (если не считать такие слова, как *штука* и *штуковина*). Последнее слово оценочно нейтрально (в местоименном значении), *хуй* же может быть и нейтральным (*смотри, какой-то хуй там стоит*), и нести слабо выраженную отрицательную оценку (*тут один хуй ко мне приходил*). Соответствующие женские «одушевленные местоимения» *пизда* и *блядь*, как правило, отрицательно окрашены (*вчера я снова встретил эту пизду (блядь)*) и колеблются между местоименным и пейоративным значениями.

В качестве местоглаголий выступают, прежде всего, глагол *ебать* и различные его префиксальные и суффиксальные производные (например, *заебачивать*), а также глагольные производные от *хуй* и *пизда* (*захуярить*, *пиздануть*, *пиздячить* и мн. др.). При этом корни остаются семантически пустыми, а конкретное значение слова определяется значениями соответствующих префиксов и суффиксов, а также контекстом (подробно см. в упомянутой статье). Вопрос о семантических возможностях таких местоглаголий заслуживает отдельного изуче-

ния, — но из наблюдений над речью носителей обценного языка можно сделать вывод о том, что они почти безграничны.

2.2. Субститутивные ОВ с определенной семантикой

2.2.0. Уже поверхностное наблюдение показывает, что, при всей широте их семантического спектра, ОВ используются преимущественно для выражения значений «негативных» в самом широком смысле слова, т. е. содержащих сему «отрицание», — будь то отрицание как логический оператор, отрицание какого-либо «положительного» или «нормативного» качества, отсутствие или ликвидация (каузирование отсутствия) чего-либо и т. д. (это относится и к ОВ класса I).

2.2.1. Чистое отрицание. Это случай, когда ОВ, почти исключительно со словом (или корнем) *хуй* (или его синонимами *хер*, *хрен*), с добавлением отрицательных частиц или без них, выступает субститутом тех или иных отрицательных (а также вопросительных) местоимений, или же просто частицы *не*.

<i>хуй</i> (получишь, зарабатываешь, разберешь, ...)	= не или ничего не ...
(он) <i>хуй</i> (придет, ...)	= не
<i>хуй</i> (знает, ...)	= никто не
ни <i>хуя</i> не (знаю, поймешь, ...)	= ничего
ни <i>хуя</i> (нет) ³	= ничего
ни <i>хуя</i> (себе)	= ничего
не <i>хуя</i> (жрать, стоять тут, ...)	= нет (глагол) или нечего, незачем
на <i>хуй</i> (нужно, мне это, ...)	= не, незачем
на <i>хуй</i> + глагол со значением «ликвидации» (ликвидировать, прогнать, убрать, выбросить, ...)	= усиление отрицательного глагола (напрочь, совсем)
<i>хули</i> (говорить, делать, ты пристал, толку, ...)	= незачем или (в вопросе) зачем (с коннотацией 'незачем')

То же чисто отрицательное значение — во фразеологизмах типа

3. Антоним *до хуя* (= 'много, более, чем достаточно') — не частый случай ОВ с «положительным» значением.

(ты меня) за хуй (не считаешь)	= ни за что
хуй ночевал (в холодильнике); от хуя уши	= ничего (нет)
(а это что,) хуй собачий? (в ответ на просьбу)	= ничто

В большинстве этих употреблений (не фразеологических) хуй допускает замену на *черт* (на *черта*, к *черту*, не *черта*, ни *черта* не, *черта* ли), иногда с прилагательным («*черта лысого ты получишь*»), практически всегда — на эвфемистическое *фиг*.

В некоторых случаях слово хуй само по себе несет отрицательное значение (хуй получишь, на хуй мне это), в других же семантически пусто (= что) и требует отрицательных частиц (ни хуя не знаю, не хуя тебе тут делать).

Эта группа употреблений соотносится с ОВ класса I с семантикой отказа (хуй тебе, хуй на!, а хуй не хочешь?, хуишки и т. д.).

2.2.2. Безразличие, т. е. отсутствие (положительного или вообще какого либо) отношения, самоотстранение. Сюда относятся следующие лексемы и ОВ:

насрать	= наплевать
ебать (ебал я эту работу и т. д.), ебать в рот и т. д.	= наплевать + коннотации, выявляемые синонимом в <i>гробу</i> видеть
ни хуя!	= ничего!, наплевать!, ни черта!
по хую	= плевать на ...
хуй класть (на ...)	= плевать (на)
один хуй	= все равно, один черт

Эти ОВ соотносятся с индифферентивами из класса I.

2.2.3. Отрицательные качества, состояния, действия

Это большая и довольно расплывчатая группа обценных существительных, прилагательных, глаголов, наречий и фразеологизмов, объединяемых, пожалуй, только общей семей *Mal*. Наводить порядок и классификацию в этой группе было бы — в рамках этой статьи — чрезмерным педантизмом. Я выделяю здесь лишь несколько бросающихся в глаза подгрупп.

2.2.3.1. Прилагательные широкого употребления со значением «плохой»: *хуевый* (*херовый, хреновый*), *говенный*, соответствующие наречия и примыкающее сюда существительное (в функции именного сказуемого) *говно*. Эта группа слов тесно связана с пейоративами класса I. Любопытно, что другие пейоративные прилагательные — *сраный, засранный и ебанный* — как будто, почти не употребляются в субститутивном значении, а лишь в собственно ругательствах — «характеристиках». Заметим что *хуёвый* употребляется почти исключительно субститутивно (= плохой), в то время как *хуев* — только в составе собственно ругательств (и непереводимо на необценный язык, — разве что, как *чертов*).

2.2.3.2. Слова со значением «ерунда», «нечто, не стоящее внимания»: *хуйня* (*херня*), *хуевина* (*херовина, хреновина*)⁴, *муда*, а также включающие в свое значение соответствующую сему *пиздить* (= врать, молоть чепуху, но также бояться), *засирать* (*ебать*) *мозги* (= то же, а также морочить голову).

2.2.3.3. Слова (главным образом глаголы), описывающие резкие изменения — вообще говоря, в худшую сторону — физического или ментального состояния, а также действия, приводящие к таким состояниям, т. е. деструктивные:

<i>Расхуячить, распиздячить, распиздошить</i> и др.	= <i>разбить, сломать, уничтожить</i>
<i>хуякнуть(ся), ёбнуть(ся)</i>	= <i>ударить(ся), упасть</i>
<i>ебнутый, стебанутый</i>	= «ушибленный» (ментально)
<i>отхуячить, отхерачить</i>	= <i>избить</i>
<i>хуяк</i> (камнем в рыло)	= <i>бац...</i>
<i>хуякс</i> (в обморок)	= <i>упасть</i>
<i>охуеть</i>	= внезапно придти в состояние недоумения, крайнего удивления
<i>взебать</i>	= <i>врезать, ударить</i>
<i>пиздануть</i>	= <i>ударить</i>
<i>испиздить</i>	= <i>избить</i>

4. Имеет и «местоименное» значение (см. выше).

и мн. др.

2.2.3.4. Перечислю еще ряд слов, — отнюдь не претендуя на полноту, — относящихся к этой группе: ‘украсть’ = (с) *пиздить*, ‘обмануть’ = *объебать*; ‘мучить’, ‘измучиться’, ‘устать’ = *ебать*, *убать*(ся), *наебаться* (и соответствующие пассивные причастия); ‘надоело’ = *остоебенело*; ‘бояться’ = *бздеть*; ‘наказывать’ = *брать за жопу*; ‘тяжело работать’ = *хуячить*, *хреначить*; ‘до изнеможения’ = *до охуения*; ‘хвастаться’, ‘выпендриваться’ = *выебываться*; ‘уходить’ = *убывать* (обычно в императиве); ‘поддевать’, ‘провоцировать’, ‘провокация’ = *подъебывать*, *подъебка* и мн. др.

Характерно, что антонимы соответствующих «приличных» слов, или же слова, соотносящиеся с ними, но с положительным значением, — такие, как *взять*, *подарить*, *сказать правду* и т. д. — обычно не имеют обценных субститутов⁵.

Легко представить себе мир, описываемый лексикой, перечисленной в 2.2.3 (а также в др. частях работы): мир, в котором крадут и обманывают, бьют и боятся, в котором «все расхищено, предано, продано», в котором падают, но не поднимаются, берут, но не дают, в котором либо работают до изнеможения, либо халтурят — но в любом случае относятся к работе, как и ко всему окружающему и всем окружающим, с отвращением либо с глубоким безразличием, — и все кончается тем, что приходит *полный пиздец*.

5. Ценностно нейтральные или положительные значения редко выражаются с помощью обценных слов; чаще всего это «паронимические производные» соответствующих необценных слов. Ограничусь несколькими примерами: *ебало* (и, как следствие, *ебальник*) — ‘лицо’ или ‘рот’ — от *хлебало*; *хуета* (< *суета*, *маята*); *хитрожопый* (< *хитроумный*); *охуительный* (< *восхитительный*, *упоительный*); *невпроеб* (< *невпроворот*); *колдоебина* (< *колдобина*); *перекосебило* (< *перекосило*) и мн. др. Возможности образования подобных «новых слов» — окказионализмов, могущих стать и общеупотребительными, — неограниченные.

Литература

1. Успенский Б. А. Религиозно-мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Структура текста. М., 1981.
2. Dreizin F. and Priestly T. A systematic approach to Russian obscene language // Russian Linguistics 6, 1982, p. 233–249.
3. Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии (Статья первая) // Studia Slavica Hungarica XXIX, 1983, с. 33–69.

DOI: 10.55167/46c193bbde05

Матерный пласт идеологического языка

Гасан Гусейнов

Глава из книги «Д. С. П. Советские идеологиемы в русском дискурсе 1990-х гг» (М.: Три квадрата, 2003. С. 145–235).

1. Мат — теневая генералия официальной идеологии

В канонических идеологических текстах советского времени мы не найдем указаний на то, что мат — такая же генералия официальной советской идеологии, как лозунг коммунистического манифеста «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» или как одно из тех «выработанных человечеством богатств», «знания» коих требовал от каждого коммуниста В. И. Ленин¹.

Более того, можно утверждать, что на официальной поверхности советской идеологической речи всегда присутствовало требование «повышения культурности», или «культурного уровня».

Вот почему, даже если ничего не знать о существовании матерного языка или полагать, что он представлял собою в советское время едва заметное маргинальное явление, никак не соотносимое с разросшимся языком идеологии, даже и в этом случае наблюдатель вынужден был бы отметить, что конец советской эпохи сопровождался всплытием на поверхность общественной жизни мата, вторжением его на страницы самых разнообразных изданий, движением по всем каналам СМК и живейшим обсуждением данного факта общественностью².

Гласность наша имеет общую природу с матом³.

1. «Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» (Речь на Третьем съезде комсомола. 2 мая 1920).

2. См., например: *Радзиховский Л.* Новейшие русские страхи // Огонёк. 1992. № 44–46. С. 5. Характерно, что автор статьи тут же признает, что «ругаться матом — это дурной тон современной журналистики».

3. *Битов А.* Барак и барокко (Барков и мы). Предисловие // Иван Барков. Девичья игрушка. СПб., 1992. С. 188.

Сопротивление мату было во время перестройки знаком сопротивления самой гласности⁴.

В сознании многих миллионов современников конец эпохи совпал с двумя публичными матерными высказываниями из высочайших уст: Михаил Горбачев 21 августа 1991 назвал членов ГКЧП «тудаками» и рассказал по ТВ, как в Форосе «он послал их куда русские люди посылают». На протяжении всего 1992 года слова Горбачева «Ну что, доигрались, тудаки?» переадресуются другим деятелям российской политики, становятся motto политических обзоров. В дни августовского путча 1991 г. виолончелист и дирижер Мстислав Ростропович, прилетевший в Москву на защиту Белого дома, в интервью радио «Свобода» (ставшего тогда одним из главных источников информации для десятков миллионов людей по всей стране) повторил свой ответ на вопрос пограничника в Шереметьево, не на конгресс ли соотечественников он приехал, — «да жебал я этот конгресс!»⁵.

4. «В последние годы стало посвободнее с допуском мата в нашу печать, а впрочем, и сейчас это происходит не без трудностей, небесконфликтно и небесскандально. В одном случае дело чуть не дошло до суда — после того как рижский информационный бюллетень „Атмода“ опубликовал (1989 г.) стихи московского поэта Тимура Кибирова. Вот вам сразу и Гутенберг, и мат, и о России:

Это всё моё, родное
Это всё хуё-моё!
То разгулье удалое,
То колючее жнивье,
То березка, то рябина,
То река, а то ЦК,
То зэка, то хер с полтиной,
То сердечная тоска!

Посерьезневший мат, чуждый какой бы то ни было «клубничке», звучит здесь как горьковатый упрек русской советской действительности» (Илюшин А. А. Ярость праведных. Заметки о непристойной русской поэзии XVIII–XIX вв. // ЛитОбоз. 1991. № 11. С. 14).

5. См., например, Розина Р. И., Сандомирская И. И. Переворот в текстах // Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык (от ритуала к метафоре). М.: Знание, 1991. С. 63.

Это были немислимые (разумеется, немислимые — только в отношении публичности) — по старорусским и советским меркам — высказывания. Но слово было мгновенно пропечатано ударными перестроечными газетами — Коммерсантом-Ъ и Независимой — на первой полосе⁶. Появившийся вскоре в продаже 11 номер «Литературного обозрения» с главными сочинениями матерной русской поэзии⁷ и популярный русский философ, обозреватель радио «Свобода» Борис Парамонов, объявивший по радио и в Независимой газете «pздец социализму»⁸, довершили дело «освобождения подсознания русской культуры от отягощающего ее бремени»⁹: матерный пласт русского языка начал публично сливаться с официальной нормой. Вот как — под рубрикой «Наболевшее» — откликается на это патриотическая газета:

Читатель наш неискушенный, у которого еще жива привычка верить печатному слову, видит воплощенную в книге брань и непотребщину и воспринимает их уже как литературный языковой обиход!¹⁰

Но об этой же «привычке верить печатному слову» за два года до автора «Литературной России» несколько иначе вы-

6. Ионин Л. Разговор со слабослышащим. Какая политика, такая и лексика. Приличных слов уже не хватает // Новое время. 1991. № 41. С. 48.

7. Впрочем, здесь матерный язык все еще предлагается рассматривать как «эротический жаргон». Поскольку как феномен эротики, так и феномен матерного языка относились к обширной области прежде запретного, то и приписывание, например, эротической и скабрёзной поэзии к одному жанру не всем показалось тогда нелепым. Один из авторов специального выпуска журнала замечает: «По моему глубокому убеждению, эротика и употребление „непристойных“, „цензурных“ слов в речи автора или персонажей относятся к разным, хотя и соприкасающимся областям» (Богомолов Н. А. «Мы — два грозой зажженные ствола». Эротика в русской поэзии — от символистов до обэриутов // Литературное обозрение. 1991. № 11. С. 56).

8. 10 сентября 1991.

9. Зорин А. Барков и барковиана. Предварительные замечания // Лит-Обоз. 1991. № 11. С. 21.

10. Миронова Т. Плач по русскому языку // Литературная Россия. 19.02.1993.

сказывался главный редактор самиздатского рок-журнала из Ижевска:

Силен страх русского народа перед печатным словом. Социологи упорно не рассекречивают данные, что в мозгу этого ёбаного народа слово «кнуй» на печатной бумаге кажется в два раза длиннее и толще, чем на стенке лифта или заборе¹¹.

Требования свободы совпали с требованием расстаться с морализаторским отношением к языку в той точке, где официальные требования идеологии совпадали с национальной традицией культурного лицемерия, или отграничения высокого и низкого.

До тех пор, пока повсеместно в литературных журналах табу на мат не будет последовательно преодолено, повседневная жизнь во всей ее сложности будет по-прежнему подвергаться лакировке¹².

Другие увидели в этом же освобождении от перегородок промискуитет, неразличение добра и зла¹³.

Очевидно, что анализ русского дискурса совершенно немислим без обращения к матерному языку — и как к одному из компонентов построения дискурса, и как к методу развертывания ключевых суждений.

2. Круги пользователей матерного языка: партийно-государственная элита; военные и блатные; интеллигенция и «простой человек»

Матерщина присутствовала в советском идеологическом языке в двух или, по другому счету, в трех основных формах.

Во-первых, это приемлемый внутренний эмоциональный жаргон партийно-государственной элиты; здесь обценный язык существует в своей традиционной, или дореволюцион-

11. ПО ЕБЛУ [Печатный Орган Единого Блока Левых Удмуртов]. Ижевск. 1991. № 5Б. С. 6.

12. Конди Н., Падунов В. Макулакультура или вторичная переработка культуры? // Вопросы литературы. 1991. № 1. С. 114.

13. Котрелёв Н. Не напаяливайте черных чулок, г-н профессор. Советы правого // Независимая газета. 02.04.1992.

ной, российской функции, описание которой применительно к средним и низшим слоям общества мы находим у Пушкина, Достоевского, Толстого или Горького, которые, впрочем, не только описывали матерную речь или цитировали других; некоторые из них и сами были деятельными или искусными матерщинниками, как Пушкин и Некрасов, Чехов и Горький¹⁴. Традиция эта — вместе с гражданской несвободой — перекочевала и в советское время.

Мат — выражение своих гражданских чувств. И своего слабодушия. Непристойные слова уместно употреблять в высшем обществе¹⁵.

Можно предположить, что неупотребление сквернословия выделяло человека из микрогруппового сквернословного стандарта, а не наоборот¹⁶.

В кратчайшей формуле матерщина сводится к богохульничеству и плебейскому ёрничеству, преобразуемому в микрогрупповую игру. Заповедниками и очагами распространения матерного языка остаются места скопления подневольных

14. «Помню, однажды Н. А. Орлов показал письмо Максима Горького, которого он знал и которому на отзыв послал „Диктатора“ [утраченный роман, написанный в 1920-х гг.]. Горький писал не обескураживающе, но без восторга, советовал кое-что переработать, но вот „эротика“ в „Диктаторе“ вызвала его грубый отклик: „уж если писать «эротiku», надо писать ее так, чтобы... до Полярной Звезды, а если этого нет, и писать не надо“ (буквальная цитата из письма М. Горького, два слова из-за нецензурности заменяю точками, Р. Г.). По-босьцки выразился Алексей Максимович, ничего не скажешь, но, увы, верно!» (Гуль Р. Я унес Россию. Нью-Йорк: Мост, 1981. С. 304–305).

15. Лазарев В., Туганова О. Круг понятий. М.: Гуманитарный фонд, 1994. С. 38, 41.

16. Ср., например, фронтовое письмо А. Туркова (28 июня 1944). «Мне пришлось облазить лагерь для военнопленных. Это меня очень сильно потрясло. [...] Если бы я ругался матом, то я бы построил небоскреб из всякого рода словосочетаний. За неимением этого, просто говорю: сволочи! Кто меня помнит, тот знает, что это мое самое страшное ругательство» (Ваншенкин К. Я., Сидоров Е. Ю., Турков А. М. (сост.). Воспоминания о Литинституте. 1933–1983. М.: Советский писатель, 1983. С. 168).

людей. В производственно-криминальном романе 1990-х гг. читаем:

За год работы в шахте [маркшейдером] Анфертьев ни разу не повысил голос, не отдал ни одного приказа, никого не послал по матушке, что уже само по себе ставило его в положение почти безнадежное. [...]

— Ты полагаешь, что мат — это главный производственный фактор? [...]

Начальник шахты как-то боком отошёл [...] ¹⁷.

Подневольность стоит понимать широко. Согласно наблюдениям некоторых авторов, «чем выше был круг общения (академики, писатели), тем больше мата слышалось на их интеллигентских кухнях»¹⁸. Широко известно, что на всех уровнях партийно-государственной иерархии мат обозначал своеобразное понимание товарищеских отношений и «мудрого руководства»¹⁹. И наоборот, «в тюрьме и лагере, — согласно другому авторитетному свидетельству, — матом ругаются гораздо реже, чем на воле»²⁰.

Имеются и другие свидетельства, согласно которым мат в зоне существовал на двух горизонтах общения: в нейтральном значении междометия, речевой смазки с выхолощенным содержанием, и в буквальном физиологическом значении:

Конечно, это [речь девочек-заключенных] был сплошной мат; казалось, что они других слов не знают вообще. «Махорку срздили» — это просто термин, равноправный с «украли»²¹. Мат слышался со всех сторон, на всех уровнях: и под потолком,

17. Пронин В. Кандибобер [криминально-производственный роман]. М.: Вече, 1997. С. 10, 12, 83.

18. Кривулин В. «Великий и могучий». Свободный ли? О запретном в языке // Столица. 1992. № 27 (85). С. 48.

19. См., например: Боров Ю. Сталиниада. Рига, 1990. С. 225, 296.

20. Абрамкин В. Ф., Рыжов Ю. В. Как выжить в советской тюрьме. Красноярск: Агентство «Восток», 1992. С. 108.

21. Впрочем, объясняя (например — иностранцам) семантическую разницу между «украли» и «срздили», приходится уточнять, что последний глагол включает смешанный концепт 'сильной досады, вызванной безвозвратностью кражи, и диффузную брань по адресу невыявляемого вора'.

и посередине, и с пола доносились те же выражения. Они так естественно звучали в «невинных детских устах», что я почти перестала их замечать, переключилась на этот язык. Но когда в камере вспыхивали ссоры (а они неизбежно и внезапно возникают в любой уголовной камере — здесь, в «детской», чаще и яростнее, чем во взрослых) — когда вспыхивали ссоры, матерные слова использовались в своей основной функции, т. е. как брань. И нигде, никогда, даже в перебранке уголовников-мужчин с конвоем, я не слышала такой грязной, такой омерзительной ругани. Девочки в минуты откровенности рассказывали, видно, в камере всю свою подноготную — и вот эти знания шли в ход, бранные слова в конкретном контексте возрождались в своем первоначальном, так сказать, словарном значении, каждое выражение становилось картиной: кто, когда, где, кого и каким способом. Это было ужасно слышать²².

Неприменение мата в зоне может объясняться как наличием других речевых средств (переиначенным нормативным словарем и обилием локальных жаргонов), так и парадоксальным на первый взгляд преследованием за мат со стороны начальства, узурпировавшего право исключительного распоряжения этим языком. На возможность такого истолкования указывают наблюдения Ларисы Богораз:

Лида сплетничала про подругу: «Вы с ней, тетя Лариса, не разговаривайте, она вредная. Она в СВП была, на меня 40 браней записала», — это значит, что девочка была лагерной активисткой, доносицей, записывала, кто сколько раз выругается матом. Лида, со своим ангельским личиком, материлась через каждое слово²³.

Во-вторых, это был прежде и есть по-прежнему специфический простонародный жаргон, широкое хождение которого традиционно объяснялось унынием и тяготами рабской народной жизни²⁴. Изюминка матерного словоупотребления

22. Богораз Л. И. Из воспоминаний // Минувшее. Исторический альманах. Вып. второй. Париж: Атенеум, 1986. С. 130.

23. Богораз. 1986. С. 128.

24. Не углубляясь в социально-историческое прошлое русского мата, приведу пример того, как понимался этот горизонт языка полтора столетия назад: «Неподражаемая русская брань, самая закатистая

в советское время состояла в семантической пустоте, тем легче отмечаемой, чем шире становилось поле применения жаргона.

Матерную ругань или матерные слова, бессмысленно вставляемые в фразы, у нас слышно ежедневно и ежечасно в любом месте. Эти слова, как правило, употребляются не в ссоре, что имело бы какое-то оправдание, а в обычном разговоре между друзьями и знакомыми, мирно беседующими, идя по улице²⁵.

Под возрастающим давлением другой семантически не прозрачной реальности — школьного пуризма и тотального господства «высокой культуры» — носитель русского языка был героем встречи матерного и нормативного языков. По мере разрастания языка идеологии прибывал и всенародный матерный словесный продукт.

То говорит свобода. Как и молодежный сленг или интеллигентский жаргончик, блатная феня — язык сопротивления, лексика воли²⁶.

Поскольку открытое изучение этого массового продукта в советское время не предпринималось, филология сосредото-

и с такими невообразимыми вариациями, что, кажется, услышав ее в первый раз, поняли бы и самые бесстыдные уши, сыплется на почтовом дворе свободно, с треском, как крупный горох из неосторожно развязанного мешка. Иной помолчит, да как закатит свое крепкое словцо, так только невольно подумается, что на выработку одного этого истинного-ядовитого слова пошла вся его безрассветно-темная, горькая жизнь» (И. В. Федоров-Омулевский. Сутки на станции. Рассказ из путевых впечатлений [1862, первая публикация 1904] // Федоров-Омулевский И. В. Проза и публицистика. М.: Советская Россия, 1986. С. 60).

25. Федосеев А. П. Западня. Человек и социализм. Франкфурт на Майне: Посев, 1976. С. 277. См. подробнее Левин Ю. Об обценных выражениях русского языка // Russian Linguistics 10 (1986). P. 61–72.; Gussejnov, Gossan. Die Sprachprobleme der sowjetischen Intelligenzija in den 20er und in den 90er Jahren des 20. Jahrhundert // Elisabeth Cheaure (Hrg.) Jenseits des Kommunismus. Sowjetisches Erbe in Literatur und Film. Berlin, 1996 [Osteuropaforschung, Bd. 35]. S. 35–48.

26. Ерохин А. Колбаса с глазами // Московские новости. 15.03.1992.

чивалась на установлении ритуального происхождения матерного языка, архаизировала его²⁷.

Третьей формой бытования матерного языка можно считать массовую игру с ним: те, кто не был в детстве или отрочестве активным матерщинником, становились все же, в определенных ситуациях, пользователями матерного языка.

Сверхтекст матерного языка представляет собою, как известно, непрерывное описание полового акта. В плане речевого поведения мат считается чем-то вроде оргии воинствующего бескультурья; изоморфизм тоталитарной реальности и матерного языкового подполья отмечался давно²⁸. На протяжении всей советской эпохи это был пласт языка, которого как бы не было: официально он существовал только в уголовном кодексе как наказуемое деяние за «умышленные действия, грубо нарушающие общественный порядок и выражающие явное неуважение к обществу»²⁹.

И в этом своем качестве — как основание для возбуждения дела — он автоматически становился идеологическим объектом — критерием достоверности для одних и критерием антисоциальности для других членов общества.

3. Расширение матерного словаря в советское время; отношение к нему: между страхом и восторгом; константа достоверности

Поскольку основной словарный состав матерного языка включает всего несколько слов, называющие мужской и женский половые органы (*khuji, kher, pizda, manda, mude*), а также глагол *jebat' / jebat'sja*, обозначающий совершение полового акта и их производные, его чрезвычайно просто удержать за пределами дозволенного. Абсолютное табу, наложенное на эти слова во всех сферах общественной жизни, обеспечило такое пространство

27. Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. Статья первая // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1983. XXIX. Р. 33–69; Статья вторая // *Ibid.* 1987. XXXIII. Р. 37–76.

28. См. подробнее: Левин. 1986; Гусейнов. 1989.

29. Ст. 206, ч. II УК РСФСР.

свободы, о котором не мог и мечтать никакой пласт литературного языка, включая локальные или поколенческие жаргоны — разрешенный объект официальной критики³⁰. Итогом невольного эксперимента — предоставления полной свободы весьма ограниченному кругу слов — стала необыкновенная семантическая продуктивность матерного языка. Чем больше слов естественного языка рекрутировала для себя — под лозунгом «борьбы за культуру речи» — идеология, тем больше новых слов создавалось на основе матерного подполья. Механизм приращения здесь, таким образом, тот же, что и в случае с частично табуированными локальными, поколенческими и/или эфемерными жаргонизмами³¹. Официоз говорит, что мат — «пережиток капитализма», но это мало помогало сдерживать напор надклассовой матерщины. Матерному языку повезло: в отличие от иных форм сниженной речи, он не признавался «поправимым» речевым грехом и лежал в стопроцентно заповедной области, был настоящим, а не метафорическим табу,

30. Яркой критике подверг официозную «борьбу против жаргонов» В. П. Григорьев в середине 1960-х гг.; статьи автора были впервые опубликованы лишь в 1990-х гг. (Григорьев В. Л. Из прошлого лингвистической поэтики и интерлингвистики. М.: Наука, 1993).

31. Приведу запрещенное к публикации в 1967 году суждение о причинах подъема жаргонизмов вообще на повседневный горизонт речевого общения: «Причины привлекательности жаргона в общем-то известны: разрыв между словом и делом, девальвация и инфляция многих правильных и высоких слов, художественная невзыскательность «важных по теме» изданий. [...] Жаргон вызван к жизни социальными условиями и бороться с ним можно, только обращаясь к этим условиям. Самоопределяющийся подросток рассуждает примерно так: «Вот этот взрослый мерзавец прячет свое нутро в лоскутья правильного, литературного языка, пускает пыль в глаза высокими словами и никто не разоблачает эту маскировку; я не хочу ни в чем походить на этого «типа»; чтобы никто не подумал, что я маскируюсь, я лучше откажусь от высоких и правильных слов; пусть судят обо мне не по словам, а по делам» Логика, конечно, уязвимая. Но опровергнуть ее чисто словесно-логическим путем едва ли удастся» (Григорьев. 1993. С. 82–83).

настоящей, всеобщей, а не локальной речевой альтернативой³². И в этом последнем качестве — альтернативой идеологической.

Сквернословие парадоксальным образом становилось всё менее терпимым для официальной цензуры. Табу, распространяемое на физиологические отправления вообще — от событий зачатия и появления на свет до агонии и смерти, — создавало широкую серую зону между разрешенным и сквернословным речевыми горизонтами. Гротескный контекст запрета на мат можно восстановить, обратив внимание на то, как встречались официозом совершенно невинные обороты речи, бесконечно далекие и от сексуальности, и от грубости³³. Именно в этом невыносимо ханжеском контексте и складывалась повседневная функция мата как живой идеологической альтернативы. По словам Владимира Кавторина,

32. Эта специфика мата схвачена и представлена в двух немецких работах: *Timroth W. von. Russische und sowjetische Soziolinguistik und tabuisierte Varietäten des Russischen*. München: Verlag Otto Sagner, 1983 (Slavistische Beiträge, Bd. 164); *Ermen I. Der obszöne Wortschatz im Russischen: Etymologie, Wortbildung, Semantik, Funktionen*. München: Verlag Otto Sagner, 1993 [Specimina philologiae Slavicae. 98].

33. Приведу эпизод из истории широко известного эвфемизма *отлить* в значении 'пописать' ('справить малую нужду', 'сходить кое-куда', 'сходить по-маленькому', 'помочиться', 'побрызгать', 'посикать', 'поссать', 'попрудить'). Вот как описывает переводчик пьесы «Карьера Артуро Уи» встречу партийного вельможи и несомненного сквернослова секретаря Ленинградского обкома КПСС Василия Толстикова с живым просторечным словом в театре, т.е. в «общественном месте». «Ожидая Артуро Уи в гараже, Эрнесто Рома говорит своему помощнику:

...Только

Когда увижу труп мерзавца Гири,

Мне полегчает, будто я держался

И наконец отлил.

Толстиков был очень рассержен — его благовоспитанность не позволяла ему — в обществе дамы! — слышать такие непристойные речи. «Держался... отлил!..», — повторил он, пылая негодованием. И добавил: «Может быть в Польше это принято. Но вы-то, неужели вы не понимаете, что это не в традициях русского театра?» (Эткинд Е. Давно уж ветренная Лета // Время и мы. 1995. № 129. С. 224–225).

в нашем обществе человек, с самого детства матерясь, доказывает свою свободу. [...] Русские люди матерятся по той же причине, почему и богохульствуют³⁴.

С другой стороны, возникали работы, пытавшиеся под любым соусом протащить живой мат хотя бы в исследовательский обиход³⁵.

Вышеупомянутые статьи Б. А. Успенского о происхождении матерного сквернословия построены как отчет об открытии, которое могло бы раз и навсегда позволить всякому носителю языка, говорящему на разрешенном социолекте, выйти из этого унижительного состояния. К сожалению, вместо одной, официальной, фикции — «матерного языка нет» — на свет тотчас появилась другая, интеллигентская: «матерный язык — это рудимент древнего земледельческого ритуала», «след «основного мифа» и иных доисторических глубин»³⁶. Таким образом, отвергая официальную советскую установку на «несуществование» матерного языка, носителю языка предлагается признавать другую «бинарную оппозицию», в которой матерный становится не одним из важных феноменов живого, но изнанкой настоящего языка, а матерное речевое поведение — «антиповедением» или «антикультурой»³⁷. Как показала Илзе Эрмен, такой подход структурно повторяет официальную доктрину «великого и могучего русского языка», но не приближает к пониманию мата именно как речевого поведения, входящего в культуру данного народа.

34. Смена. 21.08.1993. С. 5. Цит. по: *Найдич Л. Э.* След на песке. Очерки о русском языковом узусе. СПб., 1995. С. 187.

35. *Левин.* 1986; *Успенский Б. А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Т. XXIX. 1983. Р. 33–69; Т. XXXIII. 1987. Р. 37–76.

36. По мнению Б. А. Успенского, выражение «ёб твою мать» — это продукт сокращения древнейшего мифологического комплекса, связанного с оплодотворением матери-земли псом-громовержцем. *Успенский.* 1987. С. 42–43.

37. *Диденко Л. А.* Исторические корни русского мата и его функционирование в современной языковой культуре // *Язык и культура*. 1993. Т. 3. С. 181–182.

В конечном счете миф Б. А. Успенского не сильно отличается ни от распространенных представлений о татарских корнях русской брани, ни от официальной советской теории «пережитков капитализма»: здесь слышится то же противоречие: «Не так уж мы и грязны». В одном случае вина за непристойности перекладывается на чужаков или на «преодоленную» историческую фазу, в другом случае у грязи отнимается ее субстанция, ее главное оружие, ибо это вовсе никакая не грязь, но святое дело, никакое не унижающее человеческое достоинство нарушение морального запрета, а вовсе даже часть религиозного обряда³⁸.

Подробнее на полемике по поводу происхождения мата заставляет остановиться очевидная ее участникам отчетливая граница между матерным высказыванием — с одной стороны, и всем остальным массивом языка, в особенности — официально-очищенной, правильной речи, — с другой. То, что нетеоретизирующий наблюдатель опишет как ‘низовое’, ‘спрятанное’ или ‘грязное’, предлагает себя как идеологическая альтернатива в рамках общего речевого поля. При таком подходе нет необходимости мифологизировать и ритуализировать матерный язык более, чем любые другие сегменты этого поля. Каково бы ни было происхождение матерного языка, его повседневное советское и поссоветское бытование если и ритуализовано, то лишь в рамках культурной парадигмы советского двадцатого века, а не на той исторической глубине, где возникло выражение *ёб твою мать*, реконструируемое Б. А. Успенским. Более того, сама гипотеза происхождения и древнейшего функционирования мата, основанная на предлагаемой оппозиции поведение → анти-поведение, представляется продуктом идеологического спора между ограниченным официозом и жаждущим языковой и культурной свободы филологом. Статьи Б. А. Успенского о мате, появившись в середине 1980-х гг., воспринимались как удачно найденный способ заговорить на сверхщекотливую тему (в научном журнале дружественной страны) и не под-

38. Ermen I. Kritische Bemerkungen zu B. A. Uspenskij's Ätiologie des Mat // Norbert Reiter u.a. (Hrsg.). Sprachlicher Standard und Substandard in Südosteuropa und Osteuropa. Beiträge zum Symposium vom 12.-16. Oktober 1992 in Berlin. Berlin, 1994. S. 65–78.

вергались во внутрисоветском, а тем более внутрикружковом (московско-тартуская семиотическая школа) контексте собственно филологической критике. Как только советская эпоха кончилась (или, как только показалось, что эпоха кончается), анализ славянских древностей как метод реконструкции современности стал объектом безжалостной критики³⁹. Но вернемся к основному предмету главы.

Взглянем на словарный состав этой идеологической альтернативы⁴⁰:

okhiéť — удивиться сверх всякой меры, временно лишиться рассудка;
khiěvo, khiěvyy — плохо, плохой;
khiévato, khiévátый — неважно, неважный в знач.: плоховато, плоховатый;
khiěвина, khiěвинка — любой предмет, часто — уважительно — о сложном механизме, непонятной вещи [а это что за *khiěвина* у тебя на шкафу?];
khietá — контаминация *khiy* + *суета*, *маята* — напрасная и нудная возня, ерунда;
pó kхию — безразлично;
pokhiист — тот, кому все безразлично, *pó kхию*;
khiy положить на что-то — наплевать на что-то, манкировать чем-то;
zakhiячить что-то куда-то — закинуть что-то куда-то;
vkhiячить — точно попасть во что-то;
otkhiячить, -рить кого-то — избить (реже — отругать) кого-то;
khiячить, -рить — напористо совершать любые действия (идти, бежать, ехать и т. п.);
khiеплёт — болтун;

39. Впрочем, в русском языкознании ритуальная гипотеза исторической табуизированности мата остается общим местом. Ср.: «Не вызывает сомнения исконная связь мата с сакральной сферой, соотнесенность матерщины с языческим культом [...]. Табуирование мата в большой степени объясняется этой связью» (Найдич. 1995. С. 187).

40. См. подробнее: Левин. 1986; Devkin V. D. Der russische Tabuwortschatz. Русская сниженная лексика. Berlin u.a., Langenscheidt. 1996. 126 S.; Буй В. Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражений) / Под ред. А. Баранова и Д. Добровольского. М.: Помовский и партнеры, 1995.

okhuiительно, -ый — очень хорошо, очень хороший, красивый, замечательный [такой, что *okhuiёт* можно];

одно*khui*ственно — безразлично [вариант: один *khui*];

khui в значении не:

khui кто помог = никто не помог,

khui когда = никогда или очень не скоро,

khui тебе! — ничего тебе;

nékhия — нечего;

ни khия — ничего;

khили, khui ли? какого khия? — зачем? зачем, черт побери?

Итак, *khui* — показатель предельной интенсивности, попавший в самую заповедную область языка, т.е. ставший служебным словом. Именно это новое свойство привело к такому странному для естественного языка положению, когда, как считается, с помощью матерных слов можно дать описание объекта или даже состояния высокой сложности⁴¹. Речь идет при этом не о речевой смазке⁴², традиционной для обценных вариантов и других языков, но именно о создании с помощью матерной основы нового слова с усилительным или расширительным значением.

Рассмотрим ряд примеров с использованием глагола *jebátъ* и существительного *pizdá*.

долбоёб, pizдюк — дурак, непонятливый человек;

41. См., например, миниатюру, присланную на радио «Свобода» (*Седлецкий Ф.* Анекдоты. Орфография и пунктуация оригинала. 10.01. 1995. Бремен, Архив, Ф. 13.):

Откровенный разговор.

Два собутыльника решили отметить свою очередную встречу и, выпив две бутылки водки, — решили разойтись. Наутро хозяин недосчитался одной пятитысячной. При встрече состоялся такой разговор: — Слушай, *pizдюк*! Ты вчера у меня *спиздил* пятитысячную?

— Да нет!

— Нет, ты ее *pizданул*! Что ты мне *pizдишь*? Кроме тебя никто в квартиру не заходил, и не *pizди*, а верни мне деньги.

— Да, *на́* ты свои пять тысяч, я не такой жадный, как ты. А взял я понарошки, — заметишь или нет. Давай, лучше, опохмелимся.

42. В. Д. Девкин называет этот тип применения «парантезным»: «содержательно избыточные вставки при общем не обязательно раздраженном тоне сообщения». Указ. соч. С. 25.

jeбануть — выпить;
jeбáть мозги кому-то — надоедать кому-то, морочить голову кому-то, вводить в заблуждение;
ёбнуть, pizдануть — ударить; украсть;
jeбануться, ёбнуться — упасть, удариться;
заёба — назойливый человек;
заjeбáть — замучить кого-то, надоесть кому-то;
злоjeбýчий — мучитель, садист;
наjeбáть — обмануть кого-либо;
наjeбнётся обо что-то — поскользнуться обо что-то;
наёбывать — жадно есть; обманывать кого-либо;
невпроёб — невпроворот;
недоёбанный — придурковатый, слабый;
объjeбáть — обогнать, переиграть кого-то;
отъjeбаться от кого-то — отвязаться от кого-то;
подъjeбáть кого-то — подшутить над кем-то;
подъjeбáла — провокатор;
приёбчивый — приставучий;
подъёбывать кого-то — дразнить, подначивать кого-то;
приёбываться к кому-то — приставать, цепляться к кому-то;
съjeбáться — быстро и/или незаметно уйти;
уёбывать — убегать;
уёбище, уёбок — неприятный человек, зануда; также: урод (слово и возникло по образцу: *урóдище*);
разъjeбáй, распizдяй — нерадивый человек;
jeбанутый — ненормальный, не в себе;
jeбáло, jeбáльник — лицо, рот;
остоjebéнить кому-либо — надоесть кому-либо;
колдоёбина — производное от колдобина;
пиздить — красть; бить кого-то;
спиздить — украсть;
pizdé(и)ть — врать, много разговаривать; бояться;
отпиздить — избить;
pizdёж — пустая болтовня;
pizdёц (наиболее распространенные формулы: *пóлный п-ц* или *п-ц всему*) — конец («как результат деструкции»⁴³);
pizдобól — болтун;
pizдюлэй дать кому-то — избить, наказать кого-то;
opizденеть — остолбенеть; сойти с ума;

pizdáctый, pizdeцóвый — замечательный, очень хороший;
pizдык! khняк! — междометие типа хрясь! бряк!

Итак, мы имеем здесь дело не с бранными словами, не с ругательствами в собственном смысле слова, но со словами-заменителями естественного языка для неестественных, мучительных условий. Перед нами — совершенно новый тип высказывания. Имя ему — эсхрофемизм.

Прибегаю здесь к помощи греческого термина-неологизма⁴⁴ только потому, что вполне подходящие внешне русские синонимы заняты более широкими значениями (злословие, злоречие, сквернословие и им подобные), мне же хочется подчеркнуть необычайную действенность того узкого способа высказывания, с каким мы имеем здесь дело. Терминология общенного языка вообще требует сугубой осторожности. Так, в попытке уточнить не совсем научный термин «матерная смазка», предложенный мною⁴⁵ для описания наиболее распространенного типа матерного поведения в СССР, Лариса Эриковна Найдич предлагает применить более нейтральную альтернативную терминологию, отвечающую требованиям научности:

матерные слова используются для заполнения пауз хезитации, как «контактные слова» и т.п., придавая речи непринужденный характер⁴⁶.

Критерием научности оказывается слово, идеально подходящее для описания категории эсхрофемизма: греко-латинская конструкция из давно обрусевшего греческого слова «пауза» и свежетранслитерируемой латинской хезитации (здесь: 'замедление речи, вызванное поиском нужного слова') в разговоре о матерном языке весьма и весьма уместно, ибо вызы-

44. Мне приходится допускать здесь стилистическую погрешность против греческого: основа *фем-* в эвфемизме («благоречие») подразумевает возвышенный характер самого действия речения (молитва, голос божества и т.п.); с другой стороны, имеющийся термин «эсхрология» — «сквернословие» есть общее слово для явления общенной речи.

45. «Сколько ни таимничай, а будет сказаться...» // Знание-сила. 1989. № 1. С. 73–79.

46. Найдич. 1995. С. 187.

вает у пользователя-филолога принудительную ассоциацию с блатным глаголом *хэзать*⁴⁷.

Эсхрофемизм в русской поэзии может появиться как сквернословная подмена принудительного агнонима. Так, никогда не выдавший, по его словам, Парижа⁴⁸, Георгий Оболдуев пишет:

Так я, видите ли, не о невинности,
Прикрытой загаром молодости,
Так как этого самого не вынести
Дямочкам, сосущим с голоду стих:
«Монпарнас,
Монпегас,
Мондье,
Мёндье».
(Ах, как вы грубы, Гёргий Николаевич!)⁴⁹

Здесь выступающие в роли социально-культурных агнонимов «Париж» и «Монпарнас» подвергаются немотивированному снижению.

Для того, чтобы лучше представить себе не эсхрофемическое сквернословие, сравним это стихотворение Оболдуева с фрагментом из стихотворения Алика Ривина (ок. 1940 г.):

47. См.: Словарь жаргона преступников (блатная музыка). Составил по новейшим данным С. М. Потапов [начальник научно-технического п/отдела ОУР ЦАУ НКВД]. М.: НКВД, 1927. С. 177: *хэзать* — испражняться; *хезник* — уборная; *Росси*. Т. 2. С. 436: *хэзать* — срать; портить дело. «Сам нахезал, сам выкручивайся!».

48. Ср. цит.27 из цикла «Мысли до ветру. В 30-ти цитатах» Георгия Оболдуева (1932):

«Лежит передо мной край Москвы;
В марте, в оттепель:
Париж!
Не видал его, голубчика,
А скажу:
Ну, прямо, Париж, да и...»
(Оболдуев. С. 74.)

49. Оболдуев Г. Устойчивое неравновесие. Стихи. 1923–1949 / Сост. и подготовка текста А. Н. Терезина. Мюнхен, 1979 [= Arbeiten und Texte zur Slavistik. Herausgegeben von Wolfgang Kasack. Bd. 22]. С. 73.

Мне не спится, не кимарится,
 совесть снов не принимает,
 все-то жизнь воспоминается...
 Стыдно — но не виноват.
 Ты зачем нас, житуха похезала с перцем?
 Сердце, вой, заливай, заливной соловей!
 На руке с нарисованным с порохом сердцем
 куча жил шевелится, как куча червей.

В стихотворении Оболдуева пародируется «дамочка, сосущая стих», долго не распознающая подвоха и провоцирующая поэта на скверноречие. У Ривина солёное слово соответствует фактуре «житухи», с её кровавыми испражнениями и спазмами жилистой татуированной руки; в этом смысле стихотворение Ривина свободно от подтекста, обязательного для эсхрофемизма.

4. Эсхрофемизм: не описанная ранее риторическая фигура

В приведенных выше примерах обценное, первичное значение образует оболочку высказывания, из-под которой всегда видна интенция говорящего, восстанавливаемая по схеме:

- а) префикс о-, за-, под-, раз- и т. д.
- б) матерное слово, приближенное к обыденному:
  - остојебѣнѣть → остолбенѣть [ср. блядь → блин] (эвграфема⁵⁰)
  - остолбенѣть → opizdenѣть; (эсхрофемизм)
  - осточертѣть → осторizдеть⁵¹; (эсхрофемизм)
  - разгильдяй → распizдяй (эсхрофемизм)
  - оборв́анец /-нка → pizдорв́анец /-нка (эсхрофемизм)

50. *Остолбенеть* как эвграфема глагола *остојебенеть* попало в подцензурную советскую печать уже в 1980-х гг. (в журнале «Иностранная литература»).

51. Ср. одновременно сверхэвфемистичный и сверхобценный вариант: «Мне это остозвездобрыздело!»; «цветуёчек» по аналогии со словом «смехуёчки» (в СМК употребляются, например, Андреем Черкизовым, «Эхо Москвы»).

в) новое слово, возникающее благодаря подстановке основного матерного значения обыденным с сохранением и семантической структуры обыденного, и иллокутивной силы матерного слова.

Если бы слово *pizda* сохраняло свое значение хотя бы в ослабленном виде, слово *opizdenеть* должно было бы иметь хотя бы семантический оттенок, хотя бы след 'превращения в *pizdy*'. Этого, однако, не происходит: семантически перед нами новый тип высказывания, который по аналогии с эвфемизмом и приходится называть эсхрофемизмом. Это не совсем удобопроизносимое наименование и обозначает лингвистическую форму теневой идеологии, представляемой матерным языком. Вот типичный пример фольклорной эсхрофемии:

Разрубил березу на поленья
Он одним движением руки.
Мужики спросили: «Кто ты?» — «Ленин»...
И *opizdenели* мужики⁵².

Связь мата с другим языком-заменителем, языком идеологии, крепнет, стоит только с уровня семантики спуститься к прагматике, к главным областям применения мата. Оставим за скобками такие очаги, как зона и армия⁵³.

В советское время это, как правило, — микрогрупповое общение, тем более располагающее к разнузданности, чем сильнее давление на микрогруппу идеологической правильности в социальной публичности. Зерно истины можно усмотреть и в характерном анекдоте, описывающем интересующий нас контекст как место встречи языка идеологии и мата:

— В чем сходство и различие между матом и диаматом [диалектическим материализмом]?

52. Раскин И. Энциклопедия хулиганствующего ортодокса. Опыт словаря с анекдотами, частушками, песнями, поэзией, плагиатом и некоторым псевдотворчеством самого автора. М., 1994. С. 255.

53. Ср. часто повторяемую сентенцию: «В армии матом не ругаются, здесь матом говорят». (АНЧ. Вып. 5–6. С. 253; Лебедь А. За Державу обидно. Киров: Вятское слово, 1995. С. 95).

— Мат все знают, но притворяются, что не знают. Диамат никто не знает, но все притворяются, что знают. Однако и то и другое является мощным оружием в руках пролетариата⁵⁴.

В отношении к матерному языку советской интеллигенции представители поколения рокеров и панков (около 1960-го и около 1970-го гг. рождения) усматривают воплощенную модель соединения лицемерия и цинизма.

Когда быдло видит матерные слова, напечатанные на бумаге, оно вдруг вспоминает, что оно ведь вовсе и не быдло. И начинает трясти анкетами о выезде за границу, где в графе «родственники» написано: «Да, был у меня дядя-интеллигент! Так вот он говорил, что мат — это грех...»⁵⁵

Орудийность матерного языка языковеды усматривают в его эмотивной силе, или способности поддерживать высокий градус общения вне зависимости от содержания высказывания⁵⁶.

Восприятие матерного языка как «вечного двигателя», как «силача», обладающего «убойным» ударом, характерно для филологов-русистов, воспитанных в духе преклонения перед «великим и могучим» литературным языком⁵⁷.

Еще отчетливее культ матерного языка как олицетворения русской удали и духовного могущества России у поэтов и писателей конца советской эпохи. Распространена поэтиче-

54. Анекдоты из коллекции Жириновского. СПб., 1994. С. 9.

55. ПО ЕБЛУ. С. 6.

56. «Мат относится к стойким неизнашивающимся (несмотря на заезженность) экспрессемам. Он — „вечный двигатель“ с бессрочной гарантией прочности на всё то время, пока существуют этические запреты. Табуированность мата спасает его от обезцвечивания и старения. Самый изящный и остроумный образ не выдерживает соревнования с матом, потому что оказывается потесненным хамским нажимом этого силача. Дурное всегда одерживает верх. Поскольку сказать что-нибудь умное трудно, действуют формой, внешним эффектом. Бесстыжее неприличие имеет убойную силу и действует сильнее рационального начала». (Девкин В. Д. Указ. соч. С. 31).

57. См. также: Елистратов В. С. Словарь московского аргю: Материалы. 1980–1994 гг. М.: Русские словари, 1994; Эдлис Ю. Похвальное слово... мату // Культура. 06.02.1993 и т. п.

ская этимологизация «мата» как «матёрого» языка, нутряного языка в собственном смысле.

Слышен, правда, снизу мат.
Ну так что ж такого!
Наповал, когда впопад
Матерное слово!
В нем матёрость, материк,
Вся мастеровщина.
Бронетанковый язык —
Наша матерщина!⁵⁸

Обыгрывается коренное, опорное, «материковое» начало этого языка.

Вытирая юшку с губы,
пряча в горле бессмысленный рык,
поднимается на дыбы
матерящийся материк⁵⁹.

Обыденное сознание тоже склонно мистифицировать матерное слово, подчеркивая его «перлокутивную» эффективность:

У моей подруги еще до войны муж по набору «двадцатипяти-тысячников» работал начальником МТС в дальнем колхозе. Она к нему часто ездила. На станции ее обычно встречал на телеге старичок. Так вот кобыла, в телегу запряженная, без матюга с места не двигалась. Так он просил женщину уши заткнуть, давал матерные указания лошади, и они ехали⁶⁰.

Но той же природы и страх перед матом, зачисление его в разряд социальной и бытовой низости, выражение человеческой заброшенности.

58. Айхенвальд Ю. Медитация о матерном слове // Айхенвальд. 1977. С. 118–119.

59. Михеев К. Памяти Алексея Жданова // Такая жизнь. 1995. № 1 (30). С. 10.

60. «Не вели казнить, вели слово молвить!» На вопросы обозревателя «Зари Молодежи» Владимира Акишина отвечает известный ученый-лингвист, профессор Саратовского государственного университета Ольга Борисовна Сиротинина // Заря молодежи. 20.02.1993. С. 6.

А повседневное ежечасное унижение грязью, черной пастью подъезда, где перебито всё, мат, через который идешь как сквозь строй, страх грабежа, нападения⁶¹.

В порядке сопряжения этого документа с вышеприведенным утверждением Бориса Парамонова о том, что наступил «pздец социализму», укажем на совсем иначе выраженное предчувствие этого события в начале перестройки, высказанное лингвистом и математиком Юрием Левиным:

Легко представить себе мир, описываемый перечисленной лексикой: мир, в котором крадут и обманывают, бьют и боятся, в котором «все расхищено, предано, продано», в котором падают, но не поднимаются, берут, но не дают, в котором либо работают до изнеможения, либо халтурят — но в любом случае относятся к работе, как и ко всему окружающему и всем окружающим, с отвращением либо с глубоким безразличием, — и все кончается тем, что приходит полный pздец⁶².

В широком диапазоне между страхом и восторгом за матерным высказыванием сохраняется, как мы видим, неприятная для современников и носителей языка смысловая константа: достоверность, подлинность, неважно — угрозы или раскрепощения. Эта константа является тем раздражающим фактором, который никого не оставляет равнодушным. И хотя нас интересует не эмоциональная оболочка, но социокультурный каркас явления, без фактора подлинности, достоверности невозможно было бы объяснить «матерную» встречу свободы в августе 1991 года.

Знаток «опальной словесности» В.Л.Гершуни так описывает не столь уж далекое 20 августа 1991 года, когда «люди с ровным характером в те дни не чувствовали достаточным наш словарный запас и выходили за его пределы, дабы полновесно воздать „этим блядам“, — такими словами закончил свою речь депутат из Петербурга Н.Аржанников на митинге у Белого дома, на который собрались сотни тысяч граждан». И это не единственный пример: вся Пушкинская площадь, узнав по включенному громкоговорителю о конце путча, дружно и долго скандиро-

61. Елена Б-на. Письмо на «Радио Свобода». 22.11.1992. Бремен. Архив. Ф. 13.

62. Левин. 1986. С. 71–72.

вала: «Пиз-дец, пиз-дец!!» Да и люди, которых не заподозришь в низком культурном уровне, — Мстислав Ростропович и Елена Боннэр — открыто употребили в дни августовского путча опальную лексику⁶³.

В предыстории этой встречи свободы — убежденность многих в глубокой русскости мата⁶⁴. Вместе с тем предполагается, что именно эта национальная сущность позволила мату сыграть роль объединителя и собирателя носителей других языков и культурных традиций.

Но сквернут ножи в руках
Вмиг у инородцев,
Если кто на языках
Ихних матюкнется, —
По-грузински или там,
Скажем, по-тунгусски.
Хочешь матом по мозгам —
Говори по-русски!
Как романс нетопыря,
Тускло и помойно,
Мат наш ухаает не зря
Басом дальнобойным⁶⁵.

Подчеркнуто коммуникативная функция русского мата по сравнению с чисто инвективной, бранной ролью других сквернословий «народов СССР» воплощает реальный низовый горизонт идеологического комплекса дружбы народов, или братства партий (литератур, кинематографий и др.).

В момент, когда были сняты все внешние запреты, появилась даже гипотеза русского мата как «международного знака космополитизма»; доступность и «печатность» русского

63. *Виркунен Т.* Мат: из жизни слова не выкинешь! // АиФ. 1996. № 33.

64. См. у драматурга-авангардиста: «Ты, бля, день не дай русскому человеку поматериться, другой день не дай, но на третий день он или с ума сбрыкнется, или с собой покончит, или тебя придушит, Дездемону, на хуй — не вечное наше терпение жидовское русское, блядь, мой хуй, жевать тебя, колотить, мать, сука, твою напополам» (*Волохов М.* Игра в жмурики. Сборник [пьес] // Глагол. 1993. № 2. С. 156).

65. *Айхенвальд Ю.* Стихи и поэмы разных лет. М.: Мемориал, 1994. С. 118–119.

матерного слова (как и всякого другого) в заграничной лексикографии и вообще издательской практике истолковывается как доказательство того, «что за границей русский мат давно нормирован печатью и другими средствами массовой информации»⁶⁶. К такому выводу автора этой гипотезы подталкивает незакрепленность матерной брани в «воинственно-русофильской», как он ее называет, поэзии⁶⁷. Остается, правда, не проясненным, каким образом нормирующая инстанция может находиться за пределами самой языковой среды.

Такие взаимоисключающие оценки подводят к простому выводу о принадлежности матерной брани одному всепримиряющему горизонту — свободе, беспредпосылочной свободе, суррогатом коей пробавляется носитель языка, в том числе и патриотически настроенный, в условиях литературной и социальной несвободы.

5. Матерщина — речевой контур свободы; идеологическая весомость матерного слова и его семантические составляющие: смешное, достоверное и опасное

Чем интенсивнее были попытки идеологии рекрутировать классическое наследие, вообще высокую культуру, в том числе культуру литературной речи, тем шире становилось поле применимости нецензурного языка. Язык, «искалеченный правильной жизнью»⁶⁸, обнаружил в матерном подполье свободу от лицемерия и подтекста.

66. Илюшин. 1991. С. 11.

67. «Идеям, претендующим на позитивность и созидательность, сквернословие едва ли органично, патриотическая же идея относится к их числу. Не так давно деревенщик Василий Белов пренебрежительно назвал эмигранта Василия Аксенова „матюкальщиком“. Это как же понять: певец русской деревни брезгует матерной бранью (богатством великого, могучего, правдивого и свободного)? В известном смысле, да. Наверное потому, что мат перестал быть специфическим русским явлением, на нем уже клеймо „масонства“ и позор всемирности» (Илюшин. 1991. С. 11).

68. Ерофеев В. Оставьте мою душу в покое. Почти всё. М.: Изд-во АО Х.Г.С., 1995. С. 303.

Прежде чем перейти к теоретическому осмыслению этого феномена, разберем сначала непосредственные исторические свидетельства идеологической валентности матерных слов. Обратимся к одной из многочисленных форм бытования матерного слова — к политическим частушкам — и рассмотрим место, занимаемое в них матерной составляющей.

[Сталин — император]

Ой, калина-ка́лина,
Khуй большой у Сталина,
Больше, чем у Рыкова
И Петра Великого⁶⁹.

[Ленин в Мавзолее]

Шел я мимо Мавзолея,
Из окошка вижу khуй.
Это мне великий Ленин
Шлёт воздушный поцелуй⁷⁰.

[герб СССР с серпом и молотом]

Слева молот, справа серп —
Это наш советский герб.
Хочешь жни, а хочешь куй,
Все равно получишь khуй⁷¹.

[Н.Хрущев — распространитель кукурузы в СССР (конец 50-х)]

Вышла б замуж за Хрущева,
Побоялась одного:

69. Частушки в современных записях // Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки / Сост. и научн. редакция А. Л. Топоркова. М.: Ладомир, 1995. С. 500. Автор частушки мог быть М. Д. Вольпин (1902–1988), перу коего принадлежит известная частушечная эпиграмма на Медного всадника (У Петра Великого / Близких нету никого. / Только лошадь и змея, / Вот и вся его семья), приведенная в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (1930); *Щеглов*. 1995. Т. 2. С. 598.

70. Житейские частушки '96 / Сост. А. Егоров. М.: Оникс, 1996. С. 255.

71. Житейские. С. 248.

Говорят, что вместо kхия
Кукуруза у него⁷².

[полет в космос первой женщины — Валентины Терешковой]

Валентине Терешковой
За полет космический
Наш Никита подарил
Khий автоматический⁷³.

[«Культурная революция» в Китае]

Полюбила khийвенбина⁷⁴,
На стене висит портрет.
Утром встала, посмотрела,
Khий висит, а бина нет⁷⁵.

[слухи о «летающих тарелках», или НЛО — неопознанных летающих объектах (с начала 60-х гг.)]

Над селом khийня летала
Серебристого металла.
Много стало в наши дни
Неопознанной khийни!⁷⁶

[из частушек о перестройке]

Перестройка, перестройка,
Я и перестроилась:
У соседа khий большой,
Я к нему пристроилась⁷⁷
К Горбачеву я приду,
Подарю ему pizdy.
Не для всяких глупых дел,
А чтоб на голову надел⁷⁸.

72. Житейские. С. 244.

73. Житейские. С. 249.

74. Хунвейбина.

75. Житейские. С. 55.

76. Житейские. С. 196.

77. Частушки в современных записях // *Топорков*. С. 453, 501.

78. Житейские. С. 243.

Нас јѐбут и там и тут
Коммунисты разные
Неужели мы от јѐвли
Сами станем красные.

Коммунисты нас јѐбали
Чуть не весь двадцатый век.
И до смерти зајѐбали
Миллионы человек.

Как на Крымском на мосту
Милицанер јѐбѣт блоху.
Он за что ее јѐбѣт?
Она без паспорта живет.

Мой милёнок — демократ,
Он читает самиздат,
Он јѐбѣт меня подпольно.
Хорошо, но очень больно⁷⁹.

У Якунина у Глеба
Кхуй все время смотрит в небо
И в парламенте путаны
Лезут Глебу под сутану⁸⁰.

Если встретишь коммуниста,
Подари ему гандон,
Чтоб случайно не наделал
Мудаков таких, как он⁸¹.

Прежде всего, бросается в глаза высокая активность матерной ассоциации и невозможность свести матерную брань к инвективной (оскорбительной) функции⁸². Оскорбление —

79. Житейские. С. 240–260; ср. подтекст: боль = арест, заключение под стражу (Балдаев. 1992. С. 31).

80. Житейские. С. 256.

81. Житейские. С. 241.

82. Подробнее об инвективе (оскорблении) и о матерной брани как выражении эмоций см. в работе: Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М.: Ладомир, 1997. Б. А. Успенский говорит о «вторичности» оскорбительной интенции, объясняя ее тем, что первична ритуальная функция мата: Успенский. 1983. С. 40–41; см. также Ермен. 1994. S. 66–67.

это лишь оболочка каждого высказывания. Вся же совокупность предложенных текстов отсылает к общественно-политическому сверхтексту, который одинаково хорошо известен и безымянным авторам, и их слушателям-исполнителям: в этом матерном сверхтексте недифференцированное множество политических вождей СССР присутствует в царстве истины, живет по законам «руководящего языка»⁸³.

«Khуй большой у Сталина» — не «оскорбительно» для вождя не только потому, что khуй у него в частушке «больше», чем у действующего главы правительства и даже чем у первого императора России. Перед нами — матерный псевдоним Сталина — «отца народов».

В сознании современников обценность Сталина как мотив увязывалась с двумя основными темами-страхами, поступившими в распоряжение читающей публики лишь в начале 1990-х годов. Одна тема — это страх опечатки Сралин вместо Сталин, — испытанный в 1930–1950-е гг. многочисленными машинистками и наборщиками. Объяснимый практически — близким соседством литер «т» и «р» в клавиатуре пишущей машинки, — страх этот соотносился с представлением о Сталине как грубияне-сквернослову: беря пример с Ленина, вождь любил вызвать смех грубым словом⁸⁴. В начале войны, накануне московской паники середины октября 1941 года, когда многие правительственные учреждения бежали из города, по Москве разнесся слух о словах Сталина, произнесенных на заседании Политбюро: «Ленин оставил нам великое пролетарское госу-

83. Ср. характерный анекдот 1960-х гг. «Диалог в отделе кадров»:

— Какими иностранными языками владеете?

— Тремями: русским простым, руководящим и матерным.

— Запишем, голубчик, двумями: руководящий и матерный — одно и то же.

Ср. возвращение этого анекдота в середине 1990-х гг.

— Какими языками должен владеть депутат Думы?

— Тремя: командным, матерным и русским со словарем.

(Анекдоты. Депутатский марафон. М.: Лана, 1995. С. 10.)

84. «Да, я груб, товарищи [...]», ИВС. Т. 10. С. 175; т. 10. С. 177; т. 10. С. 193–194. См. также: Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. Сборник документов. М.: Россия молодая, 1995. С. 161, 217 и мн. др.

дарство, а мы его просрали»⁸⁵. Сталин-[про]сралин и остался проговорочным кошмаром в подсознании советского человека вместе с частушечным Сталиным-ёбарем, обладателем большого кхня.

В русской литературной традиции обладателем самого большого члена является Лука Мудищев — герой матерной поэмы И. Баркова, об эвентуальной публикации которой А. С. Пушкин сказал, что та станет когда-нибудь первым и главным доказательством отмены цензуры и установления свободы слова в России. Не случайно и автором предисловия к первому серьезному изданию поэмы в бесцензурной России был приглашен один из бесспорных лидеров современной русской литературы, представитель поколения шестидесятников Андрей Битов. Обратившись в предисловии к советской истории восприятия Баркова, Битов погружается в воспоминания отрочества и, в особенности, опыта отдельного школьного обучения: оно было восстановлено Сталиным в рамках политики возрождения русской имперской государственности после второй мировой войны. Битов так формулирует единство своего тогдашнего идеологического опыта:

Барков и отдельное обучение — две стороны одного медалированного комплекса: профиль Иосифа Сталина и член Луки Мудищева. Не знаю, как там у других поколений, а мое уж точно трахнуто могучим орудием Баркова прямо по темеч-

85. Огонек. 1989. № 31; Жельвис. 1997. С. 52; имеет место вполне «сократическая» цепочка: документально зафиксировано сообщение Н. С. Хрущева, передавшего в свою очередь свидетельство адресата сталинского высказывания — Л. П. Берии. О словах Сталина говорили и в 1960-х гг., то есть до публикации воспоминаний Хрущева. В воспоминаниях Константина Симонова переданы слова Сталина, произнесенные тем во время встречи в Кремле с писателями в мае 1947 года. «У Петра были хорошие мысли, но вскоре налезло слишком много немцев, потом французы, было преклонение перед иностранцами, — сказал Сталин и вдруг, лукаво прищурясь, чуть слышной скороговоркой прорифмовал: — засранцами, — усмехнулся и снова стал серьезным» (Симонов К. Глазами человека моего поколения // Знамя. 1988. № 3. С. 59).

ку. Он загнал нам его в сознание под завязку, до самого подоснания, может, и прорвал его⁸⁶. Какой там Фрейд!..⁸⁷

Матерная символизация власти в жанре частушки продолжается и в отношении Хрущева: здесь оскорбительно опять-таки не употребление мата, но содержащееся в частушке осмеяние самого характера деятельности Хрущева, так сказать, употребление им органа власти не по назначению, в данном случае — растраниживание средств на «кукурузу» и «космос». Итак, и эта частушка воспринимается одновременно как смешная, достоверная и опасная.

И в других случаях, попадая в идеологический контекст, матерное слово знаменует достоверность суждения, а не только степень оскорбительности для слушателя и/или персонажа. Такова частушка о гербе, связывающая серп и молот с изображением колосьев на гербе СССР⁸⁸.

Таковы частушки о хунвейбинах — действующей армии «культурной революции» в КНР. Дело здесь не в насмешке над частыми проговорками советских политинформаторов, произносивших «хуйвенбин»; дело в том, что параллельно с официальной антикитайской пропагандой 1960-х гг. наметилась тенденция называть «хунвейбинами» и советских цензоров, вообще наиболее рьяных представителей официоза («Он у нас главный хунвейбин», можно было услышать в редакции журнала о главном у них охранителе устоев; см. также упоминание термина в этом значении в дневниках Корнея Чуковского⁸⁹).

86. Характерен этот неудержимый конкретный натурализм, выдающий в тексте Битова запись психоаналитического сеанса; ср. лагерную пословицу: «хорошие шутки — полкхия в желудке»; «о человеке, слишком поздно понявшем, что его надули» (Rossi, Jacques. The GULAG Handbook. A Historical Dictionary of Soviet Penitentiary Institutions. L, OPI. 1987; 2nd Edition: M.: Просвет, 1991 (под ред. Натальи Горбаневской). Т. 2. С. 440).

87. Барков И. Девичья игрушка. СПб., 1992. С. 177.

88. В подтексте частушки читается известное выражение угрозы: «серпом по яйцам».

89. «25.05.1968. В пять часов приехал ко мне Юрий Петрович Любимов, руководитель „Театра на Таганке“ — жертва хунвейбиновского наскока на его театр. [...] 12.07.1968. Вчера была Софья Краснова

Снова идея власти-ёбли и начальника-кхуя воплощается как смешное.

В частушке о культе неопознанных летающих объектов, распространившемся среди части научно-технической и литературно-художественной интеллигенции в середине 1960-х гг., матерное слово выражает не только ехидное сомнение (оболочка-оскорбление); оно здесь — идеологема бессилия интеллигенции, «не способной распознать кхуйни»⁹⁰.

Социальное достоинство перечисленных матерных частушек — в их очевидной неуязвимости: официоз не может вступить с ними в публичные прямые пререкания. Поскольку употребление «цензурной брани в общественных местах» есть противозаконное деяние, наказуемое преступлением, за исполнение и сочинение такого рода произведений полагается лишь кара. Риск необычайно повышает творческую активность. Помимо частушек в устной словесности бытуют сотни, тысячи анекдотов, прибауток, искаженных пословиц. Репертуар их ширится.

Совмещение уже названных факторов — смешного, достоверного и опасного — способствует хождению матерных жанров преимущественно в изустном исполнении. Массовая популярность этих жанров устной словесности обеспечена, конечно, не столько числом произведений, сколько их брутальным поэтизмом. В этом смысле, разумеется, не весь матерный «сверхтекст» входит в состав идеологического языка, хотя некие

с моим шестым томом. Хунвейбины хотят изъять из него: статью о Короленко, о Шевченко, „Жену поэта“ и еще что-то». Чуковский К. Дневники. Т. 2. С. 444, 451.

90. Соединение смешного, опасного и достоверного — это специфика именно матерного текста. Рассмотрим для сравнения тематически родственную частушку:

Как над нашим над селом
Аура зеленая:
Карма ехать в гастроним,
Покупать креплёное.

Здесь вместо матерных слов — модные лексемы из интеллигентского сверхтекста «восточная философия» (1970–1980-е гг.). Эффект насмешки (смешное и правдоподобное) достигается вне категории «опасного».

следы идеологической функции можно наблюдать и в самых скабрёзно-абстрактных матерных частушках типа:

Светит месяц над Варшавой,
Девки любят хер шершавый.
В Александровском саду

Я нашел в кустах ризду,
Шкурку снял, а мясо съел и т.д.

В идеологическом языке, на которомросло поколение Андрея Битова, вышеупомянутый «медалированный комплекс» под названием «профиль Сталина — khуй Луки Мудищева» постоянно воспроизводится в разнообразных жанровых формах.

Так, действуя в традиции революционного сокращения слов в общезначимые аббревиатуры, хохмачи могли соревноваться в создании акrostихов. Именно таков акrostих, вмонтированный петербургским поэтом Николаем Голем в стихотворение «Группа освобождения труда»:

Плеханов, Игнатов, Засулич, Дейч, Аксельрод...
— За меньшего брата!
Бестрепетно глядя вперед!
Хихикая хмуро,
За это родная страна
В аббревиатуру
Навеки свела имена.
В акrostих запрятав,
их помнит спасенный народ:
Плеханов.
Игнатов.
Засулич.
Дейч.
Аксельрод⁹¹.

Несколько десятилетий спустя перед глазами политического публициста пройдет череда сменяющих друг друга правителей СССР и России:

91. Раскин. 1994. С. 12.

Итак, сегодня мы видим уже единый ряд: лежащий в маразме
в Горках Ленин и правящая от его имени клика большевиков:
Брежнев, осуществляющая над ним пассы Джуна и
Мазуров
Устинов
Демичев
Андропов
Кунаев
И...

правлящие от его имени. И, наконец, все время опохмеляющий-
ся Ельцин и опять какая-то группка, решающая, как выгодней
и лучше приватизировать Россию⁹².

Масштабы бытования подобной словесной продукции
в советский период трудно установить даже приблизительно,
хотя, судя по личному опыту общения от Магадана до Таллин-
на, от Архангельска до Батуми, судя по граффити, сообщениям
многочисленных частных лиц, матерно-политическое словесное
творчество было весьма распространено в советской России⁹³.
Выход его на общественно-политическую сцену в годы пере-
стройки затушевывал специфические свойства обценного языка
в советское время, хотя бо́льшая часть публикуемых в 1990-
х годах сборников соответствующей тематики, журнальных
и газетных статей черпает свой материал в основном из непод-
цензурных советских источников. Посоветский политический
стиль ельцинского периода сделал эту советскую предысторию
рельефнее. В обстановке новой для России политической сво-

92. Громыко Ю. В. Стыки. Как перейти из одной системы обществен-
ных отношений в другую. Опыт религиозно-научно-методологиче-
ского самоопределения. М., 1993. С. 6.

93. Даже принципиальные враги матерщины вынуждены призна-
вать, что этот язык собственно заменяет русский для «части этноса»:
«Русских делает русскими, во-первых и в-главных, язык. Потому
что без языка, без настоящего русского языка, нет доступа к русской
культуре. Замечу, что та часть нашего этноса, для которой родным
является не русский, а матерный, считаются русскими лишь в силу
записи в паспорте и за неимением иных возможностей...» *Черемиси-
на М.* Заметки о русских и их отношении к другим народам, языкам
и культурам нашей страны // Рубежи. 1996. № 2. С. 135.

боды одновременно регистрируется партия РИЗДЕЦ⁹⁴, а президент страны обращается к соотечественникам с призывами не ругаться матом⁹⁵, уподобляясь в этом отношении своим предшественникам — русским монархам прошлого и позапрошлого столетия.

6. Начальственная искренность как матерная форма достоверности

Давно замечено⁹⁶, что матерщина — распространенное средство советского начальства эмоционально приблизить к себе подчиненных. Цензурным, или нормативным, соответствием этой практики предстает начальственное тыканье подчиненным, восходящее к двум источникам: внутрипартийному ты коммунистов и старорусской традиции разговора барина с холопом. Формула приближения с помощью матерного высказывания, произносимая во внутренней речи начальника, может быть представлена пассажем: ‘Если бы я не считал тебя своим, был бы другой разговор, казённый, да и оргвыводы последовали бы. Я же считаю тебя своим и готов предстать перед тобой в человеческой слабости: вот, видишь, матерюсь в твоём присутствии (или даже тебя самого матерю)’.

Литературных фиксаций такого рода случаев мало в силу своеобразной интимности происходящего:

получив еле-еле свой паспорт
в домработницы я подалась.

Мой хозяин — солидная шишка —
был не гад никакой, не злодей,

94. Обстоятельство, нашедшее уже и литературную разработку: «у каждого блока свое хобби — пиво с эмблемой пенной кружки [...], а одна фракция в поисках собственного названия настолько увлеклась, что сумела протащить аббревиатуру Прогресс и Законность. Демократический Единый Центр (читай газеты)» (Гусейнов Ч. Директория IGRA. М.: Издательский Дом Русанова, 1996. С. 124–125).

95. Reuters. Июнь 1997.

96. Гусейнов. 1989; в начале 1970-х гг. своими наблюдениями над этой практикой поделился со мной филолог Валентин Михайлович Максимов (Тихвин).

только чуяла я без ошибки:
он из тех телефонных людей.

Обходился со мною без мата,
правда, вместе за стол не сажал,
но на праздник Восьмого марта
мне торжественно руку пожал.
(«Нюшка», глава из поэмы «Братская ГЭС», 1964)⁹⁷

Обычно ни один из участников не заинтересован в разглашении реального речевого контура подобного взаимодействия⁹⁸. В целом, эти повседневные матерные речевые практики оцениваются по-разному и самим начальством истолковываются обычно как способ повысить доходчивость сообщения. Так, когда после перестройки впервые появилась возможность задавать бывшему начальству вопросы о его речевых предпочтениях, М. С. Горбачев объяснился по поводу приязни к матерному слову В. С. Черномырдина, только что назначенному тогда премьер-министра России. Корреспондент «Литературной газеты» поделился с М. С. Горбачевым своими сомнениями относительно деловых качеств нового премьера:

— Вы симпатизируете Черномырдину. Меня его назначение удручило не по политическим и не по экономическим при-

97. Евтушенко Е. Моё самое-самое. М.: ХГС, 1995. С. 213.

98. См., например, эпизод из воспоминаниях партийно-хозяйственного работника 1960-х — 1980-х гг.: «Как-то вызвал он [Л. С. Максаков, председатель радиокомитета] меня „на ковер“. Воспитательный раунд затянулся. Осторожно приоткрылась дверь в его кабинет, и в образовавшейся щели появился, едва протиснувшись, Иван Иванович Говалло, начальник технического управления комитета, интеллигент до мозга костей. Максаков опустил очки на кончик носа и спросил:

— У меня в приемной народу уже, наверное, до черта? (Набор слов был, понятно, не такой)

Я смотрел на Ивана Иванович и ждал, как он ответит. Держа в вытянутой руке папку с документами, он деликатно произнес:

— Примерно около того.

Я рассмеялся, а Максаков, даже не улыбнувшись, спросил меня:

— Что это с тобой?»

(Квок Д. Это было недавно... Это было давно: Рассказы москвича. М.: Луч, 1994. С. 277)

чинам. Скорее, по филологическим. В одном из своих первых телеинтервью в самолете по пути в Алма-Ату новый премьер как одно из своих положительных деловых качеств отметил умение крепко и громко ругаться на подчиненных.

[М.С.Горбачев:] — Это он сам отметил? Ну да, он строитель, на ветру оно так доходчивее⁹⁹.

Любопытно, что, не будучи, возможно, матерщинником, Горбачев все же объявляет властный мат более доходчивым, понятным для подчиненных и подвластных.

Кроме функции приближения к начальству, отметим функцию добровольно включенного «детектора лжи». Эпизод инсценирования самозабвенного выбалтывания правды на матерном языке в присутствии начальства или в предположении, что разговор будет обязательно записан и прослушан начальством в записи, приводит в своем дневнике Юрий Нагибин.

18.10.1983. Разговор с [Н. Т.] Сизовым [генеральным директором «Мосфильма»] о «Рахманинове» [сценарий художественного фильма, режиссером которого должен был стать Андрон Сергеевич Михалков-Кончаловский]. За день до этого — странный звонок Сергея Михалкова. Смысл звонка в том, чтобы я канителлил как можно дольше со сценарием. Видимо, тянуть надо около двух лет, чтобы его успели переизбрать на съезде писателей. С сыном-беглецом он провалится, а с сыном, работающим над новым фильмом, да еще о Рахманинове, — спокойно пройдет. Совершенно неожиданно Сизов сказал, что решили дать Андрону постановку без всяких предварительных условий, т. е. без обмена его вольного паспорта на общенародную «крепость». «При сложившейся ситуации... — бормотал Сизов. — Тарковский, Любимов¹⁰⁰... куда же еще!.. Пусть поставит картину, там видно будет!..»

Мудрое решение. Слишком мудрое, чтоб осуществиться.

Реакция [Михалкова], которому я позвонил вечером, была непонятна. Он стал разговаривать, как пьяный конюх, с матом — в адрес шалуна-сына, его парижской семьи и т. д. Это было

99. Горбачев М. Если власть сохраняет обязательства перед народом, она не должна бояться новых выборов // Литературная газета. 03.02.1993.

100. Андрей Тарковский и Юрий Любимов жили тогда фактически в эмиграции.

совсем не похоже на первый — сдержанный и любезный — разговор. Алла [жена Ю. Нагибина] догадалась потом, что всё это предназначалось для других ушей, ведь я звонил к нему на дом. Мат выражал его гражданский пафос и вместе — давал выход восторгу. «Пусть ставит настоящий фильм, мать его, а не всякое говно! Что он там навалял, в рот его так, какую-то видовуху сраную. Хватит дурить, работать пора. Не мальчик, в нос, в глаз, в зад, в ухо его!..» Это всё о блудном сыне. Библейское возвращение блудного сына решалось в другом ключе. Кстати, тут возвращения так и не состоялось (мудрое решение отменили), и Михалков не смог возложить руки на запаршивевшую голову странника-сына и омыть ее жидкой слезой из ослепших от горя глаз¹⁰¹.

Собеседники — Нагибин и Михалков — в нормальном разговоре, не будучи приятелями, едва ли широко пользовались матом. «Как пьяный конюх» заговорил Михалков для Нагибина в тот момент, когда он подверг матерным поношениям собственного сына. Нагибин воспринимает эскападу Михалкова как инсценировку благородного родительского гнева: поэт и автор слов гимна СССР обращается к невидимым третьим свидетелям беседы — представителям госбезопасности и партийного аппарата: 'Я вышел из себя, я больше не контролирую свою речь: живое чувство гнева на сына вырывается из моих уст отца и советского поэта. Я скажу свое последнее отцовское слово, и сын покорится'.

Вместе с тем, конечно, и для Нагибина матерная речь Михалкова отчасти оскорбительна: не будучи адресатом брани, Нагибин как потенциальный автор сценария находится в известной зависимости от успеха михалковского дела и принужден подыгрывать выходке Михалкова-старшего. К Нагибину тирада Михалкова обращена контрастом между «сановником» первого и «конюхом» второго телефонного разговора и могла быть истолкована примерно так: 'Прости уж, но такие дела, что по-другому я сейчас говорить не могу!' То обстоятельство, что Нагибин ощущает речь Михалкова как отчасти оскорбительную для себя, передается сарказмом завершающей тирады, с ее библейским культурным фоном.

101. Нагибин Ю. Дневник. М.: Книжный сад, 1995. С. 518–519.

Таким образом, участники разговора (оба писателя и прослушивающий, как им обоим казалось, их разговор человек «сверху») получают каждый свое сообщение из трех разных подтекстов одного матерного высказывания. Но в глазах начальства матерная коммуникация меж братьями-писателями — это и часть другого контекста, а именно — артистического мата.

7. Артистический мат

Феномен артистического мата нельзя обойти потому, что именно артист, художник, постоянно работающий со словом звучащим, интуитивно извлекает ключевое речение из повседневности и возвращает его современникам уже в качестве поведенческой инструкции, пусть полусознанной или экстравагантной. Перекройка любого, в том числе — идеологического, материала лежит в природе творчества, да и само формирование идеологии как социокультурного явления это тоже в определенном смысле — продукт артистической творческой деятельности. Громадная литературная продуктивность Маркса, Ленина или Троцкого в не меньшей степени обусловила «оргию слова» (Вальтер Шубарт), царящую в тоталитарном государстве, чем массовая жажда политического действия у низших, угнетенных слоев общества.

На стадии вступления в новую эпоху мат и мог восприниматься как символическое выражение полного освобождения от «старого режима» с его традицией разделения речи на разрешенную цензурой и нецензурную. Заметным делало этот процесс живейшее участие в нем интеллигенции, особенно — писателей и артистов. Из множества документов эпохи приведу свидетельство Ивана Бунина:

2 марта 1919.

Новая литературная низость, ниже которой падать, кажется, уже некуда: открылась в гнуснейшем кабаке какая-то «Музыкальная табакерка» — сидят спекулянты, шулерá, публичные девки и лопают пирожки по сто целковых штука, пьют ханжу из чайников, а поэты и беллетристы (Алешка Толстой, Брюсов и так далее) читают им свои и чужие произведения, выбирая наиболее похабные. Брюсов, говорят, читал «Гавриилиаду»,

произнося все, что заменено многоточиями, полностью. Алешка осмелился предложить читать и мне, — большой гонорар, говорит, дадим.

«Вон из Москвы!» А жалко. [...]

22.4.1919.

Город [Одесса] чувствует себя завоеванным каким-то особым народом, который кажется гораздо более страшным, чем, я думаю, казались нашим предкам печенеги. А завоеватель шатается, торгует с лотков, плюет семечками, «кроет матом»... [...]

Одна из самых отличительных черт революций — бешенная жажда игры, лицедейства, позы, балагана. В человеке просыпается обезьяна¹⁰².

Когда период революции закончился, язык не только вернулся в традиционные рамки, но и подвергся цензурной «чистке». Официальной политикой в отношении речевой практики населения стал пуризм. Никаких публичных читок (как, впрочем, и никаких «Музыкальных табакерок»), подобных тем, что описаны у Бунина, с конца 1920-х гг. уже быть не могло. Артистический мат ушел во второй план речи, но сохранил свою силу в подтексте. Будучи абсолютно закрытым для публичного (устного или письменного) высказывания, матерный подтекст оставался и своеобразным немым художественным средством, и двуострым (амбивалентным) зна́ком: для одних носителей языка это был знак определенной гражданской позиции, более или менее чуждой режиму; для других — словесное выражение цинизма, правдивый повседневный самоотчет в неискренности. Условную границу перехода от революционной раскованности к раннесоветскому ханжеству можно провести по 1925 году, к которому относится известный эпизод первой всесоюзной конференции пролетарских писателей (январь 1925):

На четвертый или пятый день съезда разыгрался скандал. Выступавший как представитель ЦК Партии Лев Сосновский, говоря о всевозможных литературных уклонах, хотя и не назвал имени, но бросил фразу, явно направленную против Маяковского:

102. Бунин И. А. Окаянные дни // Бунин И. А. Собр. соч. Т. X. Берлин: Петрополис, 1935 С. 32, 72.

— Есть у нас и такие поэты, которые вместо «рыдания матери» пишут «рыд матерный».
[...] Маяковский вышел на сцену, где сидел президиум съезда:
— Прошу слова!
Но председательствующий в тот день Демьян Бедный отказал:
— Вы не делегат съезда!
— Тогда я спрошу съезд, желает ли он меня выслушать.
По залу прокатилось — «желаем». Своим правом Маяковский воспользовался в полной мере. Попало от него и Сосновскому и руководителям печати. Закончил свое выступление он так:
— Я не знаю, насколько понятен или непонятен «рыд матерный», но приведу вам строки поэта, который имеет патент пролетарского.
И он процитировал сплошь «мифологическую» строфу Демьяна Бедного. Генерал от литературы и — в ту пору — единственный кремлевский поэт рассвирепел:
— Эту шантрапу надо гнать отсюда, — заорал он, уже не выбирая выражений...
Маяковскому пришлось оставить зал заседаний...¹⁰³

Как видно, политическое содержание эпизода невозможно отделить от конфликта языкового: за спором о языковой форме — отчетливое противостояние вельможного партийного лицемера и несколько наивного борца за пролетарскую правду. Маяковский пытался нарушить правила игры, сломать границу между матерной привилегией начальства, играющего в народность, и артистическим вольным матом простонародья. Сделать это ему не позволили, а впоследствии и вовсе ограничили хождение мало-мальски пряных слов в литературе и публицистике.

В приводимых ниже примерах, взятых из воспоминаний популярного советского артиста Михаила Козакова, эпизод с актером Грибуниным падает на вторую половину 1930-х гг. и передается автором как известное театральное предание.

Иногда и на сцене, и в жизни актерские хулиганства есть некий протест против многозначительного серьёза пуристов

103. Гавв Арк. Дважды потерявший себя [воспоминания о Вл. Маяковском] // Литературный современник. Журнал литературы и критики. Мюнхен. 1952. № 3. С. 74–75.

и ханжей от искусства. [...] Когда один из основателей старого МХАТа Грибунин играл разного рода купцов в пьесах Островского, он любил прямо на сцене легонечко, еле внятно, пустить матюшком, столь непременным для его персонажей. Кажется, в роли Курослепова к реплике выходившего из жуткого похмелья купца: «Небо валится!» — добавлял: «Jeb твою мать, небо валится!» Зал грохотал от смеха, но мат слышали только партнеры. А три тогда молоденькие актрисы-интеллигентки, будущие народные артистки всего СССР решили настучать про хулиганство Грибунина Станиславскому. Константин Сергеевич вызвал Грибунина для разговора. Но последний, со свойственной ему верой в предлагаемые обстоятельства и убежденностью, объяснил Станиславскому, что этот мат — лишь второй план, что ничего подобного вслух он себе на святых подмостках позволить не мог, — но в подтексте, вторым планом было. Станиславскому эти доводы показались убедительными, и он отпустил Грибунина с миром.

Тот, выйдя из кабинета Станиславского, обнаружил в предбаннике молоденьких доносчиц, которые с нетерпением ожидали Грибунина. Они были уверены, что их коллективный донос даст нужные результаты. Каково же было их удивление, когда из кабинета Станиславского вышел бодрый старик Грибунин и, проходя мимо своих доброжелательниц, бросил им тут же мимоходом: «Ну что, різдюшки, нажаловались?»¹⁰⁴

Истолковывая артистический мат как актерское хулиганство, Козаков указывает на два важных обстоятельства: публичное сквернословие в 1930-е годы уже является правонарушением; как подтекст, или «второй план», диктуемый «предлагаемыми обстоятельствами» (терминология «системы Станиславского»), мат приемлем в артистическом мире. В отличие от революционной матерщины, в пределе воспринимаемой как разнузданность дорвавшейся до власти обезьяны (бунинский 1919 год), артистический «матюшок» советского времени — часть эстетики подтекста, продолжающей в новую эпоху старую русскую традицию так называемого «кукиша (фиги) в кармане»: незаметной для режима критики режима. Этот же тип речевого поведения, возбуждающий эсхрофемизм, наблю-

104. Козаков М. Актерская книга. М.: Вагриус, 1996. С. 411.

даем в поэме Георгия Оболдуева «Устойчивое неравновесье» (1934):

Вы думаете, чудеса, милсдарь?
Молодцы, что такое ду-ма-е-те.
Идите в звязду. Звизда?
Много туды сунуто. Остатки? — Суньте и те¹⁰⁵.

Как часть эстетики подтекста мат становится атрибутом мужества, постепенно складывается мода на него, он делается неременной составляющей мужского микрогруппового общения. В эссе подростка послевоенного времени пунктирной линией показано нарастание матерной эстетики повседневности:

[С 1945] Трофейный Харлей с коляской движется пируэтами. Свернул в переулок и подпрыгивает на булыжниках. Принято матюгаться. Пацаны от скуки пускают «блинки». [...] Золотые коронки штабиста. Наследие тёмного прошлого. Отборный мат. Картофель в «мундире». Большой начальник! [...] Хризантемы — цветы на японском халате! У крестьян паспортов нет! Махровая матерщина. Паханы «держат мазу». Хозяйки к празднику моют окна¹⁰⁶.

Динамика советской послевоенной матерщины представлена здесь на фоне других знаковых бытовых мелочей по схеме:

- отдельные матерные высказывания как дань моде («принято матюгаться»);
- мат, применяемый как элемент красноречия («отборный мат»);
- мат, превратившийся в бессодержательную речевую смазку («махровая матерщина»).

В контексте нашей темы важно осознание современным функцией матерной речи в культуре как элемента эстетики повседневности. Новым в это сердцевинное советское время — война и первые послевоенные годы — становится именно пространство артистического, или интеллигентского, мата

105. Оболдуев. С. 88.

106. Белков В. Финикийский хулахуп (дек. 1979) // Камера хранения. Вып. пятый. СПб. — Франкфурт на Майне, 1996. С. 130–132.

как культурного жеста. На это указано и в другом достоверном историческом источнике — опубликованном лишь в 1990-х гг. дневнике С. М. Эйзенштейна.

Увлечение фольклором [в словаре Эйзенштейна — эвфемизм матерщины — Г. Г.] давно уже укрепилось как признак хорошего тона среди широких слоев советской интеллигенции, литераторов и литературоведов¹⁰⁷.

И следующее поколение деятелей культуры восприняла эту традицию внутрицеховой раскрепощенности, или — глядя на нее под иным углом зрения — разнузданности¹⁰⁸. Рассмотрим подробнее лежащий в той же традиции девиз молодых актеров-шестидесятников:

Был тогда [в конце 1950-х — начале 1960-х гг.] у молодых современниковцев [артистов театра «Современник»] хулиганский девиз, благодаря которому удавалось иногда вдруг многое совершить, девиз, призывавший к конкретным действиям в любой обстановке, спасавший от рефлексии, не позволявший долго размышлять и сомневаться: «А khули?»¹⁰⁹

Итак, в подтексте артистического матерного слова носитель языка видит следующие подразумеваемые концепты:

- ‘раскрепощенность’ («хулиганство»);
- ‘свободу от рефлексии и сомнений’;
- ‘действенность’.

Наличие языкового горизонта, куда можно было обратиться за искомыми свойствами (пусть и в гомеопатических

107. Эйзенштейн. 1946. Т. 2. С. 134.

108. Ср. послевоенную характеристику матерного языка как «броне-танкового слова» у Юрия Айхенвальда (Медитация о матерном слове // Айхенвальд. 1977. С. 118–119).

109. Козаков. 1996. С. 117; эту кратчайшую формулу можно передать стихотворной строчкой Ф. Сологуба: ‘кто нам, дерзким, руки свяжет?’; полная формула современниковского девиза: «Хули нам, красивым бабам?» («ироническое присловье, причем чаще используется мужчинами для придания особого иронического оттенка. Смысл его: мы тоже можем жить красиво, на широкую ногу» [Сидоров А. Словарь современного блатного и лагерного жаргона (южная фея). Ростов-на-Дону: Гермес, 1992. С. 176]).

дозах), — предопределяло грядущий взрыв матерной речевой активности в обстановке слома существовавшего режима. В начале 1990-х гг. появляется эпиграмма на новую русскую демократию:

Нам демократия дала
Свободу матерного слова.
Да и не надо нам другого,
Чтобы воспеть ее дела.

Общество двоемыслия, общество официального пуризма, которое готово было терпеть простонародный мат как выражение культурного уровня социальных низов, переживало восхождение артистического мата в годы перестройки и после нее как вызов самой поведенческой парадигме двоемыслия. Но официально-либеральный и официально-почвеннический варианты пуризма по-разному понимали этот вызов.

Я бы сказал так: берегите мат! Охраняйте его от поглощения литературой! Этот выдающийся национальный феномен заслуживает того, чтобы жить самостоятельной жизнью. Культурная интеграция убийственна для него¹¹⁰.

Что это за самостоятельная жизнь, однако, не уточняется.

Почвенник видит в расширении применения мата угрозу устоям народной жизни с ее привычной и удобной сегрегацией «высокого» и «низкого», «официального», «белого», праздничного существования и «подпольного», «черного», будничного прозябания:

Всюду этот, сердитый. Всюду мат-демократ.
Пять свечей поминальных у стенки стоят.
Если снайперы в танке,
Спи спокойно, Останкино [...] ¹¹¹.

110. Волгин И. Печать бездарности. Пуризм и вопросы языкознания // ЛГ. 25.08.1993.

111. Самченко Е. (Солнечногорск). Всюду этот, сердитый... // Наш современник. 1994. № 6. С. 99; стихи написаны по следам октябрьских событий в Москве 1993 года.

Либерал-западник, наоборот, видит в мате не завоевание демократии, но лишь обнажившееся подпольное сознание официоза:

Прекратились лауреаты, секретари, герои,
массовые протесты и всенародные подъёмы.
Остался мат, лай собак, визг женщин,
прибой грязных волн о грязный берег¹¹².

Снятие границы между полями разрешенного и вольного слова вталкивает в общее пространство свободы все социальные слои, смешивая простонародный («плебейский») мат с артистическим («культурно обусловленным», «матом-цитатой»). Из этой смеси возникает новая речевая реальность, в которой матерный язык и может символизировать самое демократию. Сохраняя демократическую установку, некоторые писатели предлагают защитить матерный слой языка от чрезмерного употребления — как некое меньшинство, которое будет лучше чувствовать себя в резервации. Так, писатель Юлиу Эдлис, объясняя, почему «в твердыне» его «убежденной антиматерщинности была пробита брешь»¹¹³, признается, что с расширением публичности матерного словоупотребления непредсказуемо меняется вся система языка. Бывший «идеологический антиматерщинник» в момент гибели официальной идеологии становится идеологом спасения-изоляции матерщины. Такую эволюцию пережили в годы перестройки и после нее многие носители языка.

Если бы языковые процессы проходили изолированно друг от друга, можно было бы целенаправленно воздействовать на них. Но трудность в том и состоит, что, согласно распространенному мнению, матерный язык вторгся в открытый речевой поток поссоветского культурного общества в порядке компенсации идеологического вакуума. То обстоятельство, что общество поджидало нового наполнения для этого вакуума с другой

112. Жванецкий М. «Нет больше Родины и Народа.. // Известия. 04.02.1995.

113. Эдлис Ю. Похвальное слово... мату // Культура. 06.02.1993.

стороны¹¹⁴, свидетельствует лишь о неузнанности в нецензурном, обсценном слое языка усвоенной им за советское время идеологической семантики¹¹⁵.

Те носители языка, что противостояли советскому режиму и считали свой мат частью «государственной крамолы», видят в массовом матерном языке новой, небывалой бесцензурной эпохи «опошление и обесценивание» того, что, как им теперь кажется, было «эксquisite национальной валютой»:

Русский мат проделал на глазах нашего поколения отрицательную эволюцию; мы были современниками его расцвета и стали свидетелями его деградации. Матерная брань как эффективное выразительное средство, унаследованный от предков изысканный архитектурный мат поблек и распался, уступил место ленивому словоблудию, утратил эмфазу и эмоциональность, выродился в систему вялых междометий и хуже того — в набор ничего не значащих слов-паразитов, в слабоумное «бля, бля». Где они, виртуозы матерщины, вдохновенные импровизаторы, которых я знал в лагере, у которых учился? Где эти самородки, мастера ажурных многоэтажных конструкций, хранители и эстеты мата? Беззубая ругань сделалась достоянием пьяниц, стала худшим образцом полнотеленораздельной речи, идиотическим сотрясанием воздуха, ибо она утратила всякий смысл и резон: то, что теперь называется матом, — это какой-то песок между зубами, какое-то безостановочное слюнотечение. Рафинированный тюремно-лагерный мат (неко-

114. О направлении ожиданий интеллигенции дает хорошее представление высказывание Юрия Карякина, одного из известнейших перестроечных публицистов: «Мы думали 7–8 лет назад: вот опубликуют „Один день Ивана Денисовича“, „Архипелаг ГУЛаг“, „Оканные дни“ Бунина, „Несвоевременные мысли“ Горького, и мы будем в раю. Но вот всё это опубликовали, и еще многое другое. А мы — в аду». Действительно, ни один из перечисленных текстов не стал в посюветской России культовым (цит. по: Гусейнов. 1997. С. 145–146).

115. Даже у автора одного из первых посюветских исследований «лексического сопротивления тоталитарному языку», или языку идеологии, не хватает духу цитировать тексты, составляющие предмет работы. «Губерман часто употребляет [в своих „дацзыбао“ или „га-риках“ — сатирических авторских частушках. — Г. Г.] нецензурные слова, скорее всего, как средство языкового протеста. На месте этих слов мы ставим многоточие» (Купина. 1995. С. 132).

торое представление о нем может дать известный словарь-справочник Жака Росси) разлился по стране, словно лопнула фановая труба, но с тех пор, разведенный и разжиженный, ставший общенациональной речью, опошлился и обесценился. Интеллигенты, выдающие себя за блатарей, и чиновники, подражающие интеллигентам, сопляки-дошкольники, окололитературные дамы, древние старухи матерятся по привычке, без зазрения совести, точно сплевывают на пол¹¹⁶.

Итак, общим знаменателем матерного дискурса оказывается его вторичная тривиализация в обстановке полной языковой свободы и, таким образом, сохранение за матом высокого идеологического статуса. Те, кто признавали этот статус втайне, но ханжески отвергали публично, объявляют неподцензурный мат воплощением демократии. Те, кто употребляли его втайне как эстетическое достояние свободы, отрицают право на мат за «толпой» и «сопляками». Те, кто отрицали мат во всех видах, готовы перед лицом суровой реальности поступиться своими принципами, но хотели бы получить от носителей языка гарантии «умеренности» в дальнейшем употреблении ими мата.

Идеологическая сила мата по-прежнему состоит в том, что он кажется носителям языка возможным предметом воздействия, общественным орудием, пользователями которого должны и могут быть особым образом подготовленные и допущенные к мату лица.

8. Матерные идеологемы — теневой репертуар идеологического языка

В своем качестве последнего разоблачителя матерный язык является фундаментальной составляющей идеологического языка. Развивая опыт досоветского бытования, он и в советское время обеспечивал носителей языка ключевыми идеологемами-формулами лагерно-тюремного существования. Такие фразеологизмы подневольного опыта, как *не жebут — не подмахивай, нам, татарам, одна кхий — что жebать подтаскивать, что ёбаных оттаскивать, на хитрую жопу — кхий с винтом, кхием груши околачивать, кхии валять и к стенке приставлять, пьет все, что горит*,

116. Хазанов Б. Экология мата // Литературная газета. 02.02.1994.

жебет все, что движется (вариант: *все, что дышит*)“, — образуют низовой pendant официальной идеологии, альтернативный репертуар ее прописных истин.

Фрагмент этого репертуара, сложившийся вокруг понятия ТРУД, предлагается в таблице; источники — «Архипелаг ГУЛаг» А. И. Солженицына¹¹⁷, словари Жака Росси¹¹⁸, Д. С. Балдаева и соавторов¹¹⁹, словарь А. Сидорова¹²⁰, антология Н. Дронникова¹²¹, архив автора. В левом столбце представлены лозунги и официальные идеологемы важнейшего воспитательного учреждения — зоны (всем другим названиям тюрьмы и лагеря — исправительно-трудовое учреждение, исправительно-трудовая колония и т.д. — я предпочитаю этот принятый в литературе кратчайший термин). В правом столбце — «трудовые» лозунги и идеологемы «воли». В среднем столбце представлен коллективный «ответ» на идеологический вызов «зоны» и «воли» — и подневольного «исправительного» труда и «созидательного свободного труда советских людей».

Лозунги и официальные идеологемы зоны	Лозунги и официальные идеологемы воли	Теневые идеологемы на стыке зоны и воли
давай-давай! Быстро-быстро!	даёшь! Пятилетку в четыре года!	Давай-давай давно кхуем подавился! Давай-давая выјебли и сушить повесили. Быстро только кошки жебуются да слепые родятся.
На свободу с чистой совестью	Совесть — лучший контролер	Где была совесть, там кхуй вырос.
Заклученный — активный участник социалистического строительства	Мы придем к победе коммунистического труда!	Нам татарам — одна кхуй: что жебать подтаскивать, что ёбанных оттаскивать.

117. Архип. 1973. Т. I. С. 38, 66.

118. Росси. Т. I. С. 32, 73, 95, 269.

119. Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М.: Края Москвы, 1992.

120. Сидоров А. Словарь. 1992.

121. Дронников Н. Страна Мурляндия. Иври. 1985 (без пагинации, с иллюстрациями).

Через честный труд — к досрочному освобождению!	Труд для народа — счастье!	День кантовки — месяц (вариант: год) жизни
Осваивай смежные профессии	Осваивай смежные профессии	Не јебут — не подмахивай!
ТФГ (тяжелый физический труд) — помета на личном деле заключенного	Позор лодырям и прогульщикам	Без туфты и аммонала Не построили б канала (имеется в виду Беломорско-Балтийский канал)
Туфта (тухта) — опаснейшее оружие контр-революции	Социализм — это учет и контроль (Ленин)	СССР стоит на мате, туфте и блате. Блат выше наркома (вариант: Совнаркома). Карандаш накормит.
Дойти до социализма!	Мы придем к победе коммунистического труда!	Доходяга — умирающий от непосильного труда и психически истощенный заключенный.
Мир, свобода, труд!	Мир, труд, май!	Цитата из В. Маяковского превратилась в лозунг, вывешиваемый в СССР на майские праздники (1–2 и 9 мая); в постмодернистском стёбе лозунг подвергнут обценному переосмыслению; так, в рассказе Виктора Пелевина «День бульдозериста» «языковые конструкции вроде „одномайственно“ (намек на „однокласснически“), „май его знает“ (вместо <i>khui ego znayet</i>), „мир твоему миру“ или „май твоему урожаю“, не только не уничтожают прежнего значения слова, но сообщают ему еще одно — дополнительное. Поэтому огромные красные слова МИР, ТРУД, МАЙ украшают серые фасады Уран-Батора в то же самое время, как уранбаторские матери отчитывают под ними детей за «нехорошее» слово „майский жук“» (Александр Антонов (Киев). «Внутренние языки» Пелевина и Кима // Литературные новости. 1996. № 5 (61). С. 12.
Субботник	Субботник, Ленинский коммунистический субботник	По субботам — не работам, а суббота — каждый день!

Жить и работать. Кто не работает, тот не ест	Жить и работать; жить и работать по-ленински; кто не работает, тот не ест	Жить будешь, жеваться (варианты: жениться, пить, чайку попить) — никогда (вариант: не захочешь!) Работа не khуй — может сутки простоять.
баланда, пайка, норма	трехразовое питание; норма	суп из трех залуп [объяснение А. Сидорова: «в лагерном супе мясо разваривается, а шкурки иногда остаются» (указ. соч., с. 174)]; суп кандей из бараньих мудей; суп рататуй — кругом вода, посередке khуй
положено — не положено	положено — не положено	— А мне положено! — А положенных и jebут!
СССР	СССР	Спальная, столовая, сортир, работа

Вот, например, как увязывается это противопоставление в конкретном дискурсивном опыте радиожурналиста в прямом эфире (Андрей Черкизов, «Эхо Москвы»):

Была такая профессия, обязательная для всякого гражданина СССР, — строитель коммунизма. Известное дело, грамотный народ незамедлительно отреагировал на такой вот обязан: «хочешь — жни, а хочешь — куй, все равно получишь... нуль» [в оригинале — *орден*, подразумевается рифмуемый *khуй*]. И не строил ровным счетом никакого коммунизма, положил на него с прибором [в оригинале: *khуй*], особенно тонко подметив, что работа — не причинное место [в оригинале: *khуй*], сто лет стоять может¹²².

9. Оттепельный мат — между «вельможами» и «шестидесятниками»

С одной стороны, матерные слова противостоят официальным идеологемам как 'живое' — 'мертвому'. Именно в этом качестве — как символ прорыва к свободе — они проникли в литературу периода хрущевской оттепели. Но с другой стороны, как инструмент «вельможного» хамства (В. Камянов), они принадлежат и власти. Оттепельный мат — объединительный символ

122. Эхо. 11.07.1995. С. 345.

сурового стиля, воспринимаемый современниками как общее движение эпохи к свободе.

Так, наблюдая снятие последних языковых табу в начале 1990-х гг., критик Сергей Чупринин перечисляет общим списком самые известные случаи попадания мата в общественный дискурс эпохи первой советской оттепели в начале 1960-х:

Протечки, конечно, и раньше случались. То Никита Хрущев, разгораясь, сказанет с трибуны что-либо этакое, и сказанное, не дойдя до эфира, до газетных полос, начнет кочевать по Руси в изустном изложении¹²³. То Александр Солженицын насытит речь персонажей «Одного дня Ивана Денисовича» чуть-чуть графически (но не фонетически) видоизмененными словами известного рода¹²⁴. То Василий Шукшин восхитит миллионы соотечественников своим чудачком на букву «м». То Валентин Катаев напечатает роман, который если чем и запомнился, то разве только «жопой»¹²⁵, крупно, нахально выделенной в строгой «новомировской» гарнитуре... Но то и были протечки...¹²⁶

Может показаться странным, что вельможная брань первого секретаря ЦК КПСС попадает в один список с повестью А. И. Солженицына¹²⁷. Это, однако, не каприз автора. В горба-

123. Имеются в виду слова, сказанные Хрущевым в 1959 американскому вице-президенту Р. Никсону: «Мы вам еще покажем кузькину мать».

124. Самая известная находка такого рода в повести — *фуй* вместо *khuy*.

125. О значимости этого казалось бы ничтожного обстоятельства говорит его сохранность в памяти современников десятилетия спустя. «В. Катаеву дозволено к печатному употреблению слово жопа» (Левин. 1986. С. 61). Заметим, впрочем, что задолго до Катаева такое разрешение на «жопу» получил Федор Парфенов (в романе «Бруски»).

126. Чупринин С. Прогулки с Пушкиным по садам неизящной словесности // Столица. 1993. № 14. С. 52. Любопытно применение автором коммунального термина «протечка», обозначающего определенную пространственную иерархию: верхние соседи «протекают» на нижних, а не наоборот.

127. Недавно опубликованные отрывки из дневника известного новомировца, Владимира Яковлевича Лакшина, свидетельствуют о том, что наравне с главной темой Солженицына сама стилистика

чевское время люди, помнящие Хрущева, в первую ложку свободы бросили читателю брань как изюминку политической риторики тогдашнего главы СССР.

Когда кричит о себе поэтика абстракционизма, примитивизма, психопатологизма, неоавангардизма, и он, наш партвельможа-мусaget, на них, как водилось, гаркнет, топнет, обзовет кого-то из авторов «пидарасами», угодив если не точно в поэтику, то около...¹²⁸

Уже в 1964-м не стало Хрущева, потратившего лучшие годы своей жизни на борьбу с абстракционистами и «пидарасами»¹²⁹. Конечно, до хрущевского крика «пидарасы!» нашим шестидесятникам далеко, но не с той же ли яростью Хрущев топал ногами на «мазил», как иные из нас [литературных критиков-традиционалистов 80–90-х гг. — Г. Г.] на «графоманов»?¹³⁰

Разные люди процитировали употребленное Хрущевым «живое словцо», обращенное им в 1963 году к художникам-нонконформистам, с двоякою целью: утоляя жажду подлинности, авторы не захотели упустить случая и словно с облегчением сами нарушают табу, обозначают преодоление страха.

Именно за это — за раскрепощающую от страха и недоверности силу — матерное слово включали в свои сочинения неподцензурные писатели 1960-х — 1980-х гг. — от Василия Аксенова до Венедикта Ерофеева. У их предшественников матерное слово чаще присутствует в эвфемистических подтекстах или внелитературных афоризмах. Так, один из классиков

его книги оставалась неприемлемой для дистиллированного литературного фона времени: гомеопатические дозы вольности вызывали немедленную оборонительную реакцию: «13 февраля 1963. „Иван Денисович“ выходит отдельными изданиями — в „Роман-газете“ и „Советском писателе“. По настоянию редакторов убрал „фуй“ в трех местах, зато кое-что вставил: в речь Тюриня и потом еще реплику по поводу охраны» (*Лакшин В. Я.* «Новый мир» во времена Хрущева. М., 1991. С. 102).

128. *Камянов В.* Кто обидел цензора? Советское искусство в поисках своего предмета // *ЛитОбоз.* 1992. № 1. С. 48.

129. *Туровский В.* «Творческий портрет» на фоне творческого провала // *Столица.* 1992. № 13 (71). С. 56.

130. *Иванова Н.* Светлый чердак для подвальной литературы // *ДН.* 1992. № 4. С. 238.

советской поэзии Александр Твардовский был автором широко распространившейся матерной формулы собрания и заседания (партийной, профсоюзной организации и т. п.) — центрального мероприятия советской общественно-политической жизни¹³¹. Воспоминания о широком бытовании этой формулы появляются одновременно с воспоминаниями о хрущевских «пидарасах». А именно, Твардовский¹³² называл официальные общественные мероприятия (собрания, заседания и т. п.) «јеблей слепых в крапиве». Одностишие Твардовского было опубликовано лишь тридцать лет спустя, но в устном бытовании сохраняло свой оппозиционный идеологический дуктус.

Это идеологическое свойство мата переняли у «шестидесятников» неоавангардисты 1970-х — 1990-х гг.

Современный русский авангард зиждется и распухает на ненормативной лексике. Возьмись сегодня какой-нибудь Делакруа изобразить Свободу на литературных баррикадах, он написал бы голую девку с российским флагом в руках, на котором бы гордо значилось густое русское трехлитерное слово. Кажется, отними у авангарда эту хоругвь — и он окажется голым, просто голым. [...] Обидно, право. И за авангард, и за ласковый российский матерок¹³³.

Идеологическое преобразование мата на закате советской эпохи — в силу очень еще не продолжительной истории его открытого бытования — обнаруживается в большинстве случаев в порядке проговорики.

Для меня язык — я имею в виду русский язык — однозначно ассоциируется с Родиной. Русский язык замечателен тем, что некоторые слова и словосочетания перевести нельзя. Ни на какой другой язык. И русские пословицы — тоже нельзя. Когда язык очень сильно обеднен, бывает обидно и за язык, и за людей. Но особый колорит языку придают непечатные слова. Причем не тогда, когда они употребляются как заменители обычных

131. Самойлов Д. Памятные записки. М., 1995. С. 445; Никитин Б. Звездная пыль (Из писательского фольклора) // ВопЛи. 1994. № 1. С. 339.

132. Возможно, вслед за Андреем Платоновым (см. Голубков Д. Дневник. 01.06.1972. С. 68).

133. Дорофеев О. Общество губителей российской словесности // Воскресенье (Тула). 1995. 1. С. 103.

русских слов. А тогда, когда они произносятся к месту, четко и создают такую невероятную атмосферу русского колорита. К сожалению, привести пример не могу. Хотя довольно часто пользуюсь такой возможностью¹³⁴.

Половинчатое признание молодого русского политика Бориса Немцова и сохранение им традиционной советской матрицы двоемыслия ('я, конечно, знаю, но не скажу'; но верно и обратное: 'скажу, хотя и не знаю'¹³⁵) — нуждается в разборе. Уверенность и в уникальности русского матерного языка, и в уместности матерного слова в целях создания «невероятной атмосферы русского колорита»¹³⁶, и в недопустимости его публичного употребления — свидетельства сохранности идеологической функции мата. Только теперь на месте идеологии — остаточное ханжество человека, прошедшего раннюю социализацию в Советском Союзе: Немцов уже признается в употреблении матерного языка, но еще не может процитировать себя перед включенным магнитофоном. Вместе с тем, это — часть рекламной стратегии восходящего политика. Тот, кто употребляет, — свой, открытый парень для всякого простолюдина.

Немцов прошел политический перекресток «безопасно — опасно», но остановился на моральном перекрестке «можно — нельзя», или перед лицом бытовой расколдованности мата в условиях политической и гражданской свободы.

В конце 1990-х гг. мат как посттоталитарное коммуникативное средство обсуждается в русском инете. Так, на дискуссионной странице сайта полит.ру, где выступают, в частности, такие известные пиарщики, активные участники предвыборных кампаний 1996 и 2000 года, как Глеб Павловский, тема

134. Немцов Б. Провинциал. Политические мемуары. М.: Вагриус; Нижегородский журнал, 1997. С. 124–125.

135. См. хрестоматийное: я Пастернака не читал, но скажу (Душенко К. В. Русские политические цитаты от Ленина до Горбачева. Что, кем и когда было сказано. М.: Юристь, 1996. С. 478).

136. Немцов. 1997. С. 124–125

приемлемости и политической эффективности матерной речи является одним из рефренов дискуссии¹³⁷.

Ю. Смех — подмена понимания

Можно услышать возражение: сколько бы примеров политико-идеологической активности матерного языка ты ни приводил, всё же матом пользуются люди во всех случаях жизни; это просто такой низовой жаргон, возможно, несколько более грубый и часто употребляемый, чем в других языках, но все же к идеологии он никакого отношения не имеет¹³⁸.

Действительно, идеологическая функция матерщины в русской истории — явление вторичное. Как вторична и концептуализация мата в литературе. Но я говорю не о происхождении¹³⁹ и логике языка, но об употреблении его в определенном историческом контексте. Именно исторический контекст создает условия для сближения абсолютного низа простонародной и личной жизни с вершиной социальной иерархии — кухней идеологии.

Здесь общность языка идеологии и мата, а стало быть — их общая принадлежность к идеологическому языку — находит свое философское основание. Поскольку цель идеологии — и официально заявленная, и реконструктивно предполагаемая — замена механизма понимания органической манипуляцией, или ингаляцией правильного взгляда на мир, то матерный язык самоопределяется как его идеальная структурная оппозиция. Происходит это в порядке не «философствования», но непосредственной поисковой реакции носителей языка. Матерный язык интересен как философский предмет, ибо он становится альтернативой языку идеологии по свободному, безотчетному выбору. Популярная в конце

137. См. подробнее в архиве за 1998–2000 в: <http://polit.ru/board>.

138. См., например: Зорин А. Легализация обсценной лексики и ее культурные последствия // Трансформация русской культуры. Избранные доклады Рабочей группы по изучению современной русской культуры, 1990–1991. Ed. by Gregory Freidin, Stanford 1993 [Stanford Slavic Studies, Vol. 7]. С. 123–144.

139. См. об этом в § 3.

1980-х гг. беллетристка Татьяна Толстая так написала о засилье в новом русском языке иностранных заимствований и советских аббревиатур, называемых ею «монстрами большевистского новояза»:

Сдается мне, что английскими заплатами, криво вырезанными из исходного благородного материала, тщетно пытаются прикрыть зияющие прорехи бескультурия все то же люмпенское сознание строителя коммунизма. «Комчванство», «женсовет», «вещдок», «спецназ» и прочие монстры большевистского «новояза», малые и большие перлы хамского менталитета — родные дедушки «ток-шоу» и «пресс-релиза» <...>. Да уж лучше матом, чем так-то!..¹⁴⁰

Случайно, может быть, но властно возникающая альтернатива — лучше матом, чем на новоязе, — указывает на общность поля их бытования в сознании носителя языка.

Употребляя «слова и выражения сексуально-фекальной предметной отнесенности»¹⁴¹, носитель языка уравнивает смертельную серьезность идеологии рефлекторным физиологизмом матерщины. Смеховой взрыв, переживаемый большинством носителей русского языка при этой встрече, и оказывается суррогатом понимания.

Говорят дети. Мальчик три года. Лет 20 назад собрались мы пообедать в саду, сын, сноха и два внука. С ними играл соседский мальчик. Он принес грамм 200 копченой колбасы. Такой колбасы в продаже нет. Надя сказала, зачем так много, тебя мама будет ругать, это ж очень дорогая колбаса. Мальчик сказал: У нас ее много, мама в мясокомбинате СПИЗДИЛА. Мы ухохотались в знании смысла слов этого малыша и жаргон отражающий разговорную речь. Он посмотрел на нас с недоумением, так и не поняв почему мы хохотали¹⁴².

Показательно, что слово «спиздить» выступает в речи мальчика в роли эвфемизма глагола «украсть». Литератор, эстет и сотрудник московских библиотек Н.В.К-в сказал в при-

140. Толстая Т. Долбанем крутую попсу! // Московские новости. 15.03.1992.

141. Девкин В. Д. С. 11.

142. Седлецкий Ф. (з. Куйбышев) Анекдоты. Орфография и пунктуация оригинала. 10.01.1995. Бремен, Архив, Ф. 13.

сутствии автора в середине 1970-х гг. об одном из раритетов своей библиотеки:

А эту книгу я срзидил в РОФе Иностранки¹⁴³: говорю так, чтоб вы не подумали, будто я ее украл.

Парадоксальная функция матерщины как эвфемизма опасного нормативного слова дополняет рассмотренный в § 5 феномен матерной искренности начальства и матерной честности подчиненного. Но этого мало: именно богатство невысказываемых матерных подтекстов создает условия для появления целого класса обычных слов, постепенно утрачивающих нормативное значение и пригодных лишь своим новым качестве. Это обстоятельство нашло свое отражение в словарях. Так, в «Толковом словаре лагерноворовского языка» С. Снегова приводится целый ряд синонимов глагола *јевать* и при этом подчеркивается, что «в общежитейском смысле слова матерщина применяется крайне редко»¹⁴⁴. Итогом и становится грандиозное расширение репертуара непристойностей: само матерное слово, прячась за эвфемизмами, породило новый круг слов со смещённой семантикой. В том же словаре читаем, что вместо глагола *јевать*

для обозначения полового сношения употребляются словечки вроде *перепихнуться*, *толкануть*, *запистонить*, *пошворить*, [*духовку почистить*,] *попхать*, *употребить*, *загнать дурака под кожу*, а всего чаще — *оформить* и *задуть* [*вдуть*].

К моменту, когда в повседневное употребление входят и сами матерные слова, их нормативные эвфемизмы сохраняют или даже усиливают непристойное значение, сами становятся вторичными эсхрофемизмами (см. § 4). На этом свойстве строится охота за принудительным матерным подтекстом, например, в речи офицеров, ведущих «военное дело» в школах и высших учебных заведениях. Так, в картотеке Асса-Бегемотова¹⁴⁵ находим следующее имплицитное матерный подтекст высказывание:

143. Резервно-обменный фонд ВГБИЛ.

144. Даугава. 1990. № 11. С. 78–19.

145. Армия. 365 высказываний солдат и офицеров доблестной Советской Армии / Под редакцией П. Н. Асса и Н. О. Бегемотова. URL: <http://www1.mpei.ac.ru/panb/army-1.htm>.

№ 143: Проверяли мы тумбочки с товарищем майором. Открываем одну, а там две голые женщины. Одну мы с товарищем майором отодрали, а вторую пусть отдерёт тот курсант, чья эта тумбочка.

Офицер, проверявший курсантские тумбочки, употребил слово *отодрать* в буквальном значении — ‘оторвать нечто плотно приклеенное’; студенты-курсанты исходят из другого значения глагола, употребляемого как синоним матерного *выжевать*. Поскольку предполагается, что мат является основой речевого облика военных, в кругах, к которым принадлежат Асс и Бегемотов, комический эффект находят в любом офицерском высказывании¹⁴⁶. Столь же очевидно, однако, что матерный подтекст вчитан, в данном случае, во вполне невинное офицерское высказывание. Таким образом, быстро откликающийся на возможный подтекст обнаруживает в себе и подлинного носителя матерного языка¹⁴⁷. Находясь в ожидании

146. Ср. № 63: Начало — полдела, конец — всему голова! (основано на синонимии конец = khui).

147. Схожий эпизод описывает в очерке, посвященном матерному языку эпохи свободы, Петр Паламарчук: «Один сочинитель, которого долго самого не печатали, промышлял изданием редких старых книг. Нашел он однажды рукопись воспоминаний Гавриила Державина, в коих царская цензура сделала четыре выпуска — и предложил напечатать с хитрым пояснением, что, дескать, наконец настала пора свободы. Но вместо чаемой воли им показали изрядную козью морду. Самым простым было: „А при советской власти это печатали?“ — „Нет, мы первые!“ — бойко болтал составитель. „Если не издавали, значит, не надо“, — грели его в ответ обухом по голове. Короче, через три года многострадальная книжка таки появилась, но уже не с десятком опущенных в прошлом веке слов, а без сотни страниц про Пугачева, французскую революцию, попытки прекратить спаивание Белоруссии и прочего. Но все-таки одну царскую вырезку удалось восстановить — и тут даже записные филологи подивились. В бытность при дворе Державин повздорил с императором Павлом и, выйдя от него, в сердцах бросил фразу, где на неприличном месте поставили скобки: „Ждите, будет вам при этом <...> толк!“ Поколения демократов заполняли в меру своей испорченности прореху самыми затейливыми скабрешностями. А там было всего-то словцо «царе»...» (Паламарчук П. Блин // Московский вестник. 1993. № 1. С. 228).

подтекста, он вчитывает его в любой текст и приписывает собственные ожидания установке собеседника.

Наряду с таким избыточном пониманием ожидаемого подтекста среди носителей языка распространена и иная стратегия — стремление не понимать, не находить смысла в определенном роде высказываниях. Наблюдатель, остро чувствующий близость идеологического и матерного языков, отмечает именно «психологические коллизии» тотального непонимания, или «отключки».

Одна моя знакомая признавалась, что она равным образом через несколько минут перестает что-либо понимать, когда с ней изъясняются матом, и когда она, поневоле присутствуя в зале, слушает речь высокого партийного функционера. Это «отключение» совершенно нормально, поскольку женская психика в нормальном, не искореженном службой в аппарате или прорабом на стройке состоянии, не может длительное время выносить столь концентрированное предъявление знаков власти, равно осуществляемое заядлым матерщинником и завсегдаем трибуны¹⁴⁸.

Вынесем за скобки рассуждения автора о «женской психике» и обратим внимание на его основное наблюдение: идеологическая и матерная речь в общем риторическом пространстве достигают высшего градуса бессмысленности, недоступности в первую очередь пониманию. Сближая язык власти и мат по этому признаку, общество на пути к пониманию сперва раскалывается по осям «опасно» ↔ «безопасно» и «можно» ↔ «нельзя», а потом уже — по оси «смешно» ↔ «горько» / «страшно» (см. подробнее в § 11).

Как главный символ низа жизни, противопоставленный главному символу верха, предстает матерное слово в стихах современного поэта.

На стенке кто-то вывел крупно
Словцо из трех
Российских букв!
Снисходит сумрачное утро

148. Чернышов А. Современная советская мифология. Тверь: Издание автора, 1992. С. 47.

На бледный город Петербург...
Но дальше,
За чертой забора,
Помойки, стройки и ларька
Я вижу
Купола
Собора
И золотые
Облака!¹⁴⁹

Поэт очертил здесь вселенскую иерархию, структурно совпадающую как со старорусскими¹⁵⁰, так и с советскими официальными представлениями: между низменным бытом (помойка, стройка и ларек) и миром духа (купола собора и небо) возведена преграда, отмеченная матерным словом (стенка, черта забора¹⁵¹). Слово из трех букв — общее. Только вместо куполов собора и облаков, словно отразившихся в золоте куполов, в советском тексте были бы рубиновые кремлевские звезды.

И действительно, приведенную поэтическую схему воспроизвели в Москве художники группы ЭТИ. Вот как описывает этот поистине исторический эпизод современник:

Красная площадь за всю свою историю видела многое. Казнь стрельцов и смерть Степана Разина, видела она Ленина и солдат, уходящих на фронт в ноябре 1941, и парад Победы в июле

149. Чупров О. Зеленые птицы // Наш современник. 1994. № 9. С. 71.

150. Ср., например, в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» (гл. II): «Посреди Старопанской площади, у бюстика поэта Жуковского с высеченной на цоколе надписью: „Поэзия есть Бог в святых мечтах земли“, велись оживленные разговоры [...]. Когда поднялась луна и ее мятный свет озарил миниатюрный бюстик Жуковского, на медной его спине можно было ясно разобрать написанное мелом краткое ругательство. Впервые подобная надпись появилась на бюстике 15 июня 1897 года в ночь, наступившую непосредственно после открытия памятника. И как представители полиции, а впоследствии милиции ни старались, хулительная надпись аккуратно возобновлялась каждый день».

151. Ср. анекдот 1970-х гг.:

— Как построить забор?

— Написать слово «khуй» и прибить к нему доски.

1945. Видела она и «факелы» — людей, которые пытались себя сжечь заживо и которых почти всегда спасали от смерти милиционеры (но не сотрудники КГБ, которых всегда на площади было немало, а всю грязную, черную работу они оставляли для милиции).

Видела Красная площадь и то, как 18 апреля 1991 года в 14.30 пятнадцать молодых людей, представлявших Всесоюзный гуманитарный фонд имени Пушкина, легли на брусчатку прямо против Мавзолея и своими худосочными телами выложили слово КНУЙ, да еще и сфотографировались на слайд. [...] По 206 статье было возбуждено уголовное дело, а затем по доброте душевной ребят простили¹⁵².

Акция ЭТИх была не только сфотографирована, но и опубликована в газете «Московский комсомолец» 19 апреля 1991, за три дня до дня рождения Ленина. Лидер группы Анатолий Осмоловский объяснил акцию так, как понял ее и современник, поместивший смешное на первый взгляд событие в серьезный исторический контекст. По словам Осмоловского, в задачу группы входила «десакрализация» Красной площади, символический показ живого символа мертвому хозяину СССР — мумии Ленина. Показ совпал по времени с общественной дискуссией о необходимости выноса Ленина из Мавзолея, но оказал скорее отрицательное влияние на исход споров. Хотя осквернение памятника или целой площади и выдержано в смеховом ключе, многими сам этот смех был воспринят как сардонический. Надругательство над кумиром старших поколений должно было подействовать на общественное сознание поверх как рациональных ('завещано было похоронить на Волковом кладбище рядом с матерью', 'нелепо сохранять в современном государстве первобытный тотемизм'), так и мистических ('мира не будет, пока не предан земле труп его главного врага') аргументов. Но для общества в целом такой режим матерного осмеяния оказался не под силу, и прощания с Мавзолеем не случилось. Возможно, оно произойдет в условиях нового семиотического шума на Красной площади и вокруг нее: к старым и советским памятникам — от Минина и Пожар-

ского перед Покровским собором до бюста Сталина и Вечного огня возле Кремлевской стены — добавлены в середине 1990-х годов конная статуя спорного героя Великой Отечественной войны Г. Жукова работы Вячеслава Клыкова и в двухстах метрах от нее — сад бронзовых животных работы Зураба Церетели. Но в 1991 году до посюветской предметно-символической неразберихи было еще далеко, и в ушах авторов акции звучала, требуя ответа, народная частушка, мне, например, известная еще с 1970-х гг.:

Шел я мимо мавзолея,
Из окошка вижу — кхуй!
Это мне великий Ленин
Шлет воздушный поцелуй.

Опыт группы ЭТИ показал, что смех над матерным высказыванием амбивалентен и легче всего обнаруживает в носителях языка готовность к «серьезно-смешной» реакции или к быстрой смене смеха плачем. Однако и эта перемена знака внутри дискурса задерживает в нем как раз разбираемые выражения. Вот как реагировал на обсуждение в СМК выноса мумии Ленина из мавзолея один из слушателей передачи «Радио Свобода» «Контакты» в письме ведущей передачи Инне Светловой:

Что делать с Ленином? Кхуй его соси вместо как мятного конфета. Это для тебя будет радость-сюрприз. Русские свиньи продажные 1000 лет назаг гнязь Владимир тебя заставил у Иисуса Христоса кхуй сосать еврейского педераста. Якобы он сын боже, и ты отказалась от своего вера. Кагда сабачый смертью издохнут фашист Горбочев и Елцин а мы их на могилу срать будем. Прочь сучка руки от Ленина, я твой рот жебал. Все которые вам пишут анти ленинцы, если бы не Сталин они у Гитлера кхуй сосали бы¹⁵³.

153. В. А. Г-в (Ставропольский край). Письмо на «Радио Свобода» от 2 января 1994. Орфография оригинала. Бремен, Архив, Ф. 13.

II. Плач — подмена понимания; матерный дискурс от философии до рок-культуры; роман А.М.Пятигорского «Философия одного переулка»; порнотрагедия Свена Гундлаха «Четверо из его народа»; рассуждение рок-музыканта и поэта Егора Летова

Отказываясь называть вещи своими именами, принимая условия игры, навязанные идеологом, носитель языка принужден смириться и с матерным инобытием идеологии. Смертельная серьезность идеологии — ее текстов и их составителей — привлекает матерное слово как доступное средство разрушения. Концепцию матерного языка внутри идеологического дискурса предлагает в своем романе философ Александр Пятигорский¹⁵⁴. Поскольку присутствию единственного в книге матерного слова дается детальное обоснование, приведу весь пассаж целиком. Один из персонажей романа, Андрей, говорит автору «году в 1957-м»:

Русский философ, если взять его как «тип мышления», непрерывно анализирует прошлое, но делает это с таким чувством, как будто он (и его друзья) натворил в этом прошлом что-то ужасное и ожидает за это не менее ужасной кары в настоящем или ближайшем будущем. А если этот обобщенный русский философ еще и «религиозный», то сама эта кара мыслится им не иначе, как коллективная («ох, уж нам за это достанется!» или «Плохо нам с тобой придется!»). Божий промысел мыслится им в терминах «массового производства». *Может быть, именно за такое «соборное» мышление нас и jебут в массовом порядке, а?* (выделено мною. — Г.Г.) Но хуже всего, когда русский философ пытается перейти от прошлого к будущему, то есть пытается разобраться в «субъективной каше» настоящего. Тут он сразу становится прагматиком и социальным активистом. Ты ему: «Да разберись хоть немного, что к чему». А он тебе, вдруг: «Сейчас действовать надо, а не думать». «Да ты же философ! — начинаешь ты его уговаривать. — Кто ж думать-то бу-

154. Пятигорский А.М. Философия одного переулка, или история еще не оконченной жизни одного русского философа, рассказанная автором, а также некоторыми другими, более или менее русскими философами. М.: Прогресс, 1992.

дет?» Возьми «веховцев»¹⁵⁵ — какие чудные, талантливые были люди, а в коллективное совершенствование тоже все-таки верили. Отчего? Да оттого, что Россию они видели всегда как бы в двух коллективных манифестациях: снизу — темная народная стихия; сверху — испорченное, больное «общество». Но это же методологический абсурд! «А что, — спросил я Андрея, — если этот абсурд и был реальностью?» «Да он и стал реальностью! — почти закричал Андрей. — Потому что никто не думал, как он об этом думает. Сам я боюсь будущего, но я знаю, что мой страх не есть мышление, а есть (не как следствие, а сам по себе есть) отсутствие мышления о том, что происходит в настоящем, и прежде всего — во мне самом как я сейчас есть»¹⁵⁶.

В пассаже, окружающем единственное на всю книгу матерное слово, оно звучит как сигнал из того мира, в котором методологический абсурд стал реальностью. Как ни высокопарно это звучит, мы имеем здесь дело с единственным в своем роде случаем философского означивания матерным словом.

В этом мире, согласно сжатой и внятной характеристике Андрея, область, где «нас *jebut* в массовом порядке за соборное мышление», полярна по отношению к той, где я мыслю, причем мыслю «индивидуально». Это слово — *jebym* — и внутри пассажа, и внутри всей книги — знак мира, в котором человек вовсе не принадлежит себе, знак чистой власти, внесловесно артикулируемый эмоцией страха; если соборность — положительная ипостась отчуждения, то *jeblya* — физиологически-насилыственная его сторона.

Роман-плач о несостоявшемся мышлении в России советского периода соотносится со сверхтекстом советской эпохи как явление внешнего, не идеологического языка с внутренним, или идеологическим языком. Он встроен в мощную традицию жалоб на «печальные обстоятельства» русской общественной и частной жизни. В годы освобождения от цензуры поколение А. М. Пятигорского занято осмыслением эпохи страха как матерной, сквернословной эпохи — от Ленина и Сталина до Брежнева и Горбачева. Здесь действует тот же механизм, что принуждал «шестидесятников» к месту и не к месту вставлять

155. Имеются в виду авторы сборника «Вехи» (1909).

156. Пятигорский А. М. С. 84–86.

в воспоминания о Н. С. Хрущеве слово «пидарасы», обращенное генсеком к художникам-модернистам. В это же поле попадают широко распространенные с 1920-х до 1970-х гг. обыгрывания косноязычия Ленина («Ззя, батенька, ззя! У истинного революционера залупа должна быть кгасная!»), Брежнева («сосиски сраные идут на говно» = «социалистические страны идут нога в ногу») и мн. др.

Недостающий член оппозиции «*мыслящий — ёбанный*» — достраивает тот же экзистенциальный горизонт, на который было указано в § 6: теневая идеологема образуется на пересечении открытого, официального и скрываемого, подпольного.

В романе представителя поколения шестидесятников матерное слово вступает в игровое взаимодействие с идеологической средой, причем в случае А. М. Пятигорского мы имеем дело с предельно скупым и действенным обращением к материалу. В неподцензурной литературе 60–70-х гг. — в прозе Евгения Попова, искусстве соц-арта или в стихах и живописи Дмитрия Александровича Пригова или Тимура Кибирова, много работавших с идеологическим мусором, коллаж и «крупно-блочный» монтаж необработанных идеологем, в том числе матерных, — это художественный прием, провоцируемый фундаментальным свойством словесного материала в составе идеологического корпуса — агрессивной или прилипчивой бессодержательностью, пригодной только для предельного снижения как замены процедуре осмысливания¹⁵⁷. Столь же идеологична роль мата у В. Аксенова, Ю. Алешковского и других авторов, щедро вычерпавших матерный речевой источник. Усилиями целого поколения матерный язык стал символом жизни, в которой рефлексия о социальном подменена, по мысли А.Пятигорского, физиологическим унынием жертвы. Альтернатива Пятигорского свелась в чеканную формулу лишь *post festum*: то, что для поколения «шестидесятников» и их непосредственных последователей и эпигонов сохраняло статус игры, стало для представителей поколения их детей частью

157. О специфической языковой ситуации упрощения, возникающей в контексте идеологии, см. подробнее: Lee, David. *Competing discourses: perspective and ideology in language*. London: Longman, 1992.

мрачной обыденности. Художественная поза и эпатаж средствами мата вытесняются попытками стряхнуть с себя матерщину как элемент идеологического целого. Для этого литератору приходится не только снова впустить ее в свой текст, но и вступить с нею в диалог. Например, так, как сделал это Свен Гундлах в порнотрагедии «Четверо из его народа»:

Ира: ...я повторяла себе: Я ризда, ризда, ризда... Но это все еще хоть как-то можно понять и оценить: богемные обычаи, сексуальная революция в сфере языка, но главное в том, что и все остальное, формально свободное от матерной брани, артикулируется отвратительным языком какого-то беспардонного графомана. Меня просто охватывает ненависть к самой себе за такое косноязычие, мне кажется, будто я покрыта паршой, коростой этих унижительных слов, образов, мыслеформ...

Володя: Что ж... Придется и мне признаться, что мой мысленный монолог, а в большинстве случаев и то, что я выбалтываю наружу, ничем не отличается от ненавидимого мною языка совписовских романов, что мое сознание оккупировано стереотипами каких-то отвратительных ублюдков, плеебеев, олигофренов. Что я сам с собой общаюсь на диалекте героев школьной порнографии и газетных героев дня. И ведь чувствую, жебанный в рот, при этом отвращение, но что-то произошло со мной, что-то, что лишило меня возможности говорить и думать по-человечески, что-то произошло...

Сергея: Я все не могу врубиться в ваши ламентации. Что за тупу вы гоните! Что за дешевое кокетство! Можно подумать, что каждый из вас свалился с луны. Какая упоительная тудянка! Ты сопатая манда, а ты — рваная жопа, а ты — залупа пьяной обезьяны! Вы шваль, падаль, говно! И я, заблеванный клопоёбыш, сижу среди вас. Ты — солнышко, ты — лапочка, раздвинь коленки, девочка... И все мы риздим вот этим... И уже не можем по-другому. Не можем. Кто из вас может сказать хоть одну прилично сформулированную фразу? Девочки мои, пиписечки лохматенькие, а вы можете без бля хоть разочек подумать о завтрашнем дне? А ты, Вован, способен ли ты еще написать хоть малый кусок приличной прозы? Приличной, а не всего этого коллажа архетипов и стереотипов?¹⁵⁸

158. Гундлах С. Четверо из его народа. Порнотрагедия [1986] // *Контр Культ УР'а* 1991. № 3. С. 170–181; здесь: с. 178–179.

На вопрос «а вы можете без бля хоть разочек подумать о завтрашнем дне?» — отвечает носитель языка, употребляющий матерные слова и как смазку, и как значимые усилители-оскорбители, или пейоративно-инвективные единицы речевого потока.

После перестройки междометие *бля* и его эвфемизм *блин* всё больше становятся самостоятельными речениями. Особенно заметно это по тому, как пополняется еще старосоветская серия анекдотов и хохм свежим новорусским материалом. Проследим динамику посюветского развития этой старой традиции с преобразованием устного *бля* во вполне самостоятельного персонажа языка (если видеть в речетворческом поле художественное произведение авторского коллектива).

Лабухи 50-70-х гг.:

соната для фортепиано = *сама ты, бля, фортепьяно*. Ср. также, например, анекдот из серии подвыпивший конференсье: «Выступает солист без ансамбля!.. *сáмбля*... Один, *бля*!»¹⁵⁹

Анекдот брежневских времен, возникший в ответ на незначительное подорожание в 1974 г. водки (с 3 руб. 62 коп. до 4 руб. 12 коп.):

- Назовите химическую формулу спирта.
- Цэ-два-аш-пять-о-аш (C_2H_5OH).
- А воды?
- Аш-два-о (H_2O).
- А водки?
- Аж-бля-четыре-двенадцать!¹⁶⁰

159. Юмористически звучит на этом фоне сделанное по другому поводу замечание братьев Волконских: «Звук слова — степень его красоты, — должен иметь значительное влияние на то, принять или отвергнуть его. „Ансамбль“ никогда не может стать русским словом, хотя бы его печатали в театральных отзывах ежедневно и произносили за кулисами ежечасно» (Кн. Сергей Волконский, кн. Александр Волконский. В защиту русского языка. Сб. статей. Берлин: Медный всадник, 1928. С. 58).

160. Ср. обыгрывание в том же духе химической формулы воды в стихах 1970-х гг.:

Какие уж там катамараны,
ежели в каналах
ни одной ашдваошечки,
Хотя бы и без сиропы.

Отмеченная Ю. Левиным анаграмма слова *блядь* у Венедикта Ерофеева: «...не девушка, а баллада ля бемоль мажор!»¹⁶¹
Ёрнические стихи Бонифация (Г. Г. Лукомникова)

— Поедем в Дублин?
— А ну, в рiзду, блин!
Заместо премьи Нобля
Мне выдали гавно, бля¹⁶².

Любопытен переход *бля* из неударной в ударную позицию:

По-французски понимаешь?
Отойди подальше, бля!..
Ты мне сильно возбуждаешь
Елисейские поля¹⁶³.

Имевшее цель завлечь публику название открывшегося в начале 90-х гг. в Москве художественное агентство «Арт-бля»¹⁶⁴.

Уместно в сотый раз поднять проблему вытеснения винила [виниловой грампластинки] цифрой. Digital, бля. Победа лазера вызвала дружный восторг потребителя и музыкантов одновременно¹⁶⁵.

— А теперь, у меня есть два рубля, у кого, бля, больше? Передаем все Юре. И наш верный товарищ Юра сейчас идет за коньяком и ли-мо-ном!

И сотрудник выкатывается из редакции в ближайший гастроном за вышеупомянутым продуктом, который тогда (подумать только!) можно было приобрести за 4 рубля и 12 копеек¹⁶⁶.

Из стихотворения «Не прост наш век-то» (Кропивницкий Л. Капризы подсознания. М.: Прометей, 1990. С. 90; ср. также другие реакции на появление водки «Экстра»: Живая речь. С. 179).

161. Левин / Ерофеев. С. 49.

162. Бонифаций. Вешние воды. Сборник срамной лирики. М.: Издательская квартира Андрея Белашкина при участии Гуманитарного фонда, 1993. С. 44.

163. Флоренская О. Частушки // Комментарии. 1994. № 3. С. 135.

164. Кто есть кто в искусстве. 1993. С. 98.

165. Гурьев С. Энергетика пошлости. Вкус как тормоз социокультурной значимости // Pinoller. 1996. №1 (11). С. 7.

166. Козаков. 1996. С. 184.

Из анекдотов о новых русских, примыкающих к приведенному в самом начале нашего списка:

Отец укладывает спать ребенка в спальне, украшенной коврами и дорогим серебряным оружием:

— Пап, а чё это?

— Это? Сабля!

— Чё, бля?

— Спи, бля!¹⁶⁷

К приведенным несколько выше стихам Бонифация примыкает анекдот 1997 года о «новом русском», выучившем английские фразы, чтобы купить билет в Дублин:

— Плиз, ту тикетс ту Даблин.

— Куда, блин?!¹⁶⁸

В приведенных текстах представлен определенный тип обращения с матерным подтекстом. Это обращение важнее непосредственного, или буквального, значения слова. Закрепленный в письменном тексте после десятилетий только устного бытования, элемент *блядь/бля/блин* не только сам бесконечно отдалился от матерно-бранного *блядь*, но вызывает у носителей языка ширящуюся приязнь к прямому матерному слову и отвращение ко всякого рода «разрешенным», цензурно допустимым эвфемизмам¹⁶⁹. Интенция достоверности уже присутствует в матерном высказывании как часть его подтекста. Она легко может перейти в интенцию субъективной честности матерщинника, призывающего отказаться от любых слов-прикрытий¹⁷⁰. Проблемой носителей

167. Услышано в мае 1997.

168. Услышано в феврале 1997.

169. К концу 1990-х годов, согласно наблюдениям некоторых филологов, форма «блин» может рассматриваться как менее пристойная, чем форма «блядь/бля» (С. Шувалова, устное сообщение, 1997). Вспомним «слабоумное бля» в уже отмеченном эссе Бориса Хазанова.

170. «Блядь — одно из самых насыщенных слов в русском языке. В моем понимании слово блядь — это всегда комплимент для женщины, но никак не оскорбление. Вот слово тёлка вызывает у меня омерзение, это-то и есть оскорбление для женщина. Но блядь... Я вкладываю свой смысл в это слово. Блядь — это женщина, которая рождена быть женщиной, которая чувствует себя женщиной и которая ни на секунду не забывает, что она — женщина.» Раскин. 1994. С. 88.

языка становится превращение в непристойность самого эффе-мизма¹⁷¹.

Рассмотрим фрагмент интервью рок-музыканта и поэта Егора Летова. Выбор объясняется тем, что в нем, как и в разобранном выше фрагменте из романа А. Пятигорского, ставится и решается некая глобальная проблема: место России в мире. Егор Летов находится на той же оси дискурсивного напряжения между *мышлением* и *выјебанностью*, что герой романа А. Пятигорского. Интервью 1991 года запечатлело момент снятия этого напряжения гибелью большой эпохи. Она описывается Летовым с помощью существительного *pizdec* и глагола *pizdаться*¹⁷².

Егор Летов: — Чем дальше живешь, тем меньше иллюзий остается — ныне каждый, как оказалось, сам в себе в самом хреновом смысле. Времечко такое. Дух умер. Надо ждать.

Серёга Домой: — И сколько, по-твоему, ждать?

— Лет двести.

— Вот ты говоришь — дух умер...

— Умер, для них для всех. Покинул. Такого, я уверен, не было никогда. У меня недавно как будто что-то открылось внутри. Я понял. Это — *pizdec*. Тут бесполезно слова говорить, руками махать... Это ведь не только в нашей стране. Это везде так. Нас это в последнюю очередь коснулось из всей цивилизации. Зато у нас это быстро произошло и раскидисто. По-русски.

— Так что, по-твоему, сейчас даже творчество смысла не имеет?

— Мне кажется, уже нет. [...] У Ницше в «Заратустре» фраза была о том, что наступит время, когда и понятие ДУХ означать будет грязь. Вот оно и наступило, всем на радость и утешение. Мне тут делать нечего. Здесь еще долго будет потеха продолжаться, пока все это не *PIZДАНЕТСЯ* самым жестоким образом.

171. Ср., например: «21 мая во дворе театра им. Моссовета в саду „Аквариум“ состоится акция „Блин! Москва-Берлин“, проводимая в рамках российско-германского фестиваля „Мир без границ“. Название акции ни в коем случае не должно ассоциироваться с ругательством, а напротив, по замыслу авторов напоминает о русских национальных особенностях и традиционном блюде русской кухни» (*Бороган И. Международные гулянья в саду «Аквариум» // Сегодня. 18.05.1996*).

172. Синоним «накрыться пиздой».

И вот тогда, может быть, наступит эра протрезвления... «время собирать»...¹⁷³

Все другие слова — «коренной перелом», «рубеж», «революция» до такой степени обесценены официальной советской риторикой, что единственное общезначимое слово извлекается из матерного горизонта. Матерный подтекст, таким образом, может постоянно присутствовать в речевом опыте общества как язык второго плана. Этот второй план, или скрытый горизонт, прорывается на поверхность в моменты личных или исторических кризисов. Так, в стихотворении Иосифа Бродского, подводящем эмоциональные итоги первых двух лет эмиграции и предназначенном, по-видимому, для распространения в самиздате, имеется объяснение матерного богохульства как *единственно достоверного* «выражения мощи Творца», причем слово *pizdeц* выскакивает в порядке принудительной рифмовки¹⁷⁴.

Pizdeц — как словесное выражение предельного, последнего падения и как экспрессивный синоним термина *катастрофа* — проделал в общественной речи эволюцию, опорные точки которой мы проследили от доперестроечного лингвокультурного концепта Ю. И. Левина (1986) — через историософ-

173. Сергей Гурьев // Контр Культ Ур'а. 1991. № 3. С. 10–11.

174. [После описания опасностей, подстерегающих водителя на американской автостраде в проливной дождь]

Кранты. Куда глядит Творец?
Иль он перевернул бинокль?
Что здесь проговорил бы Гоголь:
«Эх, тройка» или «Всё. Pizdeц.

Отъездился». Прости, Господь,
мне эту рифму, но что проще
чем мат для выраженья мощи
Твоей же, в сущности; и плоть

язвит он менее огня —
Тобой излюбленного средства
Свое подчеркивать соседство —
но все-таки прости меня.

(Иосиф Бродский. Письма к В. Голышеву. 22 мая 1974 // Портфель: Альманах. Анн Арбор: Ардис, 1996. С. 68–69).

ское обобщение Б. М. Парамонова и приговор представителя рок-культуры Егора Летова (1991).

Вместе с тем, осмысливая контекст, в коем высказывание Бродского о «мощи творца», являемой рифмой *pizdec-Творец*, переключается с высказыванием Пятигорского о тех, кого «*jebut* в массовом порядке», мы можем сегодня прямо проверить, насколько реальна прямая корреляция матерного *khui* с политико-исторической успешностью исторических деятелей. Так, проведя с помощью поисковой машины Яндекс небольшое статистическое обследование, удалось установить, что — независимо от конкретного содержания деятельности того или иного исторического руководителя России — частота появления в окружении его имени слова *khui* свидетельствует о политической успешности (хотя бы временной), тогда как слово *tudak* указывает на отсутствие политического успеха (см. таблицу 2).

12. Этапы примирения с матом — журналистика и лексикография

Философ и рок-музыкант встречаются матерные тиски русской свободы со стенанием, но и с открытым забралом: они знают, что всплывший на поверхность обыденной речи низовой языковой материал отложился в русской социальной истории и передается следующим поколениям носителей языка как квинтэссенция советского социального опыта. Но большинство носителей языка захвачено новым кодексом речевого поведения врасплох и вступает в борьбу со своим собственным прошлым, полагая, что сражается против новомодной болезни.

«Само понятие „приличия“, кажется, того и гляди, попадет в разряд неприличных», — жалуется обозреватель «Известий»¹⁷⁵. Пытаясь «договориться» с языком, готов приспособиться к новым условиям писатель, верящий, что всякий носитель языка волен выбрать способ речевого поведения, а вовсе не господствующая языковая стихия подчиняет его новому режиму.

175. Овчинникова И. Свобода не отменяет приличий // Известия. 22.01.1993.

На то ведь и свобода, чтобы выбирать. Тем ведь и отличается она от тоталитаризма, что обязанность быть, как все, предстает правом каждого быть на других не похожим. Например, в эпоху, когда единственным гарантом общественного добрословия служит цензурное ведомство, сочинять — как Юз Алешковский — на чистейшем мате чистейшую повесть о чистейшей любви. Или, тоже например, принципиально не материться, когда, наоборот, все вокруг охулки на язык кладут¹⁷⁶.

Высокая степень идеологичности матерной речи бросалась в глаза в первых перестроечных журналах. Так, Виктор Ерофеев создает миниатюрный каталог русских историко-культурных идеологов («священное имя Пушкина», «магическое слово Гоголя» и проч.) под названием «Отщепенец» с целью одновременно эстетического эпатажа и ученого саркастичного издевательства над вымученным школярством:

Пушкин... Какое русское ухо не наострится при звуке этого священного имени?

Нет такого уха.

Гоголь... Какой русский глаз не блеснет от этого магического слова? Нет такого глаза.

Чехов... Какой русский лоб не затоскует, не съжится при свисте этой сокровенной флейты? Нет такого лба.

Великая русская литература... Какой русский *khuy* не встанет со своего места под музыку этого национального гимна?

Есть один такой *khuy*. Мы встанем, а он не встанет. Мы все встанем, кроме него. Одинокий, жалкий, занедуживший *khui*шко. Но если его приласкать, если по-человечески к нему отнестись, он тоже встанет¹⁷⁷.

Нехитрый в литературном отношении прием действует только благодаря тому, что слово *khuy* здесь — не настоящее баловство, а идеологический жест «баловства», главный жест свободы, отменяющий разом и школьную зубрежку, и соцреалистическую культурную иерархию. Именно в таком качестве — идеологического знака, а не «вещи» или даже «вещицы», — «короткий рассказ» В. Ерофеева и помещен в новом

176. Чупринин С. Прогулки с Пушкиным по садам неизящной словесности // Столица. 1993. № 14. С. 53.

177. Ерофеев В. Отщепенец // Странник. 1992. № 1 (3). С. 25.

журнале «Странник», перед которым поставлена и новая идеологическая задача: «изучать неизвестную русскому интеллигенту науку побеждать»¹⁷⁸.

Прочность идеологической матрицы выясняется вполне при сопоставлении подобных вышеописанному литературных упражнений с продукцией новых русских лексикографов. Новые словари пришли к поверхности русской книжной жизни из другого, того самого речевого измерения, откуда щедро черпали Юз Алешковский, Василий Аксенов или десятки безымянных сочинителей анекдотов про Вовочку или поручика Ржевского. Тем поразительнее, что как раз помощью вышеназванных словарей и не удастся воспользоваться читателю вольной русской прозы, например, тому, кто пожелал бы перевести ключевые выражения на чужой язык.

Особенность оказавшихся мне доступными словарей «блатной фени» и новой политической терминологии, опубликованных в России, Германии и Франции в два первых советских года, состояла в том, что ни в одном из них не представлены как раз главные лексические единицы этого пласта русского языка.

Не придуманная, не очищенная, не идеализированная русская публичная речь с трудом отвоевывает себе место в словарях. По-видимому, сам облик оттиснутого слова может выступать в роли идеологического оператора: и без вмешательства цензуры составитель словаря ведет себя так, будто ему по-прежнему запрещено вплотную подойти к предмету исследования, к корневому слою этого языка.

Так, в словнике словаря В. Быкова¹⁷⁹ нет трех главных, собственно матерных слов (*jebatʹ*, *pizda* и *khuɪ*), а также слова *tudak*, хотя в других словарных статьях они присутствуют, причем

178. Чудакова М. Тягость успеха безнадежного дела // Странник. 1992. № 1 (3). С. 4.

179. Быков В. Русская феня. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. München: Verlag Otto Sagner, 1992. [Specimina philologiae slavicae. Hrsg. von Olexa Horbatsch, Gerd Freidhof und Peter Kosta. Bd. 94.]

здесь им по заслугам предоставлены просторные, первостатейные помещения. Вчитаемся в такие статьи.

Жлоб. = Я к жлобу тому сколько раз ходила, упрашивала, чтоб продал. Мне, говорит, самому нужно... а потом натурой предложил расплатиться. А я ему: — Если уж дать, так чтоб ризда радовалась, а не такому хмырю... (с. 55);

Шеша. Молодая проститутка. = Сколько этой шеше лет? — А тебе чего? Ризда ровесников не ищет... (с. 163);

Дрючиться. Совокупляться. = Дрючится как, кошка! Ёбарей меняет каждый день (с. 51).

Итак, очевидно, во всех приведенных случаях имеет место своеобразное любование словом, остающимся табу как раз в словаре, специально посвященном предмету любования. Особенно комично выглядит последняя статья, возможная лишь при наличии у читателя собственной базы данных, которая и должна обеспечить стыдливому автору словаря подтекст типа: 'Ёбарь. Лицо А, активно и регулярно участвующее в половом сношении с лицом Б' и т. п.

Лексикограф уже готов процитировать слово, но назвать его своим именем (что в словаре значило бы — привести и истолковать) пока еще не решается.

Разрыв между тем, что было доступно на рубеже эпох массовой книге и периодике, и тем, что могли позволить себе лексикографы, широко обсуждался и тем самым идеологически закреплялся. Так, даже в предисловии к словарю Н.Г.Комлева сказано:

Система отбора представляет значительные трудности... по нравственным причинам. Ведь уже само включение какого-то нового понятия в словник способствует вольной или невольной популяризации чужого лексического элемента в родной речи¹⁸⁰.

В развитие идеологемы *родной речи* другие лексикологи щадят «родного человека». Например, составители словаря

180. Комлев Н. Г. Иностранное слово в деловой речи. Краткий словарь новых слов с переводом и толкованием. М.: Московский коммерческий центр деловых инициатив, 1993. См. об этом: Абельский А. Дела словарные // Книжное обозрение. 09.04.1993. С. 6.

Данцика Балдаева¹⁸¹ сообщают корреспондентам «Книжного обозрения» такие подробности о последней, производственной стадии своей работы:

— Вы, вероятно, обратили внимание на то, что мы постарались показать тюремно-блатную субкультуру во всем ее спектре. Я имею в виду те же приговорки и прибаутки (кстати, натерпелись мы из-за них: чересчур застенчивыми оказались наборщицы — пришлось кое-что по ходу дела «причесывать», кое-какие известные слова заменять эвфемизмами), так называемые аббревиатуры, письма и записки носителей аргю.

— Как вы решили вопрос, связанный с так называемой ненормативной лексикой? Готова публикации русской эротической поэзии, я лично столкнулся с тем, что мои профессора ни в какую не соглашались заменять слова точками.

— В действительности в воровском жаргоне ненормативной (в нашем понимании) лексики очень мало. Вы посмотрите на синонимические ряды — некоторые из них содержат по сто и более терминов. И среди этого «богатства», поверьте, есть достаточно благозвучных слов, которыми можно оскорбить, унижить человека куда как сильнее, нежели заурядным матом. К тому же такой феномен, как мат (во всех его функциональных проявлениях) является «общенародным достоянием»...¹⁸²

Тут важна не только наборщица-внутренний цензор, или простой советский человек в роли редактора. Владимир Белко называет матерную речь именем одной из ключевых советских идеологов — *общенародным достоянием*, а заодно признает, что куда более оскорбительными, или, во всяком случае, неприличными в традиционном понимании, а значит — собственно «ненормативными», для современных носителей русского языка могут быть слова как раз вполне обыкновенные. Речь идет не только, например, о всякого рода фаунистических кличках

181. Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. М.: Края Москвы, 1992.

182. «Еще один кирпич в стене...». Встреча в редакции Александра Щуплова и Дениса Ильичева с Игорем Исуповым и Владимиром Белко // Книжное обозрение. 16.04.1993.

в зоне¹⁸³, но и о подчинении неприличными вторичными значениями простых первичных значений. Тут *конец* (в том числе *положить конец на что-либо* в отличие от официального — *чему-либо*; например: «положить конец расточительству») и *кончатъ, простой* (как бранное зафиксировано в школьной субкультуре конца 70 — начала 80-х гг.), *давать, использовать*.

Кульминация подтекстуальной лексикографии первых советских лет пришлась на «Словарь московского арга» В. Елистратова¹⁸⁴. Автор, преподающий русский язык иностранцам, изымает из словаря матерный пласт как специальную сферу, лежащую в определенном смысле за пределами всякой лексикографии — как заповедник, как великий секрет родного языка. В качестве эквивалентной замены, ни разу при этом не употребив, например, одиозного (или сакраментального) слова *khui*, автор предлагает целый каталог терминов-заменителей. Чтение этого каталога свидетельствует лишь об одном: для того, кто не впускает в словарь арготизмов абсолютного рекордсмена родного языка, словом-заместителем этого рекордсмена может стать всякое имя существительное или прилагательное. Лексикографу не было нужды перечислять русские клички *khия* (от «абдулы» или «бельмондо» до «фантомаса» или «ясера арафата»). Подтекст пересиливает здесь всевозможные умозрительные ухищрения, предпринимаемые из сколь угодно нравственных или культуuroохранительных соображений.

Свидетельством господства именно подтекстуально-непристойного плана в языке становились недоразумения на съездах народных депутатов и заседаниях Верховного совета Российской Федерации, спикер коего Р. И. Хасбулатов подвергался нападкам интеллигенции за то, что, например, однажды оскорбил депутата С. П. Горячеву своим заявлением: «Я не использовал Светлану Петровну». Общественной проблемой является не то, что

183. Этот аспект тюремного словоупотребления детально изложен в кн.: Абрамкин В. Ф., Чижов Ю. В. Как выжить в советской тюрьме. В помощь узнику. Красноярск, 1992. С. 108.

184. Елистратов В. С. Словарь московского арга: Материалы 1980–1994 гг. М.: Русские словари, 1994.

спикер — хам, но только то, что общество откликается сначала на второе, похабное значение слова, потом раздражается на себя за торопливую понятливость и уж в конце насккивает на виновника скандала. Здесь действует тот же механизм самовыгораживания, что мы наблюдали в § 10, где интеллигентные студенты осмеивают мужлана-офицера за то, что тот не распознает юмора в собственных словах с матерным подтекстом¹⁸⁵. Таким образом язык выворачивался из-под идеологии, обманутой в лучших ожиданиях. К концу семидесятых годов ни один оратор в стране не мог себе позволить сказать с трибуны: «Я кончил». Он-то, может быть, и имеет в виду, что ‘завершил выступление’, но толпа слушателей всё равно припишет ему матерное истолкование ‘наёбсь’. Традиционное общественно-политическое ханжество, так мало нравившееся уже Пушкину в его соотечественниках, соединившись с цинизмом времен развитого социализма, грозила радикально онемить советского человека.

Русские глаголы *использовать* и *употреблять* означают не только *to use*, но и *to fuck*. По этой причине многие русские стараются избегать применения этих глаголов, считая их неприличными¹⁸⁶.

В сущности, лексикографическая политика, не выпускавшая живую разговорную русскую речь на страницы словарей, куда дольше упорствовала в поддержании атмосферы двоемыслия, чем политика в собственном смысле слова. Не случайно в СССР никогда не переиздавался словарь В. И. Даля в обработке Бодуэна де Куртенэ, включившего матерные слова в порядке элементарной добросовестности. Лексикографическое сопротивление было сломлено только к середине 1990-х годов, когда на книжный рынок России хлынули уже словари собственно матерного языка, в том числе и крайне низкого качества. На этот раз, однако, матерный пласт вошел в неко-

185. Гораздо шире распространены вполне осознанные матерные подтексты, особенно в газетных заголовках, телевизионных шутках и прочих материалах посюветских СМК. Например, шапка газеты «Куранты» (12.05.1994): «Хотели и Рыбкина съесть, и на льготы сесть» (о депутатах); распространено также «и рыбку съесть, и на машине (велосипеде) покататься»; оригинал: *и рыбку съест, и на кхий сесть*.

186. Флегон А. За пределами русских словарей / Пер. А. М. Волковинского. Троицк: РИКЕ, 1993. С. 15.

торые словари в столь рафинированной и конденсированной форме, что у носителей языка в самом деле могло возникнуть впечатление собственной нормативно-матерной диглоссии¹⁸⁷. Вышеприведенная мысль Н. Г. Комлева о словаре как «средстве популяризации слова» основана на традиционном советском представлении, восходящем к эпохе ликбеза (1918–1920-е гг.) и дискуссии о языке около 1950 года. Это же представление заставляет одних языковедов в их публичных заявлениях призывать, например, к защите мата от инфляции и профанации¹⁸⁸, а других — настаивать на особой ценности русского мата как *всенародного достояния*¹⁸⁹.

Парадоксальное ощущение ценности сквернословия сочетается с тягой в позднесоветское и первое посоветское время ко всякого рода ясновидению, знахарству, астрологии и колдовству. Матерный язык оказывается в этом контексте либо главным врагом, либо таинственным абсолютным оружием, сулящим особый, чудесный выход страны из упадка. Тяготение к такой вторичной идеологизации матерного языка можно найти и у некоторых языковедов, и у столь разных писателей, как либерал Андрей Битов и почвенник Петр Паламарчук¹⁹⁰.

Наблюдаемое в области лексикографии замешательство продолжается до сих пор. Если воспользоваться метафорой

187. Русский мат. Антология. М.: Лада-М, 1994 [рец.: Независимая газета. 06.12.1994]; Буй В. Русская заветная идиоматика (веселый словарь крылатых выражений) / Под ред. А. Баранова и Д. Добровольского. М.: Помовский и партнеры, 1995; Ахметова Т. В. Русский мат. Толковый словарь. М.: Глагол, 1996; Devkin V. D. Der russische Tabuwortschatz. Русская сниженная лексика. Berlin u.a.: Langenscheidt, 1996.

188. См. об этом подробнее: Диденко Л. А. Исторические корни русского мата и его функционирование в современной языковой культуре // Язык и культура. Вторая международная конференция / Сост. С. Б. Бурого. Киев, 1993. Т. 1. С. 181–182; Нерознак В. П. Заказ на матерщину. Язык народа умирает вместе с ним. Записала Мария Пастухова // Век. 1996. 3 (169); Виркунен Т. Мат: из жизни слова не выкинешь! // Аргументы и факты. 1996. 33.

189. См., например: Ирзак Б. Общество матерщинников [Беседа с анонимным председателем общества матерщинников Санкт-Петербурга] // Новый Петербург. 30.09.1994.

190. Паламарчук П. Блин // Московский вестник. 1993. Т. 1. С. 224–229.

Анны Вежбицкой, примененной ею для описания перемен речевого хабитуса и перерисовывания картины мира, — можно сказать, что события в данной области начинают выходить за пределы традиционного русского «культурного сценария»¹⁹¹.

13. Особый случай: Геннадий Айги

Особняком по отношению к рассмотренным случаям стоят стихи о русском мате поэта Геннадия Айги. В них — острота наблюдения этого феномена извне — и из другого поколения, и из другого языка. Культивируемое поэтом своеобразное косноязычие и настойчивое желание уклониться от любой традиции обеспечивают его тексты остротой взгляда на мат как на причину внутренней скованности языка, на совиновника несвободы его носителей. В стихах, датированных 1968 и 1969 годами, Айги старается передать зрительное впечатление от России, говорящей на матерном языке.

белый с отеками красными! как освежеванный:
с ликом — как будто
все время ядущим:
в доме гуляет блатной — и всё лето у нас
только воздух-знамена
Бла-юбилея и Вор-торжества:
есмь! — и схождение бла и знамен — одеянье
глагола из недр будто бла-ющего:
это — S-дело! глагол знаменитый блатного! —
есмь! — постоянна
в том действии
бла-матерьяла утечка! —
словно распад этот дразнит пласты: и земли и людей! [...]
«бла!..» — как часы — не песочные:
— с кровью с бла-водами!.. —
словно частями
дразня

191. См. подробнее: *Wierzbicka, Anna*. German 'cultural scripts': public signs as a key to social attitudes and cultural values // *Discourse & Society. An International Journal for the Study of Discourse and Communication in their Social, Political and Cultural Contexts*. Vol. 09. Issue 02. April, 1998. P. 241 ff.

все другие
свои же
такие же части:
свой же распад он высчитывает:
время от времени: «бла!» —
и — как кровавы следы
небывалого:
Везде-Оставленья-Частей [...].

«И: празднество» (1969)¹⁹²

мы как во сне
пред домом Бла-Суда!... [...]
и бла-скопление здесь мерцает
меняясь жидкостно как день
который — как сама страна:
единая Страна-Ненастье! —
и кажется
скопление это
дырчатым:
все дырчато: тепло и слепо дырчато:
(как будто всё — до появления глаз!) —
отверзты: в крике: бла! в любом — отверзтость многая [...]
горит бла-матерьял — идея-рев: «ВСЁ — БЛА!» —
Все-Зарево — Отхоже-Ослепительное
и рвущееся вверх — Рекою-Стоком-Медленным:
единым Словом-Гнилью-Бла-Восходом!... —
все-озарение! — как крови цвет
картин-знамен — всё больше ширящихся
1968, октябрь
Р. С. Был также крик: «Ih za nogi i v Jauzu!»
1970¹⁹³

Сколь бы ни были велики расхождения у двух и более читателей в истолковании любой из приведенных строк, абрис кроваво-красного, израненного и ранящего всё и вся агрессивного человека из Страны-Ненастья под красным стягом и с беспрерывным матом на устах составляет изобразительный стержень обоих

192. Айги Г. Отмеченная зима: Собр. стихотворений в 2 ч. / Издание подготовила В. К. Лосская. Париж: Синтаксис, б. г. С. 164–165.

193. «И: празднество в разгаре». Там же. С. 163–165.

стихотворений. Написаны оба текста в годы зажима послеоттепельных ожиданий, безропотно принятого населением страны. Радикальный разрыв с матерящимся народом — будь то блатной сосед или массовая демонстрация трудящихся — заставляет поэта в стихии мата искать и находить идеологический подтекст. Айги видит в мате не противостояние официальной идеологии, но ее квинтэссенцию, радикально расходясь в этом пункте с большинством русских художников, видящих в мате изюминку родного языка, а в артистическом мате — чуть ли не предвестника грядущей поссоветской демократии.

То, что одним представлялось румянцем вольной жизни, другому видится агонией идеологического общества. Отсутствие общественного согласия и бездеятельность закона приводят к тому, что при встрече поссоветской демократии и артистического мата взаимодействие «актёров» политической сцены останавливается, так и не начавшись.

Матерный подтекст¹⁹⁴, однообразная похабщина на устах политиков и/или деятелей культуры¹⁹⁵ стали настолько привычны, что притупленная чувствительность не позволяет носителям языка вычленять из континуума брани лишь политически оскорбительное содержание. В соответствии с этим не только политика понимается как традиционно «грязное дело», но общественная жизнь как таковая признается поприщем грубости, ненаказуемых оскорблений. В этом контексте разобранный выше артистический мат играет особую роль прикрытия реального социального статуса человека в российском обществе.

194. Типа: «Едали мы эти прогнозы...» [открытая аналогия — *видали*, в подтексте — *jebalu*] // Комсомольская правда. 29.07.1992.

195. Один из многих примеров: «А я другой такой страны не знаю, где министр культуры, пусть и бывший [Н. Н. Губенко], называет своего коллегу „пристяжной блядью“ Юрия Петровича Любимова» (Туровский В. Давайте жить скучно!.. // Столица. 1992. 23 (81). С. 56). О появлении «литературоведения на фене» пишет Александр Шуплов: Шуплов А. «Шумел-горел Денис на фене» // Книжное обозрение. 05.03.1993.

14. Переход к поссоветскому бытованию мата

Сейчас грани [между различными слоями населения] поистерлись, поскольку издерганные и задавленные непроходимой безнадежностью нашей жизни люди незаметно выработали для себя некий средний язык — общегосударственный. Эдакое матерное эсперанто. Тот же трусливый интеллигент нет-нет, да и загнет по всем правилам языкознания такую сложносочиненную конструкцию, что моментально станет уважаем¹⁹⁶ выведшим его из себя биндюжником с нищенским запасом матерных слов, которые, как ни бейся он, не может составить в наипростейшее предложение.

Уши привыкли к постоянно окружающей нас грубости, как раньше руки — к топорам¹⁹⁷.

Утрата советской идеологической функции заметнее всего именно в точке пересечения артистического, простонародного и начальственного матерных горизонтов. Анализ событий в этой точке показывает, что природа расширения матерного присутствия в современном языке сложнее концепции, с которой мы начинали, говоря о месте мата в идеологическом сверхтексте.

Подъем матерщины и грубости в сферу повседневности и политической речевой практики поссоветской России вполне осознан носителями языка как совершенно новое развитие одной из констант традиционной русской речи. Общественная обеспокоенность в связи с данной темой усилена, по-видимому, тем, что носители языка столкнулись с неприменимостью привычных смыслоразличительных приемов и прежде всего — приема извлечения подтекста. Анализ матерного словоупотребления и представления о нем в обществе показывает: конфликт логики (физиологический буквализм и примитивность базовых матерных терминов) и прагматики (достоверность, доходчивость и сила матерных производных) в советское время сглаживался сегрегацией «нормативного» и «ненормативного» пластов.

196. Намек на классический вопрос подвыпившего к собутыльнику и собеседнику: «Ты меня уважаешь!?», задаваемый с разной степенью агрессивности.

197. Казакова В. Придержи язык! // Заря молодежи. 20.-2.1993.

Сложился чин и строй: иерархия в социуме, порядок понятий в умах (идеология). Как в средневековье¹⁹⁸.

Двудомная схема речевого поведения позволяла не смешивать в восприятии «смешное» и «страшное». Но вот сегрегация кончилась, и носителям языка предложено наблюдать за собственной реакцией отождествления «смешного» и «страшного». Поэтической формулой, предвосхитившей схему развития мата в поссоветскую эпоху, и закончу главу о матерном пласте идеологического языка.

Идеологема *кого jebět чужое горе?* (матерный перевод вольного принципа «моя хата с краю» или тюремно-лагерной заповеди «умри ты сегодня, а я завтра»¹⁹⁹), бывшая неофициальной формулой мнимой всенародной солидарности советских людей, вошла в открытый общественный дискурс благодаря поэту Тимуру Кибирову:

Слышишь, капает кровь?
Слышишь, хлупает кровь?
Слышишь, темную струйкой течёт?
Слышишь, горе чужое кого-то jebět?...²⁰⁰

Следуя упомянутой выше концепции Анны Вержбицкой²⁰¹, согласно которой молчаливое признание «культурных правил», или действия по «культурному сценарию», могут быть сведены к ряду общезначимых простейших концептов, рассмотрим схему этого сквернословного кругооборота. Идеологические сигналы между концептами «власти» («верхов») и «народа» («низов») переда-

198. Гачев Г. // Литературная газета. 08.08.1990; цит. по: Елистратов. 1994. С. 671.

199. Вариант: *Подохни ты сегодня, а я — завтра* (Сидоров А. Словарь современного блатного и лагерного жаргона (южная фея). Ростов-на-Дону: Гермес, 1992. С. 173).

200. Кибиров Т. Послание Ленке и другие сочинения (1990) // Синтаксис. № 29-1990. С. 199.

201. В уже названной статье «German 'cultural scripts': public signs as a key to social attitudes and cultural values» о переменных в немецком словоупотреблении как указателе на перемены «культурного сценария» А. Вержбицка анализирует, в частности, изменения в системе обращения.

ются в поле напряжения между фундаментальными категориями «смешного» (приемлемого, веселого и т. п.) и «страшного» (опасного, больного и т.п.), с одной стороны, и «бессмысленной злобы» (идеологема «бессмысленности и беспощадности») и «бытового покоя» (идеологема «простого человеческого счастья»), с другой.

Ментальная карта мата на осях «страшное — смешное» и «бытовой абсурд — скромная, но защищенная повседневность»			
ВЛАСТЬ (<i>верхи</i>)	khuy Сталина	кукуруза Хрущева	ВЛАСТЬ (<i>верхи</i>)
Страшное	<i>He jebут, не подмахивай!</i> <i>Положенных jebут!</i> (лагерный фольклор) Јебля слепых в крапиве (А. Платонов, А. Твардовский)	<i>Никита Сергеич, у вас только две ошибки: «насрать» пишется слитно, а «в жопу» — раздельно.</i> (Анекдот 1960-х гг.)	Смешное
«бессмысленное и беспощадное»	<i>Кого jebет чужое горе?</i> <i>Слышишь, капает кровь?</i> <i>Слышишь, хлюпает кровь?</i> <i>Слышишь, темною струйкой течёт?</i> <i>Слышишь, горе чужое кого-то jebёт?..</i> (Кирилов, 1990)	<i>Мы jebали всё на свете, Кроме шила и гвоздя: шило острое, кривое, а гвоздя jebать нельзя.</i> (Анонимная частушка)	«простое человеческое счастье»
зло и абсурд	<i>Вместо сока из томата</i> <i>Льется матиз автомата</i> — «Славься, славься, русский народ. — У, блядь, ёбаный в рот.» (Сатуновский 20. 3. 1966, с. 93)	<i>«Никого нет со мною рядом</i> <i>На пустынном мосту</i> <i>Москва-реки,</i> <i>Где чуть слышно</i> <i>Ругаются матом</i> <i>Электрические фонарики.»</i> (1949) (Глазков 1995, с. 69)	быт и покой
НАРОД (<i>низы</i>)	*Хорошо jebать козу — Умная скотина: Ее jebёшь, она рычит, хвостом по яйцам стучит: не jebля, а картина (городской фольклор)	<i>...я, бля, ему по-хорошему так говорю: не pizди, все всё поняли на khuy...</i>	НАРОД (<i>низы</i>)

«Страшное» в предлагаемой схеме воплощено как голый физиологизм мата, «смешное» — как доведение его до абсурда. Появившись вместе, в «дневном» общественном пространстве, они требуют от носителей языка признания в необходимости изменить привычную картину мира. От всех участников общественной жизни такое признание требует преодоления фун-

даментальных поведенчески-речевых стереотипов, и в первую очередь — деидеологизации матерного языка, его вытеснения из языка повседневности не как грубого и непристойного (что было невозможно даже при сверхмощном карательном аппарате), но именно как элемента идеологического языка, стёртого, десемантизированного, междоменно-смазочного. В пределах схематически представленного тождества страшного и смешного диалог возможен лишь в стиле, описанной Л. И. Богораз «малолетки».

Обнаружив долгожданное или неожиданное исчезновение политико-идеологической основы страха, носители языка ищут уже в новой реальности точки опоры для оставшегося в языке материала. Новая поссоветская реальность предоставляет искомое в новом наборе. На место централизованного насилия (обозначенного в романе А. Пятигорского как *jeбля*) пришло насилие диффузное, распространившееся, согласно массовому представлению, из зоны во внешний мир, где живут «нормальные», «законопослушные» граждане. Документов об осознании матерной эвокации страха со стороны остального общества мне пока не попадалось, и только не встречающее сопротивления насыщение культурного горизонта (театр, кино, литература) матерным словесным материалом свидетельствует в пользу нашей гипотезы.

Общественное мнение поляризовано между некритической приязнью и некритическим отторжением мата. Его роль как идеологического фактора заслонена не только противостоянием официальной идеологии советского времени, понимаемой в 1990-х годах как главный враг новой России. Дело еще и в том, что господствующими в поссоветском общественном дискурсе остаются идеологемы-цитаты типа *бытие определяет сознание* или *факты — упрямая вещь*. Господствует представление, согласно которому сами по себе речевые стереотипы и основанное на них привычное речевое поведение вторичны по отношению к повседневной действительности, обсуждаемой иногда под кодовым словом «экономика» — какая жизнь, такие песни. Это, проще говоря, отсутствие веры в духовное начало в человеке и обеспечивает общество индульгенцией:

‘не берите в голову, ведь это всего лишь язык, это заговорил народ с долго зажатым ртом’.

Понятно, что единственным средством против этого общего снижения речевого градуса поссоветского времени может быть только само время, сама длительность перехода, само-защитное забывание общественной средой всего поля старых идеологических коннотаций. В 1990-х годах Россия переживала самое начало этого пути, или, если воспользоваться расхожей метафорой дня, — агонию идеологической речи. Поскольку носитель языка не может высунуться из потока этой речи, агония идеологии так или иначе происходит внутри каждого индивидуального сознания, приводя к пестрым и в частных случаях — неожиданным последствиям. Эмоциональный диапазон этих последствий растянут между истерическим заголением и отчаянным стремлением сжать, ретроспективно облагородить культурную традицию, попытавшись представить советский матерный двадцатый век «якобы и не бывшим»²⁰².

При этом литературная школа отчаяния предреволюционной и революционной эпохи вполне оправдывает внутреннее сопротивление любованию так называемым снижением языка, или его «порчи». Так, В. В. Розанов писал по сходному поводу в начале XX века:

«Чистосердечный каба́к» остается все-таки каба́ком. Не спорю — он не язвителен; не спорю, в нем есть что-то привлекательное, «прощаемое». Однако ведь дело-то в том, что он все-таки каба́к. Поэтому русская ссылка, что у нас «всё так откровенно», нисколько не свидетельствует о золотых россыпях нашего духа и жизни. Ну-ка сложим: *praesens* каба́к, *perfectum* каба́к, *futurum* каба́к: получим все-таки один каба́к, в котором задохнешься²⁰³.

Впрочем, читателю конца 1980-х — начала 1990-х гг. от розановского «кабака» веет разве что дворянским уютом.

202. См. об этом: *Лакшин В.* «Конец, тупик, кризис». Россия и русские на своих похоронах // Независимая газета. 17.03.1993. См. также: *Николай Котрелев*, указ. соч.

203. *Розанов В. В.* Избранное. Мюнхен: А. Neimanis, 1970. С. 149.

Сфера бытования мата значительно расширилась после перестроечного взрыва за счет быстрорастущей русскоязычной диаспоры в Европе и Америке. В структуре матерного словоупотребления отсутствует начальственная составляющая, но артистический и простонародный горизонты представлены в полной мере. Дополнительным фактором, определяющим конкретные формы бытования мата, является в каждом конкретном случае язык окружающего большинства. Так, русскоязычные в Израиле находятся под впечатлением ивритских слов, звучанием напоминающих русский мат, и активно играют в слова²⁰⁴.

204. В мемуарах Михаила Козакова так описаны его занятия ивритом:

— Записывайте!

— Лариса, с таким же успехом я могу сейчас записать звук проходящей за окном машины.

Однако записал, а потом и выучил наизусть все эти «схует хаадам» — (права человека), «ха-иньяним нидгальгелю» — (дела обернулись) и «вэхулей, вэхулей, вэхулей» — (и прочее, и прочее, и прочее)...

«Ани эбадети чек дахуй» — (я потерял отсроченный чек). Каково? Ну просто музыка для русского уха.

— Вам повезло, что вы должны играть Тригорина не на арабском.

— А что, тот язык еще матерней?

— Во много раз. [...]

Я доверил Хилькевичу вести на иврите переговоры с серьезным и лысым израильянином. Если я неожиданно встречал с какой-нибудь русской репликой, почему-то мне постоянно слышалось слово «мудак», обращенное Ори Леви явно в мой адрес. «Юра, а почему он меня мудаком называет?» — робко спросил я, хотя, вероятнее всего, господин Леви был не так уж не прав — раз я вот-вот собирался подписать соблазнительный договор, который может обернуться для меня прямой погибелью и позором. «Вот уж тележку под меня подвели», — почему-то вспомнилась мне реплика из «Ревизора»... Оказалось, что господин Леви вовсе и не думал оскорблять меня, т. к., во-первых, слова «мудак» он, разумеется, не знал, а во-вторых, «муд'аг» означает на иврите «озабочен». Леви почувствовал мое «муд'агчество» и вполне доброжелательно хотел выяснить у Хилькевича, чем таким особенным озабочен этот сидящий перед ним русский артист (Козаков. 1996. С. 261, 265).

В романе израильской писательницы Дины Рубиной можно наблюдать механизм вторичной аттракции еврейским словом с нейтраль-

В среде столь же многочисленной русскоязычной общины Германии, состоящей в основном из немцев-переселенцев и еврейских беженцев (всего на 1997 г. около двух миллионов человек) широкое употребление мата вызвано и другими обстоятельствами. Русский речевой опыт переселенцев резко сужен и выведен из контекста нормы (создаваемого, например, средним и высшим образованием на родном языке, постоянным пребыванием в межпоколенческом общении на одном языке и т.п.). Разрыв поколений и распад речевого этикета при общении с представителями иных возрастных групп объединяет переселенческий речевой опыт с таковым у их сверстников в России и в русскоязычной среде других стран-наследниц СССР. В языке переселенцев из России матерные речения берут на себя роль обыкновенного просторечия и должны изучаться в этом новом качестве²⁰⁵.

Сам факт расширения русского матерного присутствия за границы был отмечен вниманием высшего должностного лица России. По сообщению агентства Рейтер,

Президент России Борис Ельцин призвал своих соотечественников более уважительно обращаться с родным языком. Ельцин заявил в Петербурге, что прежде всего российские туристы за границей марают честь страны. По словам президента, ему сообщили, что туристы в Мадриде, Париже и Риме постоянно матерятся в общественных местах. Это кошмар какой-то. Сам

ным значением (оно же — слово из блатного языка) русского матерного слова:

— Запиши телефон, сказал Гриша, — там нужен редактор, это издательская хевра.

— Гриш, война будет? — спросила я.

Цви Бен-Нахум снова налил водки в бумажный стакан, глотанул и сказал:

— А хер ее знает... (с. 74).

205. О языке русских переселенцев в Германии см. подробнее в моих статьях: *Гусейнов*. 1997; Наблюдения над особенностями речевого поведения в новых русских анклавах Германии см.: II. Fortbildungstagung für Russischlehrer am bayerischen Gymnasien. Regensburg 4./5. Juli 1997. [Regensburg 1998]. S. 36–46.

он еще никогда в жизни не выматерился, заявил Ельцин и призвал к борьбе за сохранение русского языка²⁰⁶.

То обстоятельство, что матерный язык адекватен имиджу «новых русских», сложившемуся в средствах массовой коммуникации как в самой России, так и за границей, стало предметом публицистической, но не научной рефлексии. В рамках борьбы за чистоту языка создаются новые надзорные инстанции²⁰⁷, но их влияние сводится на-нет расширением бесцензурных сетей.

Попадая в новый контекст, где изобилуют заимствования из многих языков, а к слову, как и к знаку вообще, предъявляются иные, чем в речевой и книжной коммуникации, требования, матерный язык начинает новую, теперь уже сетевую, жизнь. Здесь наряду с деидеологизацией матерного пласта языка зреют и другие события, на фоне которых интересовавший нас эпизод выхода из советского речевого опыта в поссоветский дискурс будет, возможно, слишком слабо различим как особый период в истории общества и языка.

15. Мат и дискурс

Идеологический человек откликается не на смысл, но на звук, его душит гнев — или смех, он чувствует себя оскорбленным и униженным — или «усталым, но довольным», когда слышит чужое слово или слово свое, но опрокинутое в чужой мир. Это в равной мере касается и проводников идеологии, и ее невинных жертв.

Так, первые, проводники, откликнулись на опубликованную в журнале «Октябрь» фразу Абрама Терца о Пушкине, вбежавшем «в литературу на тонких эротических ножках», как на непристойность, как на преступление мысли против самой

206. Reuter. 06-JUN-97 21:01.

207. Указ Президента Российской Федерации № 1221 «О Совете по русскому языку при Президенте Российской Федерации от 7 декабря 1995 года». См. комментарий к нему: *Линьков А.* Могучий, но нуждается в защите. Беседа с академиком-секретарем отделения литературы и языка РАН, зам. председателя Совета по русскому языку при Президенте РФ Евгением Чельшевым // Российская газета. 11.01.1996.

русской культуры, и именно этому отклику как факту культурной жизни (а вовсе не скромной, принципиально «частной» книге Абрама Терца) была посвящена специальная паранаучная конференция в редакции академического журнала «Вопросы литературы»²⁰⁸. Одна фраза, к тому же и коллаж из цитатных обрывков (в том числе, конечно, и взятого у Пушкина), втянула в себя все звенья доступной большинству участников диспута традиции зоильства.

Фасеточная реакция²⁰⁹ на чужое слово, включенное в идеологический оборот, мучает и вольного невольника слова — поэта. Так, поэтесса Юнна Мориц с самоотверженностью матери, защищающей дитя-язык, бросилась на вошедшее в моду в 1990-х гг. слово «харизма» и его политические производные («харизматический лидер»). Человеку не нравится то время, в котором толпа рыщет в поисках «харизматических типов», и тогда сам образ времени и людей отливается в уродливых превращениях немилого слова. Как и для поэта,

для простолюдинов с их заботами простолюдинскими и дикорастущим юмором в слове «харизматический» — одни только хари маразматических вождей и фанатиков, харизматерно посылаемых в их подземные города... Харизматики коммунизма хотят победы любой ценой... Народ весьма харизматерно посылает всю эту харизматю... [некая особо рьяная поэтесса-феминистка объявляется] харизматичкой-вамп... О да, если наши отечественные кошмары плюс ко всему увенчаются президенткой-харизматичкой — тут уж, как говорится, так рванет, что мало не покажется!..²¹⁰.

Игра на созвучии греческой «харизмы» и «наших отечественных харь» попадает в тот же поэтический континуум

208. 1991. № 8.

209. «Мы реагируем не на смысл целого, а на слова и словосочетания. Последние же воспринимаются как опознавательные знаки должного или недолжного и потому или успокаивают, если мы встречаем слова, которых ждем (мол, все идет как надо), или внушают тревогу, или происходит какой-то сбой» (Юрий Манн: Обсуждение книги Абрама Терца «Прогулки с Пушкиным» // Вопросы литературы. 1990. 11. С. 98).

210. Мориц Ю. Дашь харизму! // Столица. 1993. № 11. С. 1, 3.

и у автора национал-патриотической газеты «Русский пульс» (см. Глава II § 1).

Пользуясь образным кодом нашего времени, придется сказать, что слово-раздражитель (в данном случае — *харизматический лидер*) действует как отхаркивающее средство для подсознания, заставляя носителя языка произносить десятилетиями томившие его сгущения слов, эсхрофемически смазывая при этом поток своей речи.

Пускающий мысль по этой, едва ли не догумбольдтовской, схеме думает о языке как о «первородном ключе к народному духу», как о «роднике языковой Волги». Существующий стиль мышления о языке можно считать одним из выражений лингвистического фундаментализма, чрезвычайно распространенного среди носителей русского языка: филологическая нетерпимость создавала оскорбительный для общества pendant социальной все терпимости.

В дневнике В. Я. Лакшина есть запись, о том, как чутко защищалось накормленное привычной пропагандой народное ухо от вслух произносимых поэтом ключевых слов текущей советской действительности:

10.9.1963. Твардовский разбирал сегодня почту. Говорит мне: «Есть письма, где читатели меня бранят: „Куда пропал ваш талант? Где замечательный народный язык, зачем эти слова „сеть“, „система“, „номенклатура“, „цензура?“»²¹¹

Этот лингвистический фундаментализм образованных советских людей²¹² Корней Чуковский пытался преодолеть в своей местами саркастической книге «Живой как жизнь», опубликованной в хрущевские времена. Чуковский уговаривал тогда соотечественников руководствоваться — в том, что

211. Лакшин В. «Новый мир» во времена Хрущева. М., 1991. С. 161–162.

212. Ср. об этом у известного драматурга: «17 июня 1956. С ужасом убеждаюсь, что встречаю и провожаю не по одежке, не по уму, а по языку. Когда хороший человек говорит „ра́душно“, с ударением на а, вместо правильного ударения на у, или „я восхища́юсь о том“, — то, к сожалению, непроизвольно исключаю его из круга людей, мне близких. Я продолжаю считать его хорошим человеком, но чужим» (Шварц Е. Телефонная книжка [1955–1956]. М.: Искусство, 1997. С. 443.)

касается новообразований и заимствований в языке, — мыслью Пушкина:

Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении тако-го-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности²¹³.

Но при этом собственная аргументация Чуковского оставалась — в духе идеологии «оттепели» — несносно фальшивой:

Замечательно, что русский народ, руководясь своим тонким чутьем языка, нередко отвергает существующее русское слово и заменяет его иностранным... Если в бытовой обывательской речи нас коробят все эти пролонгировать, лимитировать, аннулировать, то отнюдь не потому, что они иностранные, а потому, что они вошли в нашу речь из обихода всевозможных канцелярий и на них слишком ясно видна казенная печать бюрократизма. Мы восстаем против таких слов, как бомонд, адюльтер, комильфо, мезальянс, совсем не потому, что они завезены к нам из Франции, а потому, что они отражают в себе чуждый нам великосветский, паразитический быт²¹⁴.

Навязывание языку привычной идеологической матрицы словесного отбора приводит к тому, что языковому сообществу остается только безутешно взирать на перемены столь привычных черт родного языка, и даже украшать свою безутешность бумажными цветами.

Иноземные слова, доселе униженно околачивавшиеся где-то на окраинах русского языка, сегодня нахраписто полезли в хозяева, пощёрли занимать в языке места повиднее и получше... И не то страшно, что много этих слов, а пугает то, что с их нашествием исчезают из обихода родные, исконные наши слова, передающие те самые «неуловимые оттенки душевности», что греют любую русскую душу. И теперь для многих русских не «беда», не «горе», не «напасть», а «проблема», «стресс», «ситуация». А коли все ладно в жизни, хватает им одного «нормально», о детях ли разговор, о здоровье ли, о работе. И уж нет иных, чисто русских слов с великим множеством оттенков, а значит, нет и того множества чувств, которые откликом родятся на родное слово... Болезнь развивается... Чужие,

213. Цит. по: Чуковский К. Живой как жизнь. М., 1962. С. 71.

214. Чуковский К. С. 76–77.

из чужих языков нахватанные, на русский манер причесанные, в русское платье ряженные, а смысла в них русского нет как нет. Сложные эти сооружения — сплошь неологизмы, созданные по романо-германским идеям, этакая «гуманитарная помощь» нам, русским, будто бессловесным и немысленным. Наблюдая стремительное размножение подобных речений, приходится признать, что в русском языке образуются «речевые пустоты» — слова без смысла, предложения без сути. А что есть слово без определенного, в корне закрепленного значения — звериная переключка, звучание, оказавшееся за гранью членораздельной речи.

Даже русская интонация подверглась иностранной муштре. Поблекло звуковое многоцветье, гибнет многострунность русской речи. По заученным небогатым интонационным моделям английского языка чеканят свои звуковые тексты комментаторы радио и телевидения, а вслед за ними — велика сила примера — многомиллионные слушатели, в первую очередь дети. Слушать «электронную», будто роботом воспроизводимую речь гадко и страшно... Даже названия программ радио и телевидения теперь не всякому под силу понять, что за иностранец их понавыдумывал: «Телемикст», «Бомонд», «Военное ревью», «Тинко», «Евромикс», «Телетайп», «Поп-магазин»...²¹⁵

На такого читателя едва ли подействовало бы и старое доброе *идейно выдержанное* (по советской формуле) утешение Корнея Чуковского:

Когда нам встречаются в «Правде» гордые заявления о том, что советские люди — пионеры космических трасс (№ 70 от 11 марта 1961), мы считаем эту «иностранщину» совершенно уместной и не испытываем никакой неприязни к трем иностранным словам, которые именно благодаря усилиям советских людей давно уже сделались русскими²¹⁶.

Додумывая до конца этот спор о своем и чужом, приходится привести подобные и признать: языковое уродство — не какой-нибудь «бомонд», но сам тот способ мыслить о языке, который порождает неостановимые lamentации уверенных в себе хранителей святынь, пытающихся диктовать направ-

215. Миронова Т. Плач по русскому языку // Литературная Россия. 19.02.1993.

216. Чуковский К. С. 77.

ление ветру. Неизбежно упрощая, можно свести такой способ мысли о языке к двоякой задаче: 'как правильно говорить?', 'как внушить другим правильный способ речи и мысли?'. По этому общему правилу действует носитель языка в условиях господства идеологии, или в «тоталитарном» государстве. Демократическое общество, в недрах которого сложилась теория дискурса, имеет дело со способом мысли, сводящемся — в идеале — к более сложному заключению: 'почему мы говорим так, как мы говорим?', 'как найти общий язык с тем, кто говорит так, как он говорит?' и, в особенности, 'с теми, кто говорит не так, как говорим мы'.

Приходится признать, далее, что противостояние лингвистическому фундаментализму или борьба с ним толкают носителя языка «в тень врага». Хотя в мелочи, — а мир языка иерархичен только в теоретическом представлении, но в каждом воплощении весь состоит из мелочей, каждая из которых всегда помещается в самый центр речевого круга, — говорящий тут и там натывается на чужие проговорки и сам безостановочно проговаривается, лишний раз догадываясь, что не носитель языка владеет языком²¹⁷, а в условиях свободы дискурс диктует индивидуальному сознанию режим поведения.

Задержав в памяти слово *режим*, вчитаемся в аргументы Корнея Чуковского, балансирующего между двумя концепциями речевого поведения — диригизмом «культуры речи» и произволом языкотворческой воли.

Нелегко мне чувствовать расположение к тому человеку — будь он врач, инженер, литератор, учитель, студент, который скажет при мне:

— Он смеялся в мой адрес.

Или:

— Матеря пришли на выбора.

Может быть, в будущем, в 70-х годах, эти формы окончательно утвердятся в обиходе культурных людей, но сейчас, в 1962 году, они все еще ощущаются мною как верная примета бескультурья! Что же касается таких форм, как «пока», «я пошел», «вроде дождик идет» и др., их, несомненно, пора *амнистировать*, потому

217. Характерна постановка вопроса в анкетах: «Какими языками владеете?»

что их связь с той средой, которая их породила, успела уже всеми позабыться, и, таким образом, из разряда просторечных и жаргонных они уже прочно вошли в разряд литературных, и нет ни малейшей нужды *изгонять* их оттуда²¹⁸.

Выделенные мною слова — *амнистировать* и *изгонять* — сами по себе примета времени, травинка на вершине социального холма, у подножия которого — гигантский, попросту несоизмеримый с горсткой «культурно говорящих» интеллигентов, мир репрессированного человечества, привычного именно к этому понятийному аппарату. А уж к 1970-м годам «в обиходе культурных людей» заголосила такая фенья, что и у самых либеральных словопользователей начинают чесаться руки: как бы изловчиться и запечатать уста всем этим грязным носителям «черного слова».

Языковые уродства, сопровождающие любые попытки выломиться из вчерашнего идеологического пространства, неизбежны. Они обусловлены тем складом ума, тем, как не принято стало писать в 1990-е годы, «укладом общественного сознания», который одновременно и упирается, не хочет говорить, и навязывается первому встречному, мечтает рассказать о себе.

Привычка к неживому, стертому, авторитарному слову формировала в душах то качество, которое Мераб Мамардашвили называл «неспособностью практиковать сложность» — иными словами, глубокий инфантилизм, готовность принять на веру последний бред, нежелание самостоятельно мыслить и потребность в «указующей руке», — качество, легшее в основу национального менталитета на долгие годы и многое объясняющее²¹⁹.

На каком же языке сегодня объясняться этому пресловутому инфантильному «национальному менталитету» с самим собой и с другими? Для ответа на этот вопрос охотно прибегают к методу исторических аналогий. «Дальнозорким» единственным «аналогом нынешнего состояния языка» представляется язык петровской эпохи, «язык-монстр, где соединялись канце-

218. Чуковский К. С. 20.

219. Ажгихина Н. Уроки «третьей волны» // Общественные науки и современность. 1992. № 3. С. 114.

ляризмы XVII века, вроде „государева слова и дела“, и грубые европеизмы»²²⁰. «Близорукие» всматриваются в русский язык первых лет после революции, когда он «начал буквально захлебываться блатной феней»²²¹.

Нынешние языковые процессы признаются тем самым неотъемлемой частью собственной национальной культурной традиции, а вовсе не выпадением из нее, как думали еще в двадцатые годы, описывая тогдашнюю «изуродованность и искалеченность» русского языка. Именно в силу глубокой традиционности того, что происходит с русским языком сегодня, современного читателя не должно изумлять сходство этих чужих описаний и собственной реальности.

Никогда еще русский язык не испытывал такого засилья иностранщины, как сейчас. Все стараются «свою образованность показать», и ораторы, и газеты, и декреты глушат и пугают загадочными словами — «диспропорция», «рентабельность», «дезаурировать» [...] и т.д. Хотел бы я увидеть такого крестьянина или рабочего, которые, «в общем и целом», что-нибудь могут понять в этом надутым, зашифрованном словаре, со всякими «люмпенами», «модусами» и «дискредитациями»... Насаждение чуждых слов и понятий обозначает чуждый дух, определяет и власть, тоже как навязанную и чужую...

Так писал в начале 1920-х эмигрировавший после революции русский писатель из Риги Петр Моисеевич Пильский²²².

Почти теми же словами пишет и автор национал-патриотической газеты 1990-х:

Мутными потоками втекает в язык не только «немецчина», безудержен наплыв брани и жаргона, «черных слов» и столь же «черных», стоящих за ними понятий. Вот что явила в наши дни та давняя смута, посеянная злым умыслом: русский язык, некогда могучий и прекрасный, ныне стремительно пере-

220. Кривулин В. «Великий и могучий...» Свободный ли? // Столица. 1992. № 27 (85). С. 49.

221. Арапов М. Язык утопии [о лингвистической теории А. А. Богданова-Малиновского] // Знание — сила. 1990. № 2. С. 66–72.

222. Пильский П. Извратители. Цит. по: Русская Жизнь. 06.08.1992. С. 6–7.

рождается в «средство общения», в русскоязычный жаргон, который заполнил собою всё²²³.

Здесь, как и у публициста 20-х гг., задет все тот же нерв проблемы: новая реальность, приходящая в язык вместе с чужими, но быстро усваиваемыми «западными» словами (*менталитет, люмпены, инфантилизм, дискурс*), и должна была привести в повседневную политическую речь слова с социального дна, из того крошечного мира, который поднялся в политику до и после революции 1917 года и развивался вширь, вглубь и вверх на всем протяжении Советской власти²²⁴.

Возвращаясь к концепции «культурных сценариев», приходится признать, что сама процедура изменения традиционного сценария — повторяема в разных политико-экономических ситуациях, переживаемых носителями языка.

Но если в советскую русскую речь блатная феня шла, казалось, контрабандой, как собиравшийся пригодиться голос тайной свободы, то к нынешним условиям «интержаргон асоциальных элементов» (как он остроумно отрекомендован в словаре В. Быкова) подошел в роли самого заметного участника действительно свободного дискурса.

Торжество ненормативности оглушило общество. Через перемены в языке оно требует от говорящих и пишущих на нем все более трезвой социальной самооценки.

Русский язык XX века — язык великой нации, претендовавшей на мировое господство. Нам предстоит смена стереотипов: огромный народ останется, огромная страна останется, но имперская идеология и все ее структуры, включая языковую, должны измениться²²⁵.

Пойми языковую структуру — и ты поймешь имперскую идеологию. Но спокойное, «взвешенное», как приговаривал Горбачев, понимание этих структурных перемен невозможно

223. Миронова Т. 1993.

224. См.: Тимофеев Л. Мы живем в уголовную эпоху // Столица. 1992. № 27 (85). С. 12–14.

225. Кривулин В. «Великий и могучий...» Свободный ли? О запретном в языке // Столица. 1992. № 27 (85). С. 49.

просто потому, что вместе с изменениями языка меняется, очевидно, и способ понимания.

Многие захотели воспользоваться возможностью через наблюдение за, в сущности, микроскопическими языковыми переменами понять суть тектонических сдвигов на одной шестой части земной суши. Одни прямо заявили, что «освобождение языка связано с общедемократическим процессом», что тут-то, с разрушением языкового пуританизма, и наступает настоящий отказ от «сталинской модели жизни»²²⁶.

Происходящее в языке неизбежно гипостазировано всяким, кто обращает на него внимание: значение символических событий вообще естественным образом преувеличивается. Следствием этого оказывается своеобразное укрепление логократии — власти слов, особенно идеологизированной речи, которой, как кажется, тяготится российское общество.

Самые важные слова мы часто произносим, как бы не осознавая их смысла, как бы скользя по поверхности. И вдруг обнаруживаем, что это искажает саму нашу жизнь. Недавно оказалось, например, что целые поколения терпели невзгоды, убивали и гибли сами во имя социализма, весьма туманно представляя себе, что это слово, собственно, означает. Попытка осмыслить его обернулась потрясением основ привычного существования²²⁷.

Представление о том, что жизнь искажена неполнотой понимания смыслов и их неправильным словесным выражением, автор должен тут же подкрепить Платоном, Священным писанием или, как это делает М. Харитонов, Конфуцием: в противном случае придется признать, что перед нами новая песня на старый лад, или продукт идеологической мысли. Надобно-де вчитать в слово правильное значение, за ним и дело пойдет. Эта же идеологическая установка во многом определила судьбу русской общественной речи в 1920–1950-х гг.

Именно длительный опыт идеологического вычленения из языка того, что приемлемо для общественного употребления, и помещения вычлененного в немоту и глухоту, обеспе-

226. Кривулин В. Там же. С. 48–49.

227. Харитонов М. Исправление имен // Странник. 1993. № 1. С. 26.

чил такую почву для нынешней свободы слова и, стало быть, для взаимодействия на ней вышеназванных языковых пластов, на которой любые перемены, любые события должны восприниматься как кошмар: значение, по распространенному мнению, окончательно вытряхнуто из слова; развивая традиционную метафору слова-живого-существа, неизбежно приходишь к картине духовного мира, ставшего жертвой вурдалаков, высасывающих смысл, как кровь из жил.

Люди, которым слова — профессиональный инструмент, в кошмаре: слова, на вид надежные, пахнут ложью. Представьте хирурга, который берет блестящий скальпель и чувствует, как тот воняет: решится ли он начать операцию? Как чувствует себя историк и филолог, который читает в газетах о казаках, которым мэр Москвы поручает охрану рынка? Что этот «рынок» вовсе не означает рынка, так к этому мы привыкли с большевистских времен. Но ведь и эти «казаки» ни малейшего отношения к казакам не имеют, и «мэр» вряд ли может называться мэром. [...] Слова-оборотни разгулялись не только в политике... Вампир от нормального человека отличим не клыками и бледностью, а узко потребительским взглядом²²⁸.

Итак, общество переживает новое (после революции 1917 года) выпадение из Нормы. Всплывший на дневную политическую поверхность язык «низа», «подполья» вторично в двадцатом столетии отмечает небывалую глубину культурно-исторических перемен.

А именно, это та глубина, где, согласно нерелефлируемому предчувствию, покоятся основания здравого смысла, привычный порядок бытового повседневного общения, умственный и душевный приют, в котором ничто не должно меняться, какие бы перемены ни происходили на верхних ступеньках общественной лестницы. Уверенность в том, что где-то там и должна гнездиться норма, разлита в текстах, представляющих разные направления мысли.

Основополагающая трудность, с которой сталкиваются носители русского языка поссоветского времени, состоит, однако, в том, что вся эта материя, в обыденной жизни не пред-

228. Кротов Я. Оборотни в мире слов // Московские новости. 20.12.1992.

назначенная для словесного воплощения, горячо и неизбежно заговаривается, если не забалтывается.

Как именно это происходит, видно уже на примере операций с идеологемой *норма*.

Нам недостает *ощущения нормы свободы, нормальной свободы, достаточной свободы*²²⁹.

Можно себе представить, каких усилий потребует возвращение колоссальной страны с ее народами в *нормальное «место» и нормальное «время»*²³⁰.

Взглянув на карту теперешней политической борьбы, которая никак не может стать *нормальной политической жизнью*, понять что-либо трудно²³¹.

Задача в том, чтобы помочь людям *вернуться в нормальную систему ценностей*, побудить задуматься о себе...²³²

Выпадением из нормы широко признается и весь советский период русской истории, и даже вся она в целом, но и расставание с советским периодом — крушение. Открытый во времени, исторический процесс остается для фрустрированного сознания замкнутым, не нормальным.

Структура русского политического пространства не отводит человеку *места для нормальной жизни*, ибо области Спасения и Вечного Проклятия сходятся вплотную, выжимая личность на лезвие границы, мерцающее Добром и Злом²³³.

Острота положения состоит в том, что само стремление к норме рассматривается теми, кто берется за его описание, как один из элементов фатальной ненормальности предшествующего исторического пути. Пишущий на данную тему попадает в известную логическую ловушку о лжецах, признающих себя

229. Гельман А. Свобода без сюжета // Искусство кино. 1991. № 9. С. 129–131.

230. Иванова Н. Выйти из ряда // Октябрь. 1991. № 10. С. 180.

231. Рубцов А. Мозговая демобилизация? // Московские новости. 15.03.1992.

232. Михайлов Н. Дело уже не в закуске // Независимая газета. 17.04.1992.

233. Цит. по: Савицкая Т. Три жизни Михаила Казачкова // Столица. 1992. № 16 (74). С. 40.

такowymi. Апория о критянах осложнена в русском варианте особыми условиями противостояния в обществе между теми, кто считает, что

Россия должна стать *нормальной великой державой*²³⁴,

и теми, кто полагает, что

Россия, наконец, превращается, как говорил Наум Коржавин, в *«нормальную плохую страну»*²³⁵.

Поверхностно-словесная, но и подсознательная установка на Норму становится источником острого внутреннего разлада в силу неизбежной тавтологической бессодержательности ключевого понятия.

Мы ведь живем теперь *под звездой Нормы*. Ориентируемся на цивилизованные нормы. *«Нормальный ход»* — так Сергей Чупринин программную статью называет. Норма для нас теперь — идеал, цель, истина, нить путеводная. *Норма теперь — норма*. И как же пережить такое российской культуре, которая *все свое величие накачала на ненормальности*. И глубин, которыми гордимся, достигала на пределе, в забытии, в разрывах, в безумии игрока, просто в идиотизме. А теперь нам прописывают западные лекарства. В упаковочке. *Не «норма» даже — NORMA*²³⁶.

Итак, все хотят приближения к норме как таковой, все жаждут возвращения к понятию нормы, но чем ближе утоление этой жажды, тем очевиднее неизбежность крушения всего предшествующего уклада жизни, включая и тот приют, где гнездится самое Норма. Возвратиться к норме нельзя, ибо то, что было, никогда не было нормой, и с этим отказывается смиряться нормальное сознание.

Публицист, настроенный в духе возрождения державы, обвиняет своих демократических оппонентов в том, что к «символам-лозунгам тоталитарного государства Оруэлла прибав-

234. Тодрес В. «Россия должна стать нормальной великой державой», — постановил Русский национальный собор // Независимая газета. 16.06.1992.

235. Крючков П. Сердце по кругу. Преодоленная боль Бахыта Кенжеева // Независимая газета. 22.04.1992.

236. Курицын В. Гордыня как смирение. Не-нормальный Галковский // Литературная газета. 05.08.1992.

вился стараниями наших гуманистов еще один: „Аномалия — это норма“»²³⁷.

Перед нами, очевидно, эрозия не понятия нормы, но всего семантического поля, на котором оно могло бы иметь общезначимый смысл, а не превращаться в словесную упаковку сверхценной идеи²³⁸. В форме иногда вполне магических заклинаний

...пробудить *нормальные защитные рефлексы* нашего общественного организма, стряхнуть с него оцепенение и восстановить *нормальный кровоток*²³⁹, —

мы наблюдаем здесь общественное явление, которое Андрей Фадин определил как «шок понимания» невозвратности былого мироустройства²⁴⁰.

— Как живете?

— Нормально.

Но живем — аномально²⁴¹.

Наблюдатель поссоветской русской жизни легко может подумать, что этот традиционнейший ответ — «нормально» — только теперь широко пошел в дело.

Нормально — самое ходовое теперь слово. Все сегодня кажется русским в каком-то смысле нормальным: загрязнение среды обитания, инфляция, коррупция, мафия, дерьмо. Синоним

237. Ованесян Е. От купюр — к «от кутюр». Литературный эпатаж и «высокая мода» // Литературная Россия. 1992. № 1–2. С. 11.

238. Другой пример «диалектического» вытряхивания содержания из ключевого слова — это операции современных авторов — от политиков до философов — с категорией *мифа*, позволяющие автоматически объявлять любой предмет одновременно как единственно-, так и мнимо-сущим. См.: Немзер А. Страсть к разрывам. Заметки о сравнительно новой мифологии // Новый мир. 1992. № 4. С. 226–238; Белкин А. Из мифа... в миф // Культура. 04.04.1992; Дарк О. Миф о прозе // Дружба народов. 1992. № 5–6. С. 218–232; Осипов Г. В. Мифы уходящего времени // Социологические исследования. 1992. № 6. С. 3–14.

239. Грачев А [бывший пресс-секретарь М. Горбачева]. Плюс приватизация всей страны // Московские новости. 26.07.1992.

240. Фадин А. Крушение империи: два взгляда // Век XX и мир. 1992. № 1. С. 9.

241. Вознесенский А. «Пара страничек из моей сегодняшней тетради» // Огонёк. 1991. Декабрь. С. 17.

этого нормально — всё равно. Ничто не раздражает русских и не возбуждает их...²⁴²

Иностранному наблюдателю 1990-х годов простительно не знать, что распространение такой словесной (в советском идеологическом обиходе она называлась «просторечной»²⁴³) «нормальности» пришлось уже на 1970-е годы²⁴⁴.

Но «шок понимания», действительно, пришелся именно на конец перестройки, или эпохи Горбачева, и на уровне речевого поведения обернулся труднопереносимой языковой сумятицей. Труднопереносимой потому, что всякая попытка осмыслить ее только усугубляет сумятицу. Выясняется, что «новый строй мысли», или политический дискурс, вовсе не предлагает никакого нового канона, никаких предписаний, правил, трюка, никакого тайного знания, которое бы, подобно умению извлекать подтексты, обеспечило выживание в новых условиях. Свобода — беспредпосылочная атмосфера, за которую нужно непрерывно бороться, ища консенсуса (согласия) с другими участниками дискурса.

Суть развитой системы политической коммуникации заключается в обеспечении возможностей для достижения общественного согласия. Тем самым роль политика заключается не просто в том, чтобы скрывать свои мысли, а в том, чтобы, скрывая одни мысли и не скрывая других, стремиться к принятию таких решений, которые в той или иной мере удовлетворяют всех членов социума. Совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, освященных традицией и проверенных

242. „Normalno“ ist denn auch das meistgebrauchte Wort. Alles erscheint den Russen heute irgendwie normal: die Umweltverschmutzung, die Inflation, die Korruption, die Mafia, der Dreck. Normal ist Synonym für egal. Nichts regt Russen mehr auf, nichts an...» (C. Bernd Sucher. Die Politiker reden — das Land verelendet. Moskau im März: Chaos, Schmutz und Mafia // Süddeutsche Zeitung. 03./04. April 1993).

243. См.: *Ермакова О. П.* Номинация в просторечии // Земская Е. А., Шмелев Д. Н. (отв. редакторы). *Городское просторечие. Проблемы изучения.* М.: Наука, 1984. С. 130–140.

244. См. наблюдения в кн.: *Капанадзе Л. А.* Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973. С. 455–456.

опытом, образует политический дискурс (от фр. *discours* — речь, выступление)²⁴⁵.

Этот способ жизненного поведения, безусловно, много сложнее принятого в СССР и России до сих пор. Но первая, живая реакция носителей языка направлена не против собственной притерпелости к несвободе, а против неприятного нового слова «дискурс». Употребляющие его люди воспринимаются косной массой как ‘модники, падкие на заграничные штучки’.

Постструктурализм решительно поставил Критика, Читателя и всемогущий безличный Дискурс и над Автором, и над Текстом. [...] К сожалению, слова *transition* (= «переходный процесс»), *discourse* (= «воплощенные в речи мироощущение и жизненная позиция») и *identity* (= «сознание/ощущение собственной личности»), столь необходимые для разговора на эти темы²⁴⁶, относятся к числу блистающих отсутствием в русском словаре. Помню, как в начале 70-х гг. я переводил на русский статью Цв. Тодорова, а затем встретился с ним в Париже уже в качестве эмигранта (1980 г.). Поблагодарив меня за перевод, он высказал и претензию: «„Discours“ — не то же самое, что „тип текста“». Не поняв сути возражения, я запомнил его, чтобы осмыслить в дальнейшем — процесс, занявший лет пять. В 1988 г. в Москве, в разговоре с коллегой, я употребил слово «дискурс» и был немедленно обвинен в пристрастии к модной тарабарщине. Увы, в ответ на прямой вызов определить по-русски понятие дискурса, я был в конце концов вынужден прибегнуть к обратному переводу в полумистическое бахтинское «Слово».

Забавно, что с середины 1990-х слова «дискурс» (с ударением на первом слоге) и «идентичность» свободно употребляются в российских СМК²⁴⁷.

245. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Советский политический язык (от ритуала к метафоре). М.: Знание, 1991. С. 6.

246. Культурно-географическое перемещение из советской среды в американскую; личные поиски того, что можно назвать «дискурсивным самоопределением», то есть ответа на вопрос, о чем и как мне бы хотелось писать.

247. Жолковский. 1995. С. 12, 190.

В поиске выхода из неуютной свободы носители языка, пугаясь именно беспредпосылочности свободы, не сговариваясь, но и словно сговорившись, сакрализуют «здравый смысл»: это как раз та матрица поведения и размышления, полная доступность и неопределенность которой позволяет едва ли не всякому адоранту «здравомыслия» воздерживаться от познавательных усилий, или от уяснения того, в чем же собственно состоит предмет их нового культа. Риторическая природа апологии или проповеди «здорового смысла» широко представлена в публицистике 1990-х гг.

В одном номере одной газеты литературный критик пишет:

Я буду говорить о здравом смысле потому, что именно его не хватает в первую очередь, когда мы беремся рассуждать об интересах писателей;

а писатель-экономист обращается к успехам китайской реформы и отвечает на свой вопрос так:

Идти надо туда, куда нас ведет обыкновенный крестьянский здравый смысл²⁴⁸.

«Здравый смысл должен восторжествовать», — называет свою статью о применимости в России японского экономического эксперимента директор завода из Тирасполя²⁴⁹.

Рассуждение о требовании «здорового смысла, вмененного нам Господом в обязанность (Матф. 10,16)», мы находим и у С.С.Аверинцева²⁵⁰.

Советский идеологический опыт сопротивляется вытеснению его из обихода. Воспроизводится благоговение перед мнимой святыней («великий русский язык» как надежный носитель «здорового смысла») и грубое словесное насилие над общезначимыми, но не знакомыми обществу ценностями («свобода слова», «демократия-дерьмократия»). Одно из слов-прикрытий для такого насилия — это «инфляция», «обвальная, галопирующая инфляция».

248. Огнев В. Только о здравом смысле; Шмелев Н. Куда идти? // Литературная газета. 10.02.1993.

249. Соловьев В. С. // ЭКО. 1992. № 7. С. 22.

250. Аверинцев С. Мы и наши иерархи — вчера и сегодня // Новая Европа. 1992. № 1. С. 53.

Буйство законов, переходящее в прогрессирующую инфляцию. Инфляцию всего... Ветер инфляции задувает пыль в глаза... Идеология попсы²⁵¹ серьезно претендует на роль единственно верной, самой передовой идеологии периода инфляции всего²⁵².

На волне инфляции — подобно тому, как это было в эпоху установления советского языка, сметая речевые привычки, сменяя воображаемую норму, матерное слово и мешается в дискурсе со словом иностранным. В ярком памфлете, направленном против порчи русского языка, редактор первой в поссоветской России политически не зависимой газеты, обрушивается на дискурс с единственным надежным оружием наперевес:

Русский язык мы портим. Недавно я прочитал в одной самонадеянной газете следующую фразу: «Женский дискурс в современной российской культуре прорастает». Да, тут уже ничего хорошего не жди, если дискурс пошел в рост. Что это за орган у женщины и у культуры одновременно, сообразить нормальному русскому человеку, владеющему нормальным (литературным и нелитературным) языком, невозможно. Может, это новый тип тампакса, а вдруг и вообще — пенис транссексуала? Вот эти двое точно у нас растут, особенно у некоторых авторов. Но зачем же всю русскую культуру заражать неприличными болезнями?

Я, языковед по рождению и последнему месту работы в Александрийской библиотеке, утверждаю, что в любом тексте современных авторов их любимое слово «дискурс» можно заменить без всякого ущерба для смысла (отсутствующего) либо на «терминатор» (словарь терминов), либо на простое русское «ход мысли».

251. Попса́ (редко: по́пса): термин употребляется в расплывчатом значении; как общее наименование современной молодежной субкультуры; как стилевая характеристика советско-русского варианта «постмодернизма»; в значении «а если что дешевое, то новое, фартовое» (Владимир Высоцкий); на собственном языке попсы «попсовый»: 1. Очень хороший. 2. Элегантный, модный» (*Балдаев Д. С. и др. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона*. М.: Края Москвы, 1992. С. 186). Подробнее см.: Gussejnov. 1994. S. 199–204.

252. Гер Э. Это какой-то рок... Почему попса́ в России больше чем попса́? // Независимая газета. 05.05.1993.

Что делать, спросят меня устыдившиеся дискурсофилы? Учитесь у русского народа, изучайте его словотворчество. Я, например, в свое время был озадачен бессмысленно-беспредметным выражением «pizdjюлина от часов». И как-то один мудрец объяснил мне, что в суровые годы холодной войны был такой гнусный империалист и антисоветчик госсекретарь США Ачесон. И именно его свободолюбивый русский язык окрестил «pizdjюлина²⁵³ Ачесон» сначала в дипломатических кругах, а затем пустил это определение в массы²⁵⁴, сделав универсальным для обозначения всякого плохого человека — «pizdjюлина от часов».

О, великий русский язык, сглотни и проклятый «дискурс» в свою цензурную или нецензурную утробу! И выплюни как-нибудь «pizдискурсом» или «придурскисом»²⁵⁵.

Идеологический человек, сидящий в носителе русского языка советской эпохи, давно смирившимся с привычными заимствованиями вроде какого-нибудь лобзика (от немецкого *Laubsäge*), сопротивляется, конечно, не иностранному слову как таковому, но самому концепту свободы, содержащемуся в несчастном слове «дискурс», адекватно переводимом для него, идеологического человека, на русский язык предшествующей эпохи, как было видно, только матерным образом. Приведенный пассаж, видимо, не только в порядке проговорки начинается с цитаты из Ленина²⁵⁶. В 1920 году, когда основополож-

253. Ср.:

— Лена, не отставай.

— Садись ты с ней, я с pizdjюлей этой не сяду...

(Сорокин. 1985. С. 85.)

254. Ср. «Фамилия — Ачесон. Имя — Дин. Кличка — Дипломат. Уголовная специальность — Белодомушник». Фамилия — Даллес. Имя — Джон. Кличка — Джонька-Каин. Уголовная специальность — Наводчик... (Альбом преступников // Крокодил. 10.09.1950. Цит. по: *Фесенко*. С. 98).

255. *Советологов Т.* Без штанов, но в шляпе. Косноязычие с дискурсом на языке // Независимая газета. 07.09.1996. Ср. pizdjéть — 'болтать, позволять себе говорить что угодно'.

256. «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно...» (*Ленин В. И.* Соч. Т. 30. С. 274).

ник большевизма (международное слово) и Советской Власти (международное слово) писал заметку «Об очистке русского языка», эпоха большого вмешательства в сознание масс только начиналась. Конец советской эпохи приходит в Россию с понятиями, только еще вырабатываемыми общественностью этой страны в открытом обмене свободно обрабатываемых мнений²⁵⁷. Тот узкий, но объемлющий всё языковое сообщество слой языка, с которым имела дело эта глава, оказался единственной вполне самобытной словесной средой, где дискурс и нашел себе почву и арсенал для первичного воплощения по-русски.

Разобранные выше сегменты дискурса — *здравомыслие* (*здравый смысл*) и *норма* — и позволяют носителям языка в 1990-е годы позиционировать мат как ненормативный речевой хабитус, входящий, тем не менее, в поле здравомыслия.

Первый открытый официальный опрос общественного мнения о мате, осуществленный ВЦИОМом в 2000 году, показал, что менее трети населения не пользуется матерным языком вовсе. Для большинства это теперь уже — часть повседневного языка общения²⁵⁸.

Из сказанного можно сделать следующий вывод:

припадание (возвращение) к норме, понимаемое как проявление здравомыслия, осуществляется в формах ненормативности, а риторическая фигура эсхрофемизма (стебное снижение) является содержательной характеристикой поссоветского русского дискурса. Эсхрофемизм облегчает, по-видимому, освоение слишком большого массива новизны.

DOI: 10.55167/fcb231786857

257. См. также дискуссию о матерном языке, проведенную в 1997 г. на форуме «Глас народа»: <http://www.kulichki.ru/discuss/archive-mater.html>.

258. «Когда Вы в последний раз выражались нецензурно, матерились?» Никогда — 30% россиян; уже не помнят, когда — 19%; от двух до семи дней назад — 7%, мужчин — 10%, женщин — 5%; сегодня или вчера — 38%, мужчин — 53%, женщин — 26% (<http://www.polit.ru/documents/204412.html>).

РЕЦЕНЗИИ

Толковый словарь государственного языка Российской Федерации

Толковый словарь государственного языка Российской Федерации: в 2 томах. Т. 1. А–О / Под науч. ред. Н. М. Кропачева, С. А. Белова, С. А. Кузнецова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2025. — 900 с. ISBN 978-5-288-06485-2, ISBN 978-5-288-06483-8 (том 1); Толковый словарь государственного языка Российской Федерации: в 2 томах. Т. 2. П–Я / Под науч. ред. Н. М. Кропачева, С. А. Белова, С. А. Кузнецова. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2025. — 796 с. ISBN 978-5-288-06485-2, ISBN 978-5-288-06486-9 (том 2)

В словарь этот и вошли слова, которые можно употреблять, когда хочешь писать или говорить на русском языке как на государственном. В аннотации есть и такое уточнение: «В словаре даны толкования слов, описывающие содержание традиционных российских духовно-нравственных ценностей (перечисленных в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 года № 809)».

Это ограничение сразу и окончательно примирило меня с отсутствием в нем слова «жопа», на которое, заламывая руки, жаловалась интеллигенция. Но оно ведь никуда не исчезает — ни в прямом, ни в переносном смысле. Носители русского языка охотно используют и такие, например, выражения, как «пиздец» (существительное в значении междометия, с помощью которого обозначаются крайне неудачно складывающиеся жизненные обстоятельства). Иногда в подобной же ситуации десятки миллионов россиян по сто раз на дню используют выражение «ёб твою мать». Они могут при этом иметь в виду и все государство в целом, и отдельных его представителей, и политическое искусство своего президента. Но даже и миллиард раз произнесенное носителями языка в течение одного только дня слово «пиздец» не может заставить, например, законодателей включить это слово в какой-нибудь документ. А словарь государственного языка создан именно для того, чтобы составлять

с помощью входящих туда слов документы государственной важности. В том числе, я полагаю, и такие документы, на которых держится государственная идеология.

Вот почему каждый уважающий себя исследователь русского языка должен, внимательно читая этот словарь, прислушиваться не к своим пользовательским эмоциям, не к ассоциациям со старыми советскими цензурными анекдотами («Как это? Жопа есть, а слова нету?!»), а к тому духу, к той ритуальной основе, которую через словарь проповедует законодатель.

И тут нужно учитывать диалектику включений и умолчаний, иначе говоря, уметь читать между строк, сопоставляя словарные статьи с теми текстами, которые вот прямо сейчас создаются российскими властями дум, чувств и тел государственных подданных.

По прочтении обоих томов насквозь я и начну с примера на букву А. Российское государство за четыре года войны в Украине отправило на тот свет или лишило важных частей тела несколько сот тысяч своих мужчин в репродуктивном возрасте (я сейчас не говорю о невинных жертвах украинской стороны). Поскольку этот андроид в ближайшие годы приведет к сокращению и численности населения, российская машина пропаганды — от попов до политруков — затеяла кампанию против абортов. Можно было бы предположить, что и в словаре государственного языка будет какое-то емкое толкование слова АБОРТ, как это сделано для соседних слов вроде АБАКА, АББРЕВИАТУРЫ, АБИТУРИЕНТА или АБОНЕМЕНТА. Но вопреки политической стратегии российского государства, слово вовсе никак не объясняется.

АБОРТ, -а; [от лат. aborto — рождать преждевременно]

Для сравнения прочитайте статью о гораздо более простом для толкования слове ЕДА:

ЕДА, -ы; 1. Приём пищи. *За едой. Во время еды, после еды. За едой не разговаривают. Принялись за еду. Ему не до еды (нет желания или времени поесть).* 2. То, что едят; пища. *Столы ломились от обилия еды. Еды в доме никакой! После жирной еды хочется пить.*

О чем говорит этот пример? О том, что разные разделы словаря писали люди разной квалификации, а вот те, кто сво-

дил все это богатство в архитектурное целое, в рабочий склад языка, схалтурили.

Для читателя это как раз очень хорошо, потому что разбор белых пятен и проговорок позволит нам разглядеть, какой идеологией, кроме привычки к халтуре, руководствовались составители словаря.

Отсутствие слова «жопа» с лихвой компенсируется словом ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩИЙ, -ая, -ее.

1. Оказывающий значительное влияние на образование какого-либо государства. *Государствообразующая роль религии. Государствообразующая функция национального телевидения.* 2. Юрид. Составляющий наиболее значительную часть населения данного государства. *Государствообразующий этнос. Язык государствообразующего народа.*

Мы живем во времена, когда всякий — от школьника до пенсионера — может установить источник слова и проследить траекторию текущей «государствообразующей» идеологии от ее зарождения (в данном случае — у евразийца Петра Савицкого (1927) до нынешних певцов русской автократии (вроде Александра Дугина). Курсивом в словаре выделены примеры употребления, которые, как мы помним, одновременно являются и рекомендациями для пользователя.

АВТОКРАТИЯ, -и; [от греч., *autós* — сам и *krátos* — сила, власть]. Форма государственного правления, при которой неограниченная верховная власть принадлежит одному лицу; абсолютизм, самодержавие (ср. также: монархия, деспотизм). *Со времени возникновения государства автократия является наиболее распространённой и долговечной формой правления.* < Автократический, -ая, -ое. Автократическая форма правления.

АВТОРИТАРИЗМ, -а; [от лат.: *auctoritas* — авторитет]. Форма государственного правления, основанная на авторитете конкретного лица при ограниченном участии народа в принятии важнейших решений по вопросам политической, экономической, социальной жизни общества (ср.: абсолютизм, автократия). • *Наиболее эффективная форма государственного правления в тяжёлые для страны времена, т.к. допускает многообразие форм собственности, часто опорой ей служит блок партий и движений, не уничтожает враждебные силы, допускает ограниченное существование иных, кроме традиционных, систем ценностей.*

ДЕМОКРАТИЯ, -и; [от греч.: *démos* — народ и *krátos* — власть].
1. Осуществление власти на принципах учёта мнения всех (в государстве — всех граждан), открытости для обсуждения и общественного контроля за принятием и исполнением властных решений; народовластие. *Формы, принципы демократии. Ограничение, подавление демократии. Борец за демократию. Расширять, укреплять демократию.* // В практике полит. жизни стран Запада: форма государственного правления, при которой граждане имеют определённые права и свободы, а государственные институты действуют в интересах наиболее влиятельных лиц, воздействующих на процесс принятия решений по вопросам политической, экономической, социальной жизни общества (*противоп.*: народовластие). *Мнимая демократия.* 2. Принцип организации коллективной деятельности, при котором обеспечивается активное, равноправное участие в ней всех членов коллектива. *Внутрипартийная, профсоюзная демократия.*

ДИКТАТУРА, -ы; [от лат.: *dictatura*]. 1. [Полит.] Форма правления, при которой вся власть в государстве принадлежит одному лицу или группе лиц, обладающих ничем не ограниченными властными полномочиями и осуществляющих власть посредством насилия. *Нацистская диктатура. Военная диктатура (опирающаяся на вооружённую силу).*

Диктатура пролетариата (о политической власти рабочего класса). *Левая диктатура* (политический режим, ограничивающий низовую самоорганизацию общества, свободу рыночных отношений и частной собственности, свободу совести, семьи и т.п.). *Правая диктатура* (политический режим, осуществляющий консервативную, охранительную политику). *Однопартийная диктатура* (форма правления, при котором только одна политическая партия имеет право формировать правительство, все остальные партии либо объявлены вне закона, либо им разрешено принимать лишь ограниченное и контролируемое участие в выборах). *Сталинская диктатура* (в СССР в 30-50-х годах: авторитарный режим, опиравшийся на партийно-государственные структуры во главе с И. В. Сталиным). • Эта форма правления обычно возникает в чрезвычайных условиях, в период обострения борьбы между различными социальными группами общества. 2. Властное, подчиняющее себе влияние чего-либо. *Диктатура совести. Диктатура бездарностей. Диктатура ума.*

Так, мелкими изящными штрихами читателю внушается мысль, что наша демократия — истинная, поскольку она — народовластие, а вот демократия на Западе — мнимая, потому что там она не является народовластием.

Вы жалуетесь на диктатуру? Напрасно! Ведь у нас-то, оказывается, диктатура ума!

Раздел словаря на букву «е» начинаются со слова «евгеника». В словарь русского государственного языка, разумеется, не вошло ни одного слова, начинающегося на «еб-» (а очень не помешала бы ЕБИТДА).

ЕВГЕНИКА, -и; [от греч. eugenés — благородного происхождения, хорошей породы]. Учение о наследственном здоровье и наследственных способностях человека, возможностях ограничения передачи наследственных заболеваний последующим поколениям и влиянии на эволюцию человечества.

Казалось бы, первым словом на букву Е в словаре русского языка как государственного будет ЕВАНГЕЛИЕ, да и ЕВАНГЕЛИСТЫ не помешали бы, но ничего этого нет. Между ТАЛЛИЕМ сверху и ТАЛОНОМ снизу мог бы поместиться и ТАЛМУД, но такого слова нет. Хорошо, что нашлось место хотя бы для КОРАНА. Что бы это ни значило.

Судя по статье ЕВРОПЕИЗМ, «совокупность свойств, качеств, присущих западноевропейской жизни, культуре, обиходу и т.п.», составители словаря недолюбливают или недооценивают Восточную Европу.

Америка, американцы, Англия, англичане есть. Есть даже АНГЛОСАКСЫ. А вот французов и немцев не наблюдается. Нет словарной статьи ЕВРЕЙ, но евреи все-таки появляются в словаре государственного языка в неких присущих им контекстах.

Надо заметить, что евреям не повезло уже в советское время, когда из словаря «Живого великорусского языка» В.И.Даля, при переиздании его в 1950-х гг., ухитрились выкинуть слова ЖИД и КОШЕРНЫЙ. А в 2025 году ЖИД как раз вернулся, а еврей немного стусевался. Вот контексты, в которых евреи присутствуют в качестве иллюстрации.

Как иллюстрация в статье ВЕЧНЫЙ:

4. Постоянно, очень долго занимающийся одним и тем же; находящийся в одном и том же состоянии, положении. *Вечный*

труженик. Вечный студент. Вечный жид (в европейских средневековых сказаниях: еврей Агасфер, обречённый на бессмертие и бесконечные скитания за то, что не дал Христу отдохнуть по пути на Голгофу)

Как иллюстрация к статье ГЕТТО:

2. В средние века в Западной Европе: часть города, выделенная для изолированного проживания евреев. • По названию изолированного канала участка земли в Венеции (*Ghetto Nuovo*), куда по требованию папы в 1516 г. было решено поселить всё еврейское население города.

Как иллюстрация к статье ДИАСПОРА:

ДИАСПОРА, -ы; [от греч.: *diasporá* — рассеяние]. Религиозные и этнические группы, живущие в новых для себя районах на положении национально-культурных меньшинств (ср.: ирредёнта). Еврейская, армянская диаспора.

Как иллюстрация к статье КНИГА:

Настольная книга (любимая, часто читаемая). Книга Иова (произведение древнееврейской поэзии, входящее в ветхозаветный канон Библии).

Как иллюстрация к статье КОМИТЕТ:

Исполнительный комитет. *Местный комитет профессионального союза. Еврейский антифашистский комитет* (в СССР в 1942–1948 годах: общественная организация, объединявшая еврейских деятелей науки, искусства и культуры).

Как иллюстрация к статье НАРОД:

2. Устойчивая общность людей, основанная на общей истории, языке, традициях (ср.: народность, национальность, нация). *Русский народ. Этикет и культура народов России. История еврейского народа. Народы мира. Коренные народы Сибири. Южные, северные народы. Малые народы (о малочисленных народах).*

Как иллюстрация к статье ПОГРОМ.

Есть исторические термины, от которых еврейством тянет, как говорится, за версту. Но словарь ленинградских товарищей подкачал и на связь евреев и космополитизма не указал:

КОСМОПОЛИТ, -а; [от греч. *kosmopolítēs* — гражданин мира]. 1. Приверженец, последователь космополитизма. 2. Биол. О животном или растении, распространённом по всей Земле.

КОСМОПОЛИТИЗАЦИЯ, -и; Усиление космополитизма в чём-либо. *Космополитизация экономики, политики.*

КОСМОПОЛИТИЗМ, -а; Идеология, проповедующая отказ от национальных традиций и культуры, патриотизма, отрицающая государственный и национальный суверенитет и выдвигающая идеи «мирового государства», «мирового гражданства».

Возможно, грамотный читатель сумеет при желании связать Еврейский антифашистский комитет, упомянутый в статье КОМИТЕТ, и с КОСМОПОЛИТИЗМОМ, и с АНТИСЕМИТИЗМОМ. Но чем именно евреи насолили создателям словаря государственного языка, судить не возьмусь.

В статье Библия упоминаются иудаизм и христианство, но статьи ИУДАИЗМ почему-то нет (как нет и статьи ИУДЕИ). Это вообще замечательный эпизод из словаря государственного языка, который читается, как роман разложения сознания авторского коллектива:

ИТТРИЙ, -я; Химический элемент (Y), редкоземельный металл (применяется как легирующая добавка ко многим сплавам).

ИХТИОЛ, -а; [от греч. *ichthýs* — рыба и лат. *oleum* — масло]. Маслообразное лекарственное вещество, которое является продуктом переработки сланцев, содержащих остатки ископаемых рыб. *Запах ихтиола. Приготавливать ихтиол.*

ИХТИОЛОГ, -а; Специалист по ихтиологии.

ИХТИОЛОГИЯ, -и; [от греч. *ichthýs* — рыба и *lógos* — учение]. Раздел зоологии, посвящённый изучению рыб. *Лекции по ихтиологии. Заниматься, увлекаться ихтиологией.*

ИШЕМИЯ, -и; [от греч. *ischō* — задерживаю и *haima* — кровь]. Местное обескровливание какого-либо органа, ткани в результате сужения просвета питающей их артерии. *Ишемический, -ая, -ое. Ишемическая болезнь сердца. Ишемическое поражение конечности.*

ИШИАС, -а; [греч. *ischíás*, от *ischia* — седалище]. Заболевание седалищного нерва. *Заболеть ишиасом. Ишиас разыгрался, схватил. Застарелый ишиас.*

В общем, не поместились ни иудеи, ни иудаизм, не удалось им затесаться между государствообразующими иттрием и ихтиолом.

По не совсем понятным причинам в словаре есть странный гастрономический проблеск юдофилии. Правда, есть статья ЮДОФОБ, -а; [от *лат.* Judaeus — еврей и *греч.* rhóbos — страх, боязнь]. = Антисеми́т, но нет статьи юдофил, а признаки юдофилии все же налицо в статье

ХАЛА, -ы; [от *др.-евр.* halla]. Витой белый хлеб продолговатой формы. *Хала с маком. Свежая, сдобная хала. Взять две халы.*

Нет ни черты оседлости (гетто есть, но оно же — там, у них, в Венеции или в Варшаве), ни кошерного, ни трефного, ни халяльного, ни хасидов, ни раввина, который вполне поместился бы аккуратно между РАБСТВОМ и РАВЕНСТВОМ. А вот статьи об исламе есть. И даже не без пышности:

АЯТОЛЛА, -ы; [*перс.* 'āyatollāh отмеченный Аллахом, *араб.* 'āya — творение и al-llāh — Аллах, Бог]. У шиитов в Иране: высший духовный титул учёного-богослова. // Лицо с таким титулом. ИСЛАМ, -а; [*араб.* islām — покорность]. Одна из мировых религий, основанная на семи догматах (вере в единого Бога — Аллаха, в ангелов, в книги Божьи, посланников Аллаха, в конец света, предопределение, воскресение мёртвых) ; мусульманство. *Идеи ислама. Проповедь ислама.*

Исла́мский, -ая, -ое. *Исламский банкинг* (деятельность на финансовом рынке в соответствии с принципами шариата). • Вероучение, изложенное в Коране, возникло в Аравии в начале 7 века; оно, согласно мусульманскому преданию, было ниспослано Аллахом пророку Мухаммеду через ангела Джебраила (Гавриила). Ислам опирается на «пять столпов»: исповедание веры (соответствует христианскому Символу веры и сводится к формуле: «Нет божества кроме Аллаха, а Мухаммед — посланник Божий»), ежедневная пятикратная молитва, строгий пост в месяц рамадан по лунному календарю (турки и иранцы называют его рамазаном, или уразой), обязательная благотворительность (закят) и паломничество (хадж) в священный город Мекку (если позволяют финансовые и жизненные обстоятельства).

ИСЛАМИЗМ, -а; (*Полит.*) Политическое течение, направленное на создание социально-экономических условий, при которых нормы мусульманского права, морали, религиозных предписаний и ритуалов станут нормой жизни всего мира. Радикальный исламизм. // Идеология, возрождающая священную войну (джихад) в её самых агрессивных формах, практиковавшихся мусульманской общиной времён пророка Мухаммеда. Исла-

мистский (см.) ИСЛАМИСТ, -а; Сторонник исламизма. *Политический исламист. Ярый исламист.*

Исламистка, -и; род.-ток, дат. -ткам; Исламистский (см.)

Между СИМУЛЯЦИЕЙ сверху и СИНГУЛЯРНОСТЬЮ снизу вполне могла бы уместиться СИНАГОГА. Ведь даже в Москве и Ленинграде их еще можно наблюдать. Но места для нее в словаре не нашлось. Мало того, между СИНЯКОМ сверху и СИРОПОМ снизу не нашлось места даже СИОНИЗМУ. Нет в словаре русского языка как государственного такого слова. Как говорится, от греха подальше.

Хорошо, что хоть о мечети написали: МЕЧЕТЬ, -и; [араб. масджид]. У мусульман: молитвенный дом. *Высокая мечеть. Мечеть с минаретами. Молиться в мечети. Войти в мечеть.*

К числу поразительных внутриполитических зияний относится ОБНУЛЕНИЕ. Хотя это — важнейшая государственная скрепа.

Сначала — конституционный переворот, давший право узурпатору оставаться хозяином страны без ограничения сроков (они как раз и обнулились), а потом — главный инструмент поддержания в войсках боевой дисциплины — обнуление в значении убийство солдата за неповиновение.

В Словаре немало нафталина, иногда кажется, что он и создан как бы для одного читателя — врага интернета.

ОБЛАЧНЫЙ, -ая, -ое; -чен, -чна, -чно; 1. *Облачные очертания. Облачные пятна. Круглые облачные вершины.* 2. *Покрытый облаками. Весь горизонт облачен. Облачное небо. // С небом, затянутым облаками. Облачный день. Облачная погода. Облачно, Сегодня облачно.*

А где же современное значение? Где облако как место хранения данных, где все облачные сервисы?

Есть ли у словаря идеологическая основа? Безусловно: авторы его отрицательно относятся не только к евреям, но и ко всяким общественным движениям, к диссидентству, революциям, массовым беспорядкам, к мятежу.

БУНТ, -а; 1. Стихийное восстание против сложившегося порядка правления; мятеж. *Поднять, подавить бунт. Бунт на корабле, в войсках. Голодный бунт.* 2. О любом (обычно массовом) проявлении недовольства, неповиновения, несогласия с кем-либо, чем-либо. *Бунт против начальства.*

БУНТОВАТЬ, -тúю, -тúешь; 1. Поднимать бунт, участвовать в бунте. 2. (взбунтовáть). *кого-что*. Возбуждать недовольство, призывать к решительным действиям против кого-либо, чего-либо. *Хватит народ бунтовать!* 3. Только СМИ, реклама и худож. лит-ра. Выражать большое недовольство; упорно не соглашаться, протестовать. *Бунтовать против перевода на новое место работы.*

ВОССТАНИЕ, -я; Массовое вооружённое выступление угнетённых слоёв общества против существующей власти. *Поднять восстание. Крестьянские восстания. Восстание рабов в Риме.*

МЯТЕЖ, -á; Стихийное восстание, вооружённое выступление против власти; бунт. *Поднять, подавить мятеж. Корниловский мятеж* (в России в августе 1917 года: неудачная попытка установления военной диктатуры, предпринятая под руководством верховного главнокомандующего Русской армией генерала Лавра Георгиевича Корнилова).

Установить военную диктатуру Л. Г. Корнилову было бы хорошо, а вот то, что мятеж не удался, это плохо.

ОБЕЗГЛАВИТЬ, -влю, -вишь; кого-что. 1. Отрубив голову, лишить жизни. *Приговорённый к гильотине был обезглавлен. Обезглавлен на плахе. Обезглавленный труп.* 2. Лишить главы, руководства (организацию, движение и т.п.). *Обезглавить восстание. Сняв руководителя, обезглавили институт.*

Обезглавливать, -аю, -аешь; нсв. Обезглавливаться, -ается; Обезглавливание.

Нет статьи ДЕКАБРИСТЫ, но есть статья ГИГАНТ, которую иллюстрируют такие слова:

5. О человеке, выдающемся в какой-либо сфере деятельности. *Герцен называл декабристов гигантами. Гигант науки. Гиганты сцены.*

КАТОРГА, -и; [от греч. *kátergon* — галера]. 1. В Российской империи: особый вид наказания — содержание заключённых в тюрьмах и т.п. с особо суровым режимом и с привлечением к тяжёлому физическому труду. *Сибирская каторга. Бессрочная каторга. Осудить на каторгу. Отправить на каторгу. Бежать с каторги.* • В России была введена Петром I в 1691 году; декабристы стали первыми политическими каторжанами [слово каторжанин отсутствует — Г.Г.]; упразднена в марте 1917 года, последний раз официально этот термин был использован в 1943 году. 2. Только СМИ, реклама и худож. лит-ра. О непосильном изнурительном труде, невыносимо тяжёлой жизни.

Загадочная иллюстрация к статье

ОЛИЦЕТВОРЯТЬ, -яю, -яёшь; кого-что. 1. Нсв. к Олицетворить. 2. Являться наиболее совершенным образцом чего-либо, живым воплощением каких-либо свойств, качеств. *Конь «Медного всадника» олицетворяет собой Россию. Жёны декабристов олицетворяли собой любовь, преданность и верность долгу.*

Еще более интересный пример — использование слова *декабристы* в качестве иллюстрации к слову «опальный»:

ОПАЛА, -ы; 1. Нерасположение (обычно высокопоставленных лиц) к тем, кто от них зависит. *Попасть в опалу. Быть у руководства в опале. Избежать чьей-либо опалы.* 2. В допетровской Руси: гнев, недовольство царя по отношению к провинившемуся боярину, вельможе; наказание, налагавшееся на такого боярина, вельможу. ОПАЛЬНЫЙ, -ая, -ое. Находящийся в опале. *Опальный военачальник. Опальный экономист.* // Связанный с обстановкой и условиями жизни такого человека. *Опальное положение декабристов. Опальная жизнь.*

В словах «связанный с обстановкой и условиями жизни такого человека» — вся суть государственного языка Российской Федерации, выпущенного ленинградскими чекистскими языковедами, которые учились в школе и определенно видели рисунок Пушкина с пятью повешенными декабристами.

Идем дальше. Нет статей *татарин* и *Татарстан*, но татары упоминаются в разных контекстах, образующих отношение к этому народу в глазах государственников из числа государствообразующего этноса. Отношение это вот какое.

ДВОЙНИК, -а; 1. О человеке, который имеет полное сходство с другим человеком или очень похож на него внешне или внутренне. *Двойник знаменитого актёра.* 2. О предмете, явлении и т.п., имеющем сходство с другим предметом, явлением и т.п. *Эта машина — двойник автомобиля известной марки. Ядовитый двойник белого гриба. Воспоминания — двойник того, что было на самом деле. Для каждого русского имени имеется его татарский двойник.*

КАЗАЧЕСТВО. В 15–16 веках вольные люди, жители степей между Волгой и Днестром (Дикого поля), отчасти выходцы из Орды, отчасти беглые русские холопы и крестьяне. Казаки жили охотой, грабежом купеческих караванов, набегами на русские и татарские селения. Высшим органом власти у казаков являлся круг

(общая сходка). Казачьи станицы (отряды) возглавляли атаманы, которым помогали есаулы. Во второй половине 16 века часть казаков вошла в число служилых людей России. В 16–17 веках правительство использовало казаков для охраны границ, выплачивая им жалованье деньгами, хлебом и порохом. В 18 веке казачество превратилось в привилегированное военно-служилое сословие. В 1920 года казачество как сословие было упразднено. С 1990 года в России началось возрождение казачества.

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ 3. Представляющий высшую, крайнюю степень проявления чего-либо. *Окончательное свержение татарского ига. Полная и окончательная победа над агрессором. Окончательный заскок у кого-либо.*

ПРОИЗВОДИТЬ 3. Устанавливать происхождение кого-либо, чего-либо. *Название глаголицы производят от слова «глагол». Слово «академия» производят от греческого корня. Род Годунова производят от татарских князей.*

РЕСПУБЛИКА 2. [только с прописной буквы] В современной России: публично-территориальное образование, непосредственно входящее в состав российской федерации, имеющее некоторые символические признаки государства (конституцию, собственный государственный язык), сформированное по национально-территориальному принципу. *Республика Татарстан. Республика Марий Эл.* 3. [с прописной буквы, только ед.ч.] Страна с такой формой правления. *Республика Беларусь. Республика Молдова. Чешская Республика. Французская Республика.*

САБАНТУЙ [от тат. сабан — плуг и туй — праздник]. Народный весенний праздник у татар и башкир, посвящённый окончанию весенних полевых работ.

СТОНАТЬ 4. Тяжко страдать, мучиться под гнётом, игом кого-либо, чего-либо. *Стонать под татаро-монгольским игом. Стонать под рабством. Стонать от тяжёлого нрава начальника.*

И, наконец, финал:

ЭТНОКРАТИЯ, -и; *Полит.* [от греч. *éthnos* — народ и *krátos* — власть]. В многонациональном государстве: форма политического правления, при которой какая-либо этническая группа наделяет себя особыми правами в решении государственных дел и использует своё положение для обеспечения преимущественного положения за счёт остального населения страны. *Кастовая этнократия. Латышская, татарская этнократия. Эт-*

нократии Северного Кавказа. *Этнократия как политическое явление формируется в Прибалтике.*

Русский язык как государственный обнаруживает свою нелюбовь к бывшим советским меньшинствам в десятках эмоциональных статей. Например,

ЛИМИТРОФ, -а; [*лат. limitrophus* — пограничный]. В Европе 21 века: о государстве, используемом в качестве буфера между Западной Европой и Россией, которое в политическом, экономическом и культурном отношении не способно быть самостоятельным. *Страны лимитрофы. Правительство лимитрофа.* • Первоначально так называлась пограничная область Римской империи, которая должна была содержать стоявшие там войска. В 1920–30-х годах 20 века лимитрофами называли государства, образовавшиеся после 1917 года на западной окраине бывшей Российской империи (Латвия, Литва, Эстония, Польша и Финляндия).

Авторы словаря не могут скрыть отвращения, которое вызывают у них новые государства, возникшие на месте бывших советских республик.

ОТПАСТЬ, -падú, -падёшь; отпáл, -ла, -ло; отпáвший; 1. Отделиться от чего-либо, перестать держаться на чём-либо; отвалиться. *Штукатурка отпала.* 2. от кого/чего. Утратить прежнюю связь с кем-либо, чем-либо, выйти из состава какого-либо объединения. *Отпасть от военного блока. Прибалтийские республики отпали от Союза.*

СИНДРОМ, -а; [*греч. syndromé* — стечение, соединение многих]. Сочетание различных симптомов заболевания, обусловленных единым механизмом развития патологических процессов. *Болевой синдром. Астенический синдром. Двусторонний шейный синдром. Синдром приобретённого иммунодефицита (=СПИД).* // О комплексе разнородных отрицательных явлений, обусловленных одной и той же причиной. *Афганский синдром. Вьетнамский синдром. Прибалтийский синдром. Казарменный синдром.*

СУВЕРЕНИЗАЦИЯ, -и; Обретение какой-либо республикой, колонией и т.п. суверенитета, политико-государственной независимости. *Суверенизация республик Прибалтики.*

Изучение любого словаря, в котором слова размещены в алфавитном порядке, принято начинать со списка помет и сокращений: они задают каркас словаря — основные предметные

рубрики (Политика, Музыка, Биология и т.п.) и основные источники поступления слов в язык (араб., нем., франц. и т. д.). Иногда случаются досадные опечатки, вроде уже отмеченной — напечатано «латвийский язык», следует читать «латинский язык». Но гораздо хуже для составителей словаря русского языка как государственного — следы откровенной халтуры. Один из этих следов — как раз обращение с языками меньшинств. Так, иврит, идиш и, к примеру, эстонский язык упомянуты только в самом списке сокращений, иначе говоря, упомянуты только для отчета перед заказчиком, который не станет же читать словарь насквозь, как книгу... А Эстония упомянута только в уже процитированной статье ЛИМИТРОФ.

Литовский язык появляется в словаре в следующих контекстах:

ПРИМЕСЬ, -и; 1. Небольшое количество какого-либо вещества, примешенное к другому. *Отруби с примесью муки. Жидкость без примеси. Посторонние примеси. Полезные примеси.* 2. Добавление к чему-либо основному. *В его непосредственности есть примесь фамильярности. Он говорил на литовском с примесью польского.*

СЕЙМ, -а; [польск. sejm]. 1. В Польше, Латвии и Литве: однопалатный высший орган государственной власти. *Польский сейм.* 2. *Ист.* В ряде стран Восточной Европы в 14-20 веков: собрание выборных представителей отдельных сословий. *Сейм Королевства Польского. Сейм Великого княжества Литовского.*

Идеологические рамки в отношении внутренней политики Российской Федерации также задаются словарем.

ПЕРЕСТРОЙКА, -и; 1. к Перестро́ить и Перестро́иться. *Перестройка плана статьи. Перестройка народного хозяйства. Перестройка радиоприёмника.* 2. В СССР в 1985-1991 годах: государственная политика коренного преобразования общественного сознания, направленная на развитие демократии и окончание холодной войны.

Поскольку мы уже знаем, что такое ДЕМОКРАТИЯ, то понимаем, что перестройка была нацелена на отказ от собственных ценностей и усвоение ценностей Западного мира.

2. ПИОНЕР, -а; В СССР: член добровольной самодеятельной детской организации, объединявшей детей и подростков от 10

до 15 лет. *Вступить, принять в пионеры. Стать пионером. Выйти из пионеров.*

Занятно, но в этой статье вранье всё: пионерская организация не была ни добровольной, ни самодеятельной, да и «выйти» из нее было нельзя — тебя либо исключали, либо ты выбывал по возрасту.

ПОЛИТБЮРО, Политическое бюро — высший руководящий орган политической партии, избираемый из состава высшего исполнительного органа и выполняющий его функции в периоды между его заседаниями, избираемое центральным комитетом какой-либо политической партии. *Политбюро либерально-демократической партии. Политбюро французской социалистической партии.* // В СССР: Бюро Центрального комитета КПСС, руководящий орган Коммунистической партии Советского Союза (до 1991 года писалось с прописной буквы). Член политбюро. *Избрать в политбюро кого-либо.*

Занятная форма словарного вранья — попытка представить КПСС как нормальную политическую партию, действующую в условиях многопартийности. Так выглядит и статья «КПСС Буквенное сокращение: Коммунистическая партия Советского Союза (такое наименование носила правящая политическая партия в РСФСР и СССР с 1952 по 1991 годы)».

Потрясающая статья, в которой не указаны ни РСДРП, рядом с которой еще были другие партии, ни ВКП(б), рядом с которой никаких других партий уже не было.

Сложные отношения нового российского государства со старым советским проявляются и в том, как авторы словаря еще помнят советские слова и словечки, но напрочь забывают советские реалии, используя штампы давно отшумевшей идейной борьбы как некие объективные характеристики явления.

ПОПУТЧИК, -а; 1. Спутник в пути, в дороге. *Случайный попутчик. Разговориться с попутчиком. Искать попутчиков (чтобы вместе идти, ехать).* 2. Тот, кто временно и только внешне примыкает к какому-либо общественно-политическому движению (преимущественно в эпоху подготовки социалистической революции в России и социалистического строительства в СССР). *Попутчики революции. Мелкобуржуазные попутчики.* // О группе писателей, выходцев из непростой среды, в ос-

новном поддерживавших политику Советского государства в 20-30 годах. *Попутническая литература.*

ПРАВОПРЕЕМНИК, -а; Лицо, которому переходят права и обязанности другого лица после его смерти; наследник. // Тот, кто наследует, кому предоставлены все права и обязанности в случае ликвидации юридического лица, государственного органа, государства. *Россия — правопреемник СССР.*

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ КАРТОЧКИ (в СССР: талоны, дававшие право на приобретение лимитированных продуктов питания). ПРОПИСКА, -и; -сок, -скам; 1. к Прописать ( ) и Прописаться. *Прописка паспорта. Почему тянешь с пропиской? Жить без прописки (не прописываясь где-либо).* 2. Регистрация места жительства; соответствующая пометка в паспорте. *Московская прописка. Областная прописка. Постоянная, временная прописка. Лимитная прописка* (в СССР: официальное разрешение проживать в каком-либо крупном городе, обусловленное определённой работой по найму). *Сняться с прописки* (получить отметку в паспорте о перемене местожительства). *Не иметь прописки* (постоянного местожительства). *Получить прописку* (также: обосноваться, прочно закрепиться).

ПЯТИЛЕТКА 2. В СССР: пятилетний план развития народного хозяйства; период, охватываемый этим планом. *Прошедшая, предыдущая, текущая, первая, вторая, десятая пятилетка. Завершение пятилетки. Выполнить пятилетку. Итоги пятилетки.*

РОДИНА, -ы; 1. Страна, в которой человек родился и гражданином которой является; отечество, отчизна. *Наша родина Россия. Родина Пушкина, Толстого. Любовь к родине. Защита родины. Измена родине. Тоска по родине. Жить вдали от родины. Трудиться на благо родины. Вернуться на родину.* // О месте, где человек родился, где живут его родные и близкие (противоп.: чужбина) *Малая родина. Поехать к себе на родину в Красноярский край.* 2. Место происхождения кого-либо, чего-либо, возникновения чего-либо. *Индия — родина шахмат. СССР — родина космонавтики.* [вызывает принудительную ассоциацию с советским анекдотом «Россия — родина слонов». — Г. Г.].

СЕКРЕТАРЬ 3. Руководитель какого-либо органа или общественной организации. *Секретарь партийного бюро. Государственный секретарь* (в США: министр иностранных дел). *Генеральный секретарь* (главное должностное или выборное лицо, возглавляющее секретариат). *Генеральный секретарь ЦК КПСС* (в СССР: высшая партийная должность в КПСС).

СЕЛЬСОВЕТ, -а; 1. В СССР: низший выборный орган государственной власти в селе; сельский совет. *Заседание сельсовета. Председатель сельсовета.* 2. Здание, где размещается этот орган. *Зайти в сельсовет. Регистрироваться в сельсовете.* 3. Часть района, находящаяся в ведении сельского совета.

СЕРТИФИКАТ 2. В СССР: заёмное финансовое обязательство государственных органов; казначейский билет (чек), служащий обменным эквивалентом валюты у лиц, работающих за границей, и дающий право на приобретение ими товаров в собственной стране в специальных (сертификатных) магазинах [в РСФСР такие магазины назывались «Березка», в УССР — «Каштан», в Азербайджанской ССР — «Чинар» — Г.Г.]. *Получать зарплату сертификатами, в сертификатах. Приобрести видеотехнику на сертификаты.*

СНГ Буквенное сокращение: Содружество Независимых Государств (политический союз государств, образованный Белоруссией, Россией и Украиной в начале декабря 1991 года после распада СССР). • В конце декабря 1991 года СНГ было учреждено официально, в её состав вошли: Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Туркменистан, Украина и Узбекистан.

СОВЕТСКИЙ, -ая, -ое. 1. В СССР: основанный на управлении советами как органами государственной власти. *Советская власть. Советское государство. Союз Советских Социалистических Республик. Советский строй.* 2. *Относящийся к Стране Советов, к СССР, принадлежащий Стране Советов. Советский народ. Советское правительство. Советская конституция. Советская армия. Советская промышленность. Советская наука. Советский учёный. Советская литература. Советское студенчество. Думать по-советски* (как советские люди, как принято в Стране Советов).

СОЦИАЛИЗМ, -а; [от лат.: *socialis* — товарищеский, общественный]. 1. Экономическая и политическая система, в которой средства производства, распределение, обмен товарами и услугами находятся в коллективной собственности и регулируются обществом или государством. // В СССР: общественно-экономический строй на основе государственной и коллективной форм собственности с плановым ведением хозяйства; политическая система социализма опирается на союз рабочего класса и кооперированного крестьянства при руководящей роли коммунистической партии. *Программа, цель, законы социализма. Экономическая база социализма.* 2. какой. Название различных

реформистских учений о преобразовании общества на основе уравнительности и сглаживании общественных противоречий. Африканский социализм (в африканских странах в 60-х годах 20 века: подход к социальному развитию, основанный на национализации отраслей промышленности и земельных ресурсов, совместном использовании экономических ресурсов традиционным способом, недопущении развития классовых отношений внутри общества, укреплении национальной самобытности и независимости и т.п.). Народнический социализм (в России второй половины 19 века: политическое и социальное движение, которое выступало за установление социализма, минуя капитализм, путём революционной борьбы народных, по преимуществу крестьянских, масс за землю, за уничтожение крепостнических форм эксплуатации). Утопический социализм (учение об идеальном обществе, основанном на равенстве, общности имуществ, коллективном владении средствами производства, обязательном труде, справедливом распределении по принципу "от каждого по способностям, каждому по потребностям"). Феодалный социализм (теория развития общества, согласно которой переход от капитализма к социализму может быть достигнут только через промежуточный этап, включающий временный возврат к феодализму, который обеспечит коллективное владение землёй и перераспределение богатства в пользу народа). Христианский социализм (социальный строй, основанный на христианских принципах справедливости и любви к ближнему, в котором государство должно играть активную роль в регулировании экономики и распределении богатства в интересах наиболее нуждающихся.)

ТОВАРИЩ, -а; г. Человек, связанный с кем-либо узами дружбы, близкий приятель. Товарищ детства, юности. *Саша — мой товарищ. Пойти в кино с товарищем. У тебя есть товарищи? Ты мне больше не товарищ.* // О том, кто или что постоянно сопутствует человеку в его делах, трудах, путешествиях и т.п. *Собака — мой верный товарищ. Кинжал — его неизменный товарищ.* 2. Человек, связанный с кем-либо по роду деятельности, занятий, месту службы, учёбы; коллега. *Бывший товарищ по университету. Школьные товарищи. Фронтовые, боевые товарищи. Товарищ по работе, по оружию, по революционной борьбе.* 3. О человеке, дружески расположенном к людям, с которыми связан, всегда готовом им помочь. *Хороший, плохой товарищ. Этот ученик — отличный товарищ. Товарищ по несчастью* (о том, кто вместе с кем-либо или подобно кому-либо по-

пал в беду, неприятное положение). 4. В СССР: форма вежливого упоминания или обращения к мужчине (обычно используется перед фамилией или должностью, званием) ; гражданин. *Комиссия состоит из трёх товарищей. На съезд приехали товарищи из разных республик. Товарищ Иванова не явилась на заседание. Товарищи, пора приниматься за дело. Куда ехать, товарищ генерал?* (как официальное обращение).

ТРЕУГОЛЬНИК 3. *Только СМИ, реклама и худож. лит-ра.* В СССР общее название трёх руководящих лиц на предприятии, в учреждении: директора, секретаря партийной организации и председателя местной профсоюзной организации. *Характеристику должен был подписать треугольник. Заседание треугольника.*

Хорошее, доброе советское слово треугольник.

А вот хорошее русско-советское слово ТРОЙКА.

ТРОЙКА, -и; трóек, трóйкам; 1. Цифра 3. *Написать тройку.* // Количество три. *Тройка лошадей. Тройка поплавок. Был пару-тройку раз в театре.* 2. Оценка успеваемости в пятибалльной системе, означающая удовлетворительно. *Тройка по химии. Получить тройку. Поставили тройку на экзамене. Учиться на тройки. Закончить год с одной тройкой.* 3. Три лошади в одной упряжке. *Русская тройка. Катание на тройках.* 4. Игральная карта в три очка. *Сижусь с одними тройками на руках. Играю тройками.* 5. Название автобуса, трамвая, троллейбуса третьего маршрута. *Ехать на тройке. Пересесть на тройку.* 6. Костюм, состоящий из пиджака (или жакета), брюк (или юбки) и жилета. *Тройка из твида. Элегантная тройка. Прийти в тройке.*

А как же, а почему же нет еще одного значения слова ТРОЙКА? ТРОЙКА НКВД? Ведь о ней есть даже большая статья в Большой Российской Энциклопедии? В Википедии. В Рувики. Во всех политических и толковых словарях последних десятилетий? Вот как пишет о «тройках НКВД» БРЭ:

«Трóйки» НКВД СССР, в 1935–1938 гг. органы по применению мер внесудебной репрессии. Один из главных инструментов массовых политических репрессий в СССР в 1930-х гг. По приказу Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР от 27 мая 1935 г. № 00192 «тройки» «по рассмотрению дел об уголовных и деклассированных элементах и о злостных нарушителях положения о паспортах» [«милицейские тройки», «тройки по СВЭ» (социально-вредным элементам), «обычные тройки»] были образованы при всех управлениях

НКВД. В состав «тройки» входили: председатель — начальник Управления НКВД или его заместитель, члены — начальник Управления рабоче-крестьянской милиции и начальник соответствующего отдела. Обязательным было участие в заседаниях прокурора. Дела, как правило, должны были рассматриваться в присутствии арестованных (в ряде случаев предусматривалось заочное рассмотрение дел). «Тройки» могли принимать решения о ссылке, высылке из СССР и заключении в исправительно-трудовые лагеря на срок до пяти лет.

В период «большого террора» на основе одобренного Политбюро ЦК ВКП(б) приказа НКВД СССР от 30 июля 1937 г. № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» в республиках, краях, областях параллельно были созданы «оперативные тройки» («специальные тройки», «особые тройки»), для них определялась задача разгрома «антисоветских элементов» и ускоренное рассмотрение таких дел. Решения «оперативных троек» выносились заочно — по материалам дел, представляемым органами НКВД, а в некоторых случаях и при отсутствии каких-либо материалов — по представляемым спискам арестованных. «Оперативные тройки» приговаривали либо к заключению в лагеря на срок от 8 до 10 лет, либо к расстрелу. Решение «тройки» обжалованию не подлежало, и, как правило, заключительным документом в деле являлся акт о приведении приговора в исполнение.

Но поскольку новый ленинградский словарь в том, что касается политики и идеологии, и сам является чекистской спецоперацией по сшиванию плохо переваренного евразийства с текущей жопой, до которой довел свою Евразию путинский режим, то следить читателю приходится за густым советским дымом — АГИТБРИГАДА, АГИТПОЕЗД, АГИТПРОП, АППАРАТ, АРМИЯ, ГЕГЕМОН, ГОРИСПОЛКОМ, ГОРСОВЕТ, ДОСКА ПОЧЕТА, НАРОДНАЯ ДРУЖИНА, ПЕРЕХОДЯЩЕЕ КРАСНОЕ ЗНАМЯ, ПОЕЗД ДРУЖБЫ, ИНТЕРНАЦИОНАЛ, УДАРНИК, ФЛАГМАН, ФЛОТ, ЦЕЛИНА, ЯЧЕЙКА.

Не придумали еще такую науку, чтоб наш мат понимать

Wilhelm von Timroth. Russische und sowjetische Soziolinguistik und tabuisierte Varietäten des Russischen (Argot, Jargons, Slang und Mat). München, Berlin u.a.: Otto Sagner Verlag, 1983. 194 S. Reihe: Slavistische Beiträge, Band 164.

35 лет назад, или, как сказал бы человек серьезный, целое большое поколение тому назад, в 1983 году в Мюнхене вышла необычная книга о русском языке, советской науке и советском обществе. Ее автор, Вильгельм фон Тимрот, писал диссертацию о русских жаргонах — не об одном только пресловутом матерном языке — о вещи запрещенной, или так называемой нецензурщине, но и вообще о скрытых речевых пластах, которые жили и живут во всех странах, богатых субкультурами — солдатской и торговой, диссидентской и академической, чекистской и уголовной. В ходе своего исследования фон Тимрот с тоской обнаружил, что помощи ему в изучении богатейшего полевого материала специалисты — и местные, западногерманские, и советские, трудившиеся в университетах и в институтах Академии наук СССР, оказать не могут. Особенно обидно было, что ничем не могли помочь немецкие исследователи, занимавшиеся так называемой социалингвистикой, или наукой о том, как язык функционирует в обществе. Под обществом немецкие коллеги-лингвисты понимали только официальное советское общество, а потому оставляли язык неофициальный, иначе говоря, его действительно живое существо, за пределами своих работ. Ручные западные социалингвисты смирились с тем, что получали из рук советских товарищей после радикальной цензурной обработки. Даже уже и начавшие со страшным скрипом выходить в предзакатном Советском Союзе работы по просторечию оставались за горизонтом интереса немецкого славистического мейнстрима.

Только сейчас, тридцать пять лет спустя, становится ясно, какую ошибку совершает тот, кто подчиняется чужим для него

правилам изучаемой страны, думая, что после этого исследователь сможет извернуться и все-таки получить новое ценное знание. Но оставим исследователей-конформистов-по-доброй-воле в стороне. Что заметил молодой немецкий ученый в советском лингвистическом сообществе, парализованном официальной идеологией?

Главная беда советской лингвистики, имевшей дело с живым языком, молодой немецкий ученый видел в трехглавом существе, которое вынужден был пестовать в себе средний советский лингвист. Первая голова принадлежала настоящему серьезному исследователю, который приходил в языкознание, начитавшись великих предшественников и современников. Эта ясная голова, изучающая язык так, как энтомолог — насекомых или историк, например, рабство в Древнем Риме. Но тут рядом с субъективно честной головой ученого возникала вторая голова — слугителя литературной нормы. В СССР языкознание не имело права быть нейтрально-описывающей наукой. Ему всегда выкручивала руки вторая голова — голова, которой полагалось предписывать языку определенную норму. Эта норма могла касаться произношения некоторых слов (например, ударений или чередования мягкости и твердости в словах вроде пионэр вместо пионер или музэй вместо музей). Предпочтение во всех случаях отдавалось не тому, как оно было на самом деле, а тому, как ему полагается быть. Начав описывать то или иное явление устной речи или даже неподцензурной литературы, лингвист непременно включал вторую голову, и та уже распоряжалась словами — новыми и старыми. До некоторой степени эта вторая голова страшно удобна, к ней всегда можно прибегнуть, объясняя, например, иностранцу, как правильно говорить по-русски официально, а как официальные власти и культурные авторитеты говорить не рекомендуют. Надо сказать со всей прямоотой: исследователю эта вторая голова не нужна. Более того, она — вредна и мало-помалу первую голову — человека разумного, т.е. способного к критическому анализу собранного по науке материала, эту первую голову вторая попросту заклеивает. Как раз в тот момент, когда кажется, что вот-вот — и будет найдено объяснение, почему русские так широко используют такие-то и такие-то выражения, не попавшие ни в какие

официальные словари, первую голову заставляют замолчать. Слова эти вовсе не обязательно должны быть, например, непристойными, обценными, бранными, матерными. Набор эпитетов можно продолжить. Но вот синхронных срезов названного языка в России почти нет.

Кто же мешает сделать такой синхронный срез? А третья голова дракончика. Мифологическая. Выросшая на пустыре и на отшибе мировой науки. Голова, уверенная отчего-то в уникальности и глубочайшей архаичности русского матерного репертуара. Сколько их, великих людей, свято верящих, что мат — это чудесный древний дракон, позволяющий русскому человеку и другим обрусевшим страдальцам справляться, окупившись в древнейший ритуал, с трудностями повседневности.

Когда Вильгельм фон Тимрот ездил по Советскому Союзу и общался с людьми — дворниками и инженерами, филологами и домохозяйками, действительными членами АН СССР и просто членами ВЛКСМ и КПСС, как раз издыхал брежневский Советский Союз. Шла пятилетка пышных похорон. Народ ржал над гонками на лафетах товарищей Суслова, Брежнева, а дальше Андропова, и вот Константин Устинович Черненко готовился переехать Стикс. А народ наш матерный все голосил и ждал, когда же ему объяснят, отчего на него с экранов телевизоров и из радиорубок льется патока «пионерской зорьки», а по-настоящему он говорит как-то иначе, в школе его ждут отцензурованные, правда, Пушкин и Толстой, а в жизни ему не дают читать Солженицына и даже, я извиняюсь, братьев Стругацких. Да он, в общем, и не рвался, откровенно говоря, к чтению и пониманию.

В конце 1970-х годов я сочетал, без большого успеха, занятия языком древнегреческой комедии с собиранием материалов по языку нашего времени. Наш домоуправ Георгий Васильевич, пошуршав карточками в каталожных ящиках, которые стояли в боксе подвала нашего дома на улице Черняховского, вынес вердикт: «Не придумали еще такую науку, чтоб наш мат понимать».

Но дело было совсем не в мате. Дело было в том, что три драконьи головы в сознании одного человека никак не могли договориться. Одной хотелось заниматься наукой, да две дру-

гие мешали: вторая все порывалась разделить глубокое чувство самоуважения великого народа, от третьей же требовали чувства добрые лирой пробуждать, учить высокому, прекрасному и в духе ненависти к врагам.

Непристойное являлось в русском языке советской эпохи, возможно, даже и не в матерной форме, которую никто не обсуждал ни в студенческих аудиториях, ни на научных семинарах, а вот в этой — другой, изолгавшейся, постыдной, покорной, но — наставляющей, с высоко поднятым пальцем, позиции: «Так говорить можно, а так — нельзя!»

Непристойным была — и остается — притерпелость человека к наставлениям домоуправов и потребность извиняться за недостаточное почтение к духовности. Духовность на закате советской эпохи была закручена винтом. По одной стороне стекала умиравшая идеология, по другой возгонялась гальванизированная церковность. Вертикаль власти держал цензор. Цензура вдавалась в мельчайшие детали самой невинной литературной продукции. Вот только один пример. В книге об Аристофане, в главе, посвященной афинянину Алкивиаду, красавчику, богачу и авантюристу, я цитировал слова Плутарха: «Ради него, когда он был юношей, жены бросали мужей, а мужья — жен». Из цензуры корректура пришла с красным восклицательным знаком и загадочным словом «гомос.»

— Нельзя, — вздохнул редактор. — Гомосексуализм получается. Так и вышла книга с отцензурованным Плутархом: «Ради Алкивиада, когда он был юношей, жены бросали мужей». Раздавая книгу друзьям, я находил нужную страницу и вписывал в нее недостающие слова.

Эта непристойность тогда, в середине 1980-х, не воспринималась как непристойность. Готовность принять цензурный диктат, готовность склонить выю (ведь книжка-то все-таки выйдет!), смех, который вроде бы остается в воспоминании об этом эпизоде. Язык у Аристофана очень уж крутой, забористый. А в советское время ныне разрешенное слово «мудак», например, употреблять было нельзя, и я придумал «мужака». Но от этого перепрыгивания, от пересказа своими словами того, что нужно называть своими именами, было тошно.

Непристойности, социальной похабности, куда больше было в анекдотическом сопровождении умирания Брежнева, чем в матерной смазке советского народа, сопутствовавшей любому высказыванию.

Общенность обесценивания обычного слова — вот как это, пожалуй, называется. Она мало изменилась за поколение. И сейчас ситуация в этом отношении чем-то похожа на последние годы советской власти. Вот уже двадцать лет прилипла чья-то жопа к трону — не оторвешь. Казалось бы, обсуждать нужно, как эту жопу все-таки от трона оторвать, да и трон разобрать в соответствии с конституцией республики.

Но нет, нет. Что будут обсуждать ученые люди в России? Правильно! Они будут говорить, что, может быть, вместо «жопы» все-таки сказать «задница» или даже «усест». Ведь «жопа» — слово неприличное, оно может обидеть прилипшего ею к власти значительного человека. Да и как ее убрать, что тогда будут лизать придворные?!

Так что книга Вильгельма фон Тимрота остается своевременной и через 35 лет после публикации. Не придумали еще такую науку, чтоб наш мат понимать? Дудки-с!

242

DOI: 10.55167/daec5bb3a8da